

№18 научный православный журнал 2016

ТРАДИЦИИ *и* современность

НАУЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПЕДАГОГИКА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

№ 18 (сплошная нумерация)

2016

научный православный журнал

ТРАДИЦИИ и современность

Содержание

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

Н. Т. Эннеева

Русская религиозно-философская мысль о христианских корнях Европы..... 3

О. В. Кириченко

Конвертация богатства в советскую эпоху (1950-е – 1990-е годы)..... 8

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Блохина

Становление и развитие Одесской Стурдзовской богадельни сестер милосердия (1850–1917)..... 20

Н. А. Шушвал

Доброхотные подаяния в традициях русского крестьянского храмопопечения (по материалам Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века)..... 44

М. М. Громыко

Подвиг служения на приходе: Россия 1810 – 1910 годы.....50

НАУЧНЫЙ ОЧЕРК

Г. П. Дурасов

К истории восстановления Свято-Троицкого Болдина монастыря.....65

И. В. Ушакова

Сельская школа С.А. Рачинского: вехи и принципы устройства; общественное значение в прошлом и современности.....84

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

О. А. Федосенко

Похороны батюшки.....102

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российская академия наук

На 1 стр. обложки:

С.А. Рачинский с учениками на крыльце Татевской школы
(Слева на право) стоят Михаил Емельянов, Сергей Сеодзи, Семен Толстой, Антон Ольховиков, С.А. Рачинский (сидит, в центре), Александр Воскресенский, неизвестные.
Фото Н.П. Богданова-Бельского. Конец 1880-х – начало 1890-х годов

На 3 стр. обложки:

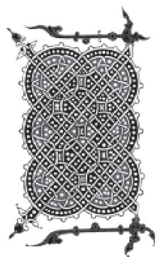
Икона прп. Герасима Болдинского. Совр. икона

На 4 стр. обложки:

Икона прп. Герасима Болдинского. XVIII в.

Учредитель	
Коллектив редколлегии	Макетирование и верстка ООО «Бригг Лайн» E-mail: art-brigg@mail.ru
Редколлегия	
О. В. Кириченко, <i>доктор исторических наук</i> главный редактор Г. А. Романов, <i>кандидат исторических наук</i> заместитель главного редактора М. М. Громыко, <i>доктор исторических наук</i>	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 954-74-46 E-mail: : kirichenko.oleg.1961@mail.ru
Редакция	
Л. Т. Соловьева, редактор-корректор Н. В. Шляхтина, секретарь	
Эксперты	
И. И. Калиганов, <i>доктор филологических наук</i> Ю. А. Лабынцев, <i>доктор филологических наук</i> В. М. Меньшиков, <i>доктор педагогических наук</i> Г. Н. Чагин, <i>доктор исторических наук</i>	М. А. Некрасова, <i>академик РАН, доктор искусствоведческих наук</i> Н. Т. Эннеева, <i>кандидат искусствоведческих наук</i>
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации ПИ № 77-17325 от 6 февраля 2004 г.	
Тираж 900 экз.	
При перепечатке ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

Н. Т. Эннеева

Русская религиозно-философская мысль о христианских корнях Европы

В юбилейном году в Российской академии наук прошла международная конференция, посвященная 2000-летию христианской эры в истории человечества. На ней была представлена как светская, так и богословская научная мысль. Один из основных пленарных докладов был сделан академиком Б.В. Раушенбахом. В своем выступлении он провел параллель между крещением Германии императором Карлом Великим и крещением Руси святым равноапостольным князем Владимиром, обратив внимание на относительную одновременность этих событий, а также на то, что именно христианизация западноевропейских и восточноевропейских племен, которые с точки зрения древней греко-римской цивилизации в равной степени считались варварскими, стала основой генезиса нового типа цивилизации, представленной в дальнейшем новыми субъектами исторического процесса — новыми государствами Западной и Восточной Европы, а также новыми культурными типами, в том числе культурой Западной Европы и культурой Руси. При этом у каждого направления христианизации была своя цивилизационная специфика: «Христианство, которое со временем завоевало господствующее положение в Европе, сыграло определяющую роль в создании того, что мы называем европейской культурой. <...> Назову два имени. Это, прежде всего, Карл Великий, который крестил Германию; южная часть Европы — Средиземноморье, Италия, Южная Франция — уже были христианизированы, надо было двигаться на север, к язычникам-немцам, и вот крещение германских племен Карлом Великим

было большим шагом продвижения христианства на север, а фактически — на всю Европу. И вторым таким же шагом, не менее важным, было крещение князем Владимиром Руси. Это была другая линия, но тоже линия распространения христианства на огромные новые территории — на весь север и восток Европы, на юг нынешней России... После тех великих дел, которые совершили не только Карл Великий и наш Владимир, князь киевский, но и их сподвижники и последователи, христианство стало, я бы сказал, общеевропейской культурой»¹. Разберем подробнее основные тезисы этого доклада.

По мысли ученого, христианство не есть некое частное слагаемое европейской культуры, не есть временная форма ее существования, ее идеализация или внешнее явление, оно есть неотъемлемый фактор ее самоидентичности, поскольку является причиной ее возникновения и входит в «плоть и кровь» ее исторической самореализации.

Далее автор говорит о том, что благодаря христианской основе европейской культуры ее распространение означало одновременно и распространение христианских жизненных принципов и ценностей по всему миру. Само владение европейской культурой, знание ее, стало со временем синонимом «цивилизованности», а, следовательно, универсальное понятие «цивилизации» (взятое не в историческом смысле, но в качестве критерия качества) включило в себя христианское содержание вне зависимости от конфессиональной принадлежности народов, присоединяющихся к кругу «цивилизованных» стран. Поэтому, говорит Б.В. Раушенбах,

¹ Раушенбах Б.В. Праздные мысли. М., 2003. С. 265–266.

«сегодня значительная часть населения Земли и у нас, и в других странах, конечно, находятся под определяющим влиянием христианства. Причем под этим влиянием находятся не только христиане, но и представители других конфессий — мусульмане, буддисты и так далее, потому что европейская культура проникает во все страны и в основе своей — христианская, поэтому влияние христианства идет шире, чем распространение просто христианских конфессий. Культура шире, она выходит за пределы конфессиональных групп, входит, скажем так, в пределы дружественных, но не христианских конфессий». «Больше того, — продолжает далее Борис Викторович, — я бы сказал, что даже атеисты живут по законам христианской культуры. Возьмите поведение приличного, образованного атеиста, — если вдуматься, оно есть христианское поведение. Атеист следует, сам того не понимая, тем установлениям, тем законам, которые возникли в Европе за последние две тысячи лет, то есть, следует христианским правилам. Так что влияние христианства и его культуры, его обычаев, представлений значительно шире, чем фактическое простое распространение этой конфессии. Если посмотреть на карте области распространения христианской Церкви, а с другой стороны — области распространения христианской культуры, то окажется, что области распространения христианской культуры много больше, чем области, занятые христианскими церквями. Христианская культура господствует даже там, где формально не является господствующей: очень много христианских ценностей стали уже общечеловеческими»².

Вопрос о христианских основах европейской культуры, вслед за философскими размышлениями И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, стал активно подниматься в русской религиозно-философской мысли во второй половине XIX в., вплоть до начала XX в., в связи с кризисными явлениями в Европе того времени. До того христианская принадлежность европейского менталитета не вызывала сомнений. Наглубокою христианскую укорененность как главную причину устойчивости европейской цивилизации, несмотря на саморазрушительные волны нигилизма, периодически порождаемые ее поверхностным культурным слоем, указал столетие назад русский религиозный философ С.Н. Булгаков, тогда — представитель западнического направления русской мысли, недавний

социалист, в последующем — православный священник, профессор, декан Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. В 1909 г. в знаковом сборнике «Вехи», ставшем, действительно, вехой на пути обращения части «левой» русской интеллигенции к традиционным духовным ценностям, в статье «Героизм и подвижничество» С.Н. Булгаков писал: атеизм «усвоен нами с запада <...>. Его мы приняли как последнее слово западной цивилизации». Но «на многовековом дереве западной цивилизации, своими корнями идущей глубоко в историю, мы облюбовали одну только ветвь, не зная, не желая знать всех остальных, в полной уверенности, что мы прививаем себе самую подлинную европейскую цивилизацию. Но европейская цивилизация имеет не только разнообразные плоды и многочисленные ветви, но и корни, питающие дерево и, до известной степени, обезвреживающие своими здоровыми соками многие ядовитые плоды». «Дерево европейской культуры и до сих пор, даже незримо для глаз, питается духовными соками старых религиозных корней. Этими корнями, этим здоровым историческим консерватизмом и поддерживается прочность этого дерева, хотя в той мере, в какой просветительство проникает в корни и ствол, и оно тоже начинает чахнуть и гнить». <...> Наша интеллигенция в своем западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с наиболее крайними и резкими формами философии просветительства... В этом отборе, который произвела сама интеллигенция, в сущности даже и не повинна западная цивилизация в ее органическом целом... Поэтому в борьбе за русскую культуру надо бороться, между прочим, даже и за более углубленное, исторически сознательное западничество»³. Последняя несколько парадоксальная фраза, в контексте выше цитированного, означает не предложение трансформировать русскую действительность по западному образцу, но, напротив, призыв осознать, что Европа как историческая данность не противостоит России как некая принципиальная альтернатива, но связана с ней единством общих духовных корней.

«Европа нам второе отечество...», — говорит представитель другого — славянофильского — направления русской мысли, Ф.М. Достоевский. «О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, <...> Европа, эта

² Там же.

³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. 1909. Репр. изд. М., 1990. С. 36–39.

“страна святых чудес”! Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим <...> мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими. <...> Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы»⁴. «Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама»⁵. «Древний Рим, — продолжает Федор Михайлович, — первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством <...>. Пала <...> идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе»⁶.

Идеал всемирного единения, осуществления всеобщего человеческого христианского братства, по Достоевскому, выражает суть особого русского менталитета и обуславливает — по характерному выражению писателя — «всемирную отзывчивость», открытость русской души. По мнению Достоевского, западное христианство в попытках осуществления идеала христианского единства со временем стало склоняться к возрождению «древнеримского наследства», заключающегося в стремлении «осуществления на земле новой всемирной римской монархии»⁷, тогда как христианский восток сохранял неповрежденной идею неотмирного единства во Христе. Основная суть, содержание, таинственный смысл русской истории, по Достоевскому, заключаются в хранении евангельского «драгоценного бисера» — «Христового образа»; причем именно не в земном воплощении этого образа — в искусстве, общественной жизни, политике и т.д., что служило бы к славе человеческой, но именно в хранении в сокровенных, так сказать, «безвидных», недостижимых никаким внешним воздействиям, тайниках народной души. В этом причина «странностей» русской истории и «загадочной русской души», того феномена,

который поэт Ф.И. Тютчев поэтически обозначил словами «умом Россию не понять...». В контексте русской религиозной мысли второй половины XIX в. Россия словно предстает в образе Марии, сестры Лазаря Четверодневного из евангельского повествования, сидящей у ног Христовых и слушающей Его; о которой Сам Спаситель говорит: «Мария избрала благу часть, которая не отнимется от нее» (Лк. 10, 42)⁸. «Образ Христов храним», — так определяет смысл своей жизни любимый герой Достоевского в романе «Братья Карамазовы» — старец Зосима, — «Да воссияет как драгоценный алмаз всему миру... Буди, буди!»⁹. «Может быть, — пишет Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г., — главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, — явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»¹⁰. Поэтому, по Достоевскому, «будущность Европы принадлежит России»¹¹: «Нам дорога эта страна — будущая мирная победа великого христианского духа, сохранившегося на Востоке...», — пишет он¹².

Как же Федор Михайлович видит эту победу: «Что будет тогда делать Россия в Европе? Какую роль играть в ней? Готова ли она к этой роли?» — спрашивает он себя¹³. И отвечает: «До-петровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство, готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше — Православие, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося в других народах. Эта драгоценность, эта вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина, по взгляду лучших тогдашних русских людей, как бы избавляла их совесть от обязанности всякого иного просвещения... Через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше,

⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти томах. СПб., 1995. Т. 14. С. 26, 233.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ В начале XX в. М.В. Нестеров акцентировал этот образ в росписях Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве.

⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1895. Т. 12. С. 376.

¹⁰ Он же. Дневник писателя за 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1895. Т. 10. С. 240.

¹¹ Там же. С. 153.

¹² Он же. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч. СПб., 1995. Т. 14. С. 233.

¹³ Он же. Дневник писателя за 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1895. Т. 10. С. 153.

личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себе, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что все это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии Божиим — стань всем слугой (Мф. 20, 26). Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*»¹⁴.

Идея о том, что реформа Петра Великого имела в перспективе общечеловеческое значение, была присуща не только Достоевскому. Протоиерей Георгий Флоровский в статье 1924 г. «Вселенское предание и славянская идея» приводит следующие слова В.Ф. Одоевского: «Запад ожидает еще Петра, который бы привил к нему стихии Славянские <...>, ибо тогда только образуется полнота человеческой жизни <...>. Будет русское завоевание Европы, но духовное, ибо один Русский ум может соединить хаос европейской учености»¹⁵.

Об особой роли России в судьбах христианского мира писал и Владимир Соловьев: «Каждая сфера деятельности, каждая форма жизни на Западе, обособившись и отделившись от всех других, стремится в этой своей отдельности получить абсолютное значение... Сила, управляющая развитием Западной цивилизации, будучи предоставлена самой себе, неудержимо приводит под конец к всеобщему разложению на низшие составные элементы, к потере всякого универсального содержания, всех безусловных начал бытия. И если мусульманский Восток ... совершенно уничтожает человека и утверждает только *бесчеловечного бога*, то Западная цивилизация стремится прежде всего к исключительному утверждению *безбожного человека*, т.е. человека, взятого в его кажущейся поверхностной отдельности..., признаваемого вместе и как единственное божество...для себя <...>. Понятно, что все, что может произвести такой человек, будет дробным, частным, лишенным внутреннего единства и безусловного содержания, ограниченным одною поверхностью, никогда не доходящим до настоящего средоточия. Отдельный личный

интерес, случайный факт, мелкая подробность — атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве — вот последнее слово Западной цивилизации. <...> Но откуда может быть взято <...> безусловное содержание жизни и знания? <...> Требуется ... всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение. А эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру славянства, в особенности же национальному характеру русского народа... Та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое признание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова... Когда наступит час обнаружения для России ее исторического призвания, — никто не может сказать, но все показывает, что час этот близок»¹⁶.

Таким образом, русская дореволюционная религиозно-философская мысль в вопросе о религиозных основах общеевропейской культуры делала акцент на проблеме общехристианского единства и, справедливо отмечая наметившиеся в западном обществе опасные тенденции господства принципа индивидуализма, надеялась на восполнение духовных недугов европейской культуры присущими российскому менталитету качествами жертвенности и братской любви при сохраненной в русском сознании доминанты высшего религиозного начала.

После революции русская религиозная мысль, развивавшаяся в XX в., преимущественно в эмиграции, вынуждена была констатировать уже не тенденции, а как факт, — наступивший кризис так называемой Константиновской эпохи в истории мира и христианства¹⁷. При этом сохранялся оптимистичный взгляд на будущее: «Чем чернее ночь кругом нас, тем сильнее проходит через христианство <...> новый ток надежды, веры в возможность новой победы»¹⁸.

Говоря и мечтая о возможности новой победы христианского духа в мире, русские религиозные мыслители XX в. трудились над тем, чтобы обновить в сознании современников те необходимые условия, при которых эта

¹⁴ Там же. С. 224–226.

¹⁵ Флоровский Георгий, прот. Вселенское предание и славянская идея // Флоровский Георгий, прот. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 259.

¹⁶ Соловьев В.С. Три силы // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1901. Т. 1. С. 218–225.

¹⁷ Шмеман Александр, прот. Церковь и история // Шмеман Александр, прот. Собр. статей: 1947–1983. М., 2009. С. 17;

Он же. Православный мир: прошлое и настоящее // Шмеман Александр, прот. Собр. статей: 1947–1983. М., 2009. С. 17, 47.

¹⁸ Он же. Православный мир... С. 17.

победа стала возможна. По их мнению, главным препятствием на пути распространения христианства в современном мире являются: «догматы религии человекобожества в каком-либо из вариантов, выработанных западноевропейским просветительством», суть которых – это «вера в естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека»¹⁹. «Человеческий грех и отчуждение от Бога как коренной недуг “мира сего”, узкий путь спасения – вот основные компоненты религиозного опыта...», – говорит прот. Александр Шмеман²⁰. «Основные утверждения святоотеческого... богословия, – отмечает протопресвитер Иоанн Мейендорф, – 1) Мир не божественен и нуждается в спасении. 2) Человек есть существо теоцентрическое»²¹. «То, что делает человека подлинно человеком – это присутствие Духа Божия»²². (Перефразируя, мы, вероятно, можем сказать, что самое человеческое в человеке – это Бог.) 3) Христианское богословие христоцентрично. 4) Подлинная экклезиология персоналистична. 5) Подлинное понятие Бога троично»²³.

Особый акцент русская религиозная мысль XX в. делает на значении и роли в христианизации Европы института монашества. Монашество – это «закваска» Церкви, без монашества Христианской Церкви быть не может. Между тем трудно себе представить что-либо более непонятное и противоположное духу «века сего», как аскетическое христианское монашество. Русские религиозные мыслители, однако, отмечали, что не меньшим контрастом оно было и по отношению к духу поздней Римской империи и, тем не менее, победило. По словам о. Александра Шмемана: «Монашеский идеал воспринимался... как самоочевидная норма и критерий христианской жизни... Аскетизм считался здесь “искусством из искусств”»²⁴. «Народившийся вслед за обращением Константина христианский мир не только не отверг монашеское движение, но, как ни

странно, сделал монашеский идеал, монашескую “шкалу ценностей” центром всей своей жизни и самосознания. В самом деле, “пустыня”, прежде считавшаяся безлюдной окраиной “обитаемого мира”, в виде бесчисленных монастырей и обителей внедряется в деловые кварталы крупнейших городов и с тех пор служит местом духовного окормления и поощрения к подвигу. Монахи-пустынники стали “героями” всего общества, а их *vitae* (жития) – “бестселлерами” византийской народной литературы. Монастырское богослужение, монастырское благочестие насытили и преобразили всю литургическую жизнь той Церкви, которая – можно без преувеличения сказать – “вручила” себя монашеству...”²⁵.

Но главным «орудием» победы христианства в мире, конечно, всегда была Сама Церковь. «От начала христианство было, есть и будет Церковью, – говорит Шмеман, – нет христианства вне Церкви, или же это подлог <...>. Быть христианином – это от самого начала значило войти в Церковь <...>. Быть членом Церкви означало совсем не “индивидуальную” религиозную жизнь, а прежде всего принадлежность к целому <...>. Сам Христос собрал Церковь и даровал ей Свою Жизнь, и эту жизнь мы имеем только в той мере, в какой мы включены в таинственную действительность Церкви <...>. Это единство со Христом даровано в Церкви и составляет суть всех ее Таинств <...>»²⁶.

«Церковь одна знает, что в историю уже вошла вечность, что найден Камень, позволяющий нам выйти из этой бесконечной текучести, чтобы победить ее и дать ей смысл. Ибо сама Церковь и есть этот камень и утверждена на “недвижимом камени Христа”. В Церкви живет Христос, а Христос “сегодня и вчера и во веки Тот же” (Евр. 13:8), и, живя Его жизнью, она живет уже жизнью не только человеческой, но Богочеловеческой. Она одновременно в пути и страдает от зноя и пыли длинной дороги, но уже и в отечестве; еще на земле, но уже и на Небе»²⁷.

¹⁹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 40–41.

²⁰ Шмеман Александр, прот. Православный мир... С. 56–57.

²¹ Мейендорф Иоанн, прот. Духовное и культурное возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы // Мейендорф Иоанн, прот. Православие и современный мир. Минск, 1995. С. 63.

²² Там же. С. 65.

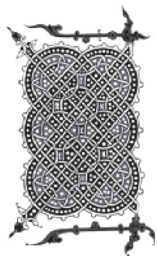
²³ Там же. С. 63.

²⁴ Шмеман Александр, прот. Православный мир... С. 56–57.

²⁵ Там же. С. 52–54.

²⁶ Он же. Церковь и история... С. 18.

²⁷ Там же. С. 19.

О. В. Кириченко

Конвертация богатства в советскую эпоху (1950-е — 1990-е годы)¹

Государственный проект конвертации богатства

Вкратце обозначим особенности модели конвертации богатства, сложившейся в 1920-е — 1930-е годы. Напомним, что в предыдущей статье² нами обозначена православная логика понимания богатства, в этом особенности ее методологии, языка и всей научной драматургии (столкновения разных смыслов: христианских и атеистических, светских и церковных). Советское государство, монополизировав право получения доходов и пути движения расходов, стало единственным в стране реальным распорядителем денег. Для нашей темы важно, что в этот объем распорядительных функций государства не могли не войти и деньги, которые требовали обязательной конвертации, иными словами преобразования материальных денег в идеальные (духовные). Неумолимый закон существования богатства подразумевает обязательность существования двух его видов. Богатство рождается в процессе человеческой деятельности, где обязательны не только труд (самый разный), но нравственное и религиозное составляющие богатства как качества, присущие человеку и его труду, по определению. Поэтому нравственная часть обязательно попадает в общую копилку материального продукта, который мы обозначаем термином «богатство». Во всяком случае, ничем другим не объяснишь наличие у богатства «совести», в лице конвертируемых, духовных денег. И именно духовная часть богатства должна быть представлена Богу; и не просто как «отчет о проделанной работе», но как своего рода «накопительная пенсия» для человека в его будущей, неземной жизни. Кроме того, идеальная составляющая имеется не только в материальном продукте, но и в

самом человеке, который распоряжается этим продуктом. В соответствии со своей совестью (и духовностью) и наличием идеального компонента в продукте (богатстве) человек не может использовать его сугубо утилитарно, только как материальное явление, но он должен обязательно конвертировать некоторую часть продукта. Такова заповедь Бога, которая была дана человеку на все века, начиная с его послерайского состояния. В ветхозаветный период такое отделение части продукта (богатства) являлось жертвой Богу, зримым, живым символом особой — покаянной — связи человека и Бога. Отсюда же эта «Божья доля» могла употребляться и на добрые дела: помощь нищим, вдовам и вообще нуждающимся. В библейских словах «хочу милости, а не жертвы» заключена та правда, которая говорит о необходимости для человека переключить свое внимание (ставшее со временем во многом формальным) с Неба на земные дела — дела милосердия, требующие такого же внимания и усердия, какое человек имел к Богу через жертвоприношение.

Таким образом, уже в ветхозаветный период у всего человеческого сообщества на Земле сложилось четкое понимание механизма конвертации богатства. Христианство не только углубило это понимание, но и наполнило его новым содержанием. Жертвой Богу стала не только материальная жертва храму, но и духовно-покаянные труды человека. Также углубилось и изменилось понимание милосердия. Оно стало определяться понятием «ближний», т.е. тем, кто независимо от своего социального статуса, веры и национальности в данный момент нуждается в твоей помощи. Кроме того, в христианстве

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00455.

² Кириченко О.В. Советская модель конвертации богатства. 1920-е — 1930-е годы // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2015. № 15. С. 3–38.

жертва Богу и дела милосердия были слиты в одно неразрывное целое («что делаете другим, то делаете Мне»), вследствие чего «милосердие» и «жертва» стали одной совокупностью распоряжения богатством, одним опытом его конвертации. «Всемирная отзывчивость», о которой писал Ф.М. Достоевский, говоря о русском народе, — явление, должное быть общим для всех христиан Земли, а не только русских. Но поскольку только русский народ, сохранив неповрежденной веру (и создав огромное многонациональное государство), он сохранил неповрежденной и «всемирную отзывчивость» — единство милосердия и жертвенности. В каждом добровольном конвертационном акте «милосердного самарянина» обязательно присутствует милосердие и жертва — обращение к Богу и другому человеку, — которые и получают преобразование, конвертируются. Жертва Богу достигает Творца как благодарность от жертвоприносителя, милосердие же — через благодарение Богу за того, кто оказал милость в ней нуждающемуся. К Богу одновременно доходят две благодарности: от самого «милосердного самарянина», совершившего доброе дело, и от человека, которому он оказал помощь. И обе эти благодарности связаны с одним лицом — оказавшим милость. Через жертву «самарянин» словно говорит Богу, что не он причина милосердия, а лишь Бог, который позволил, чтобы добро совершилось и дошло до Неба. Таким образом, мы вправе говорить, что в основе христианской конвертационной модели лежит покаяльное зерно.

Советский опыт конвертации складывался стихийно, как следствие постепенного открытия большевиками конвертационной способности богатства, закладываемой в него самой трудовой деятельностью человека, хочет того человек или не хочет. Вопрос же в том: как большевики об этом узнали? Прежде всего, из самого понимания революционной борьбы, как борьбы жертвенной. Понятие жертвенности, жертвы было близко русской интеллигенции, которая долгие десятилетия транслировала вовне характер своего народолюбия «как жертвенное служение народу», принесение себя в жертву ради народного счастья. Мотив жертвенности был характерен и для многочисленной еврейской части большевиков-революционеров, что нельзя не учитывать. Не чужда большевикам была и классовая идея «о милости к падшим», т.е. той части народа (пролетариата и беднейшего крестьянства), ради которого (хотя бы теоретически) революция совершалась. Но по какой причине произошло

сужение поля советской конвертации до одних только женщин, поскольку, в конечном счете, только они были выбраны в качестве объекта конвертации? Большевики декларировали в своих лозунгах защиту «падших» и говорили, что ради «униженных и оскорбленных» совершалась революция. Кто эти самые главные «униженные», поначалу было не ясно.

Нам кажется, что в первый период революции (при Ленине) преобладал широкий взгляд на «падших»: сюда вошли и «национальные меньшинства», и падшие женщины, и бедняки в целом, и, конечно, пролетариат. Прошел какой-то срок (до середины 1920-х годов), и ситуация с «падшими» стала вырисовываться более ясно. Национальные меньшинства к этому времени достигли (в своих правах) многого (сразу и все), они достигли своего приемлемого среднего уровня, который можно было постепенно повышать, но уже не в рамках кардинального решения «национального вопроса», а — экономического, культурного и т.д. Так же было и с другими категориями «падших»: численность пролетариата увеличивалась, и ничего нового в перспективе от него не ожидалось; бедное крестьянство определенными экономическими и политическими средствами предполагалось вывести из состояния бедности или обратить его в пролетариат. Оставалась одна общность — женщины, — которую нельзя было в одночасье сделать советской, поскольку она была в большинстве своем крепко привязана к старой традиции: к домашнему семейному очагу, вере, Церкви (главному врагу советской власти). Ее нельзя было записать целиком во враги, чтобы начать манипулировать ею. Женщину следовало долго и последовательно преобразовать в нового человека. Тем более у женщин была уже своя революционная история (а значит и заслуги перед партией!), связанная с «великими именами» как российских женщин-революционерок, так и зарубежных. Так что именно на женщину власть обращает свой взор и ее делает главным объектом своего внимания на долгие годы.

В ленинский период был заложен фундамент проекта, началась его реализация, приостановленная, однако, изменившейся международной обстановкой, заставившей большевиков на время отказаться от утопического направления в пользу более реалистичных задач. Долговременной задачей являлось создание коммунистической, партийной женщины, но приближающаяся война заставила основное внимание уделить «производственной женщине». В этом и заключалась главная особенность советской модели конвертации богатства, которая

действовала в 1930-е и 1940-е годы. Главным богатством становилась для страны «новая женщина» — производственница и колхозница, — ведь только благодаря ей можно было в короткие сроки (задействовав этот гигантский человеческий ресурс) решить проблему индустриализации и коллективизации.

Несомненно, перед женщинами, которым предстояло стать «новыми», ставился вопрос о «жертвенности». Отказ от семьи, быта, религиозной традиции рассматривался не только в парадигме «преодоление отсталости и пережитков», но и в «аскетическом» ключе самоограничения. В годы Гражданской войны и после предполагалось жертвовать ради торжества мировой революции, в 1930-е годы, когда сменился вектор пролетарской активности с внешнеполитического на внутреннеполитический, становится приоритетной защита рубежей советской Родины. Большевики, несомненно, апеллировали к жертвенным чувствам русской женщины, когда призывали ее на строительство новых объектов индустрии. И хотя в идеологических воззваниях, зовущих к укреплению военного потенциала страны, защищающего «первое в мире народное государство», не звучало понятия «Россия», а только слово — «Родина», «Советская Родина», тем не менее было понятно, что речь идет именно о России в ее традиционном понимании. И чем ближе подступала война, тем более прорусским становился язык пропаганды, тем реалистичнее становилось поведение власти³. Без этого реализма и апелляции к исконным, традиционным ценностям и приоритетам вообще нельзя было решить проблему скорого привлечения миллионов русских женщин на производство. В свете сказанного и следует рассматривать жертвенный подвиг женщин в этот период; их массовое участие в индустриализации и коллективизации не было вкладом «в копилку социализма», но они действовали в пользу Родины, России, желая ее спасения в условиях нарастающей опасности новой Мировой войны. Женщины готовы были оставить привычный уклад (семейный, бытовой, хозяйственный и даже — религиозный (!)) ради блага своей Родины. Вот почему «новая женщина» 1930—1940-х годов не может считаться «идеологическим продуктом» советской эпохи (от советскости у нее был только факт отрыва от лона традиции), правильнее в ней видеть «женщину традиции», попавшую в

сложнейшую историческую ситуацию, из которой был найден правильный выход. Обманутая идеологией и не имеющая иной мотивации, кроме «советской», русская женщина никогда не решила бы тех масштабных задач, которые стояли тогда перед страной. Зерно нравственности, легшее в основу создаваемого женщиной «продукта», и было той конвертируемой частью государственного богатства, в которой оно (государство) нуждалось в этот период.

Именно поэтому жертвенный мотив и смог породить саму атмосферу энтузиазма, столь важный воспитательный элемент новой женщины. Энтузиазмом была пронизана атмосфера 1930-х годов, им естественно дышало большинство русских женщин. На этой женской волне советского гражданского патриотизма происходило не только реальное строительство тяжелой индустрии, но и воспитание гражданских чувств в стране в целом. Производственные цели замыкались в одно кольцо с патриотическими чувствами и рождали небывалые ощущения преодоления человеком любых трудностей и преград. Главные испытания для страны наступили, когда началась Великая Отечественная война — время сражений, столкновения военных сил, но и время испытания на ресурсоёмкость, на выдержку человеческих сил. И здесь, как нам кажется, женщина и позволила стране выдержать тяготы и испытания по всем направлениям.

В Красной Армии находилось 800 тыс. женщин, 56% всех трудившихся в промышленности были женщины, в сельском хозяйстве их было 91,7%⁴. Женщины валили и грузили лес, добывали в шахтах уголь, трудились в производственных цехах, 39,4% их работало на железной дороге, причем на самых тяжелых постах: кочегарами, смазчиками, стрелочницами, на паровозной и грузовой службе. Они поднимали шестнадцатикилограммовые бидоны для смазки, бросали по 17 тонн угля в топку паровоза за одну поездку⁵. В каждой русской семье сохранились эти воспоминания о войне, и не только о солдатах, но и о женщинах и подростках, работавших в тылу. Моя тетя Анастасия, которую я никогда в жизни не видел, трудилась в годы войны в Самаре на производстве. Ей еще не было тридцати. От постоянной работы с тяжестями она тяжело заболела и умерла в конце войны. С завода моей бабушке сообщили, что ее дочь лежит тяжело больная, и та, приехав

³ Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2012. № 12. С. 34–35.

⁴ Галаган В.Я. Советская женщина: портрет в ретроспективе. Киев, 1990. С. 24.

⁵ Там же. С. 31.

из деревни, за 100 км от города, увезла ее домой умирать. Сама бабушка Аганя (Агафья Иосифовна Лазарева), родившая к тому времени восьмерых детей, от тяжелейших работ на колхозном поле получила грыжу и прогрессирующее ухудшение зрения, закончившееся позже полной слепотой. Но никогда она не сетовала на тяжелую жизнь, словно по-другому и нельзя было — и трудиться, и умирать.

Нельзя отрицать объективности процесса массового вовлечения женщин в производство в советский период, вызванного характером глобальных изменений в мире и новым характером войн (мировых), заставляющих отдельные государства принимать нестандартные решения для привлечения новых сил в производство. Мировая война — это война не только на истребление, но и на истощение противника. Женщина в этих условиях была использована в мобилизационных целях как последний значительный российский ресурс в условиях ведения одной и второй мировых войн. Причем в России в период Второй мировой войны уровень вовлечения женщин в производство оказался выше, чем в других странах (на 1980 г.): в СССР — 51%, во Франции — 38,8%, в Испании — 29%, в ФРГ — 33,5%, в США — 42%⁶. При этом внутри Советского Союза уровень вовлеченности женщин в производство не был одинаковым в разных республиках⁷: в Латвии — 55%, Эстонии — 55%, Белоруссии и РСФСР — 53%, на Украине — 52%, в Грузии — 46%, Узбекистане 43%, Туркменистане — 40%⁸.

Нельзя при этом не учитывать того, что в годы войны средствами идеологии лепился обобщенно-символический образ «Родины-матери», сыгравший огромную роль в деле мобилизации национальных чувств⁹. Так образ «новой женщины» получил свое не только конкретное значение («женщины-производительницы», «женщины-колхозницы»), но и одобренное государственной властью символическое признание «жертвенного» характера ее подвига (трудового и военного) в предвоенные и военные годы. Этот факт говорит в пользу нашего предположения о том, что именно «женщина» была выбрана советской властью в качестве

главного объекта конвертации, и эта конвертация состоялась в военный период. Но, поскольку именно Мировая война была единственной целью, оправдывающей разрыв женщин с традицией, то встает вопрос о послевоенной судьбе советской и русской женщины, когда опасность миновала. Советская власть сразу же решила воспользоваться ситуацией, чтобы начать возвращение к «женщине коммунистической» вместо «женщины производственной». Тем более, что последняя никуда назад из производства возвращаться уже не собиралась (просто не могла). Возвращение к утопическому проекту 1920-х годов началось еще при Сталине, но полномасштабно преобразования развернулись только при Хрущеве. Неотроцкистская идеология нового партийного вождя облекалась в одежды возвращения к «чистому ленинизму», якобы нарушенному волюнтаризмом Сталина. Партийно-идеологический фактор вместо экономического опять стал выходить на первый план, опять развернулась активная борьба за коммунизм, возобновилась силовая атака на Церковь и традиционные ценности. В этой связи женщина стала рассматриваться, опять как в начале 1920-х годов, как особо ценный идеологический материал для идейного просвещения масс. При этом советская власть не двигалась в сторону облегчения женского труда, как предполагалось в перспективе. Огромное число женщин продолжало работать в ночную смену, условия труда у очень многих не соответствовали нормам. Особо много проблем накапливалось в сельском хозяйстве, где только в 1970-е годы женщинам начали выплачивать крохотную пенсию, сначала 4, а потом 12 руб.¹⁰ Так вплоть до конца советской власти и остались нерешенными проблемы тяжелого женского труда на производстве, в том числе на вредном; охраны материнства на деле, реальной помощи семье, хотя бы частичного вывода женщины из производственной и иной трудовой деятельности, мешающей нормальному существованию семьи.

Для подготовки рядовых кадров идеологических работников и просто идейно просвещенных женщин по всей стране начинают создаваться женсоветы. «Они являются помощником партии

⁶ Мартынова Э.И. Формирование духовного мира советской женщины. Красноярск, 1983. С. 26.

⁷ Конечно, он был высоким даже в среднеазиатских республиках, прежде всего за счет привлечения из центра «русского ресурса».

⁸ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 26.

⁹ Кириченко О.В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских. С. 34—50.

¹⁰ Такие выплаты получала моя бабушка, «бывшая колхозница», проживая в городе последнюю четверть века своей жизни.

и советских органов в деле коммунистического воспитания женщин»¹¹, — как гласила официальная установка. Во второй половине 1950-х — 1960-х годах их было создано около 240 тысяч¹². В соответствии с формальными отчетами тех лет советы подготовили 2 млн. 300 тыс. активисток. Этот «идейно передовой отряд» женщин должен был заниматься просвещением народа на производстве и в обществе. Женские советы имели разнопрофильные секции: производственные, семейно-бытовые, культурно-массовые, по охране материнства и детства¹³. Например, целью производственной секции было привлечение женщин к производству и забота об охране труда. Опять вплотную занялись вопросами раскрепощения женщины от домашнего труда. В массовом порядке создавались столовые, прачечные, детские сады, по американскому образцу — дома быта¹⁴.

Женсоветы имели строго иерархичную структуру: районные, городские, областные, которые курировались республиканскими и общесоюзными советами. На официальном языке необходимость в женсоветах объяснялась создавшимися условиями, приведшими к «дальнейшей демократизации советского общества, развития социалистического самоуправления»¹⁵. Кроме идейной подковки, женсоветы занимались и практическими вопросами, большей частью связанными с судьбами детей, оставленных без материнского воспитания. Женсоветы действовали параллельно другим структурам, ответственным за конкретную сферу помощи ребенку из трудной семьи или брошенному матерью. Через женские советы, в том числе, начала проводиться популяризация времени первых лет революции, ее героев и деятелей. На лекции и беседы приглашались престарелые участники революции, партийные функционеры. Как и делегатские собрания в свое время, женсоветы работали в тесном контакте с партийными и советскими органами.

Партия, начиная с Хрущева, все время звала вернуться «к ленинским нормам», говоря, что только это позволит решить все трудные женские вопросы¹⁶. Вот, например, как оценивает роль

женщины в СССР партийный функционер на закате советской эпохи: необходимо возвращаться к ленинским нормам решения женского вопроса, поскольку после Ленина и до сих пор «щедро и подчас бездумно используют самоотверженный труд женщины». Автор отмечает: «Советская женщина — патриот и интернационалист, знаменосец мира и неутомимый борец за справедливость»¹⁷. Какая-либо альтернатива атеистическому мировоззрению рассматривается как враждебная советской власти. Отсюда позиция: «атеизм является одной из отличительных черт духовного мира советской женщины»¹⁸.

Соревнование опять становится актуальным инструментом идейного воспитания. Провозглашается движение за коммунистический труд, в рамках которого партийные работники разрабатывают разные формы соревнований: индивидуальные социалистические обязательства, коллективное соревнование, за звание бригады коммунистического труда, конкурс «лучший по профессии», почин «работать без отстающих», ударник коммунистического труда, договор на соревнование и др. Партактивисты требуют, чтобы труд был новаторским, т.е. чтобы трудящиеся постоянно проявляли какие-либо инициативы (встречные планы и т.д.). Кроме женсоветов женщины принимают самое деятельное участие (до 50%) в постоянно действующих производственных совещаниях (ПДПС). Они существуют в комиссиях по качеству, в виде бюро нормирования труда и т.д.¹⁹. На них постоянно идет мониторинг качества работы, а также рассматриваются рационализаторские предложения.

Еще одной формой вовлечения женщины в общественно активную жизнь было создание по всей стране (38 тыс.) народных университетов. Назывались они трехгодичными университетами культуры и быта. 40% лекций в этих заведениях было посвящено общественно-политическим вопросам. Университеты принимали слушательниц из крестьянок и горожанок. Из 4 млн. учащихся народных университетов было 2 млн. женщин²⁰. В эти годы проводится большое

¹¹ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 165.

¹² Галаган В.Я. Указ. соч. С. 39.

¹³ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 166.

¹⁴ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы. М., 2007. С. 209.

¹⁵ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 166.

¹⁶ Максимова Р.И. Советские женщины — строители коммунизма. Л., 1960. С. 16.

¹⁷ Галаган В.Я. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 155.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 151.

число женских слетов, съездов, конференций. Специально для женщин общество «Знание» проводит циклы лекций. Новой формой привлечения женщин стали женские клубы по интересам, обязанные проводить на своих площадках различные женские партийные мероприятия²¹.

Важным идеологическим рупором партии становится и Комитет советских женщин — КСЖ (с 1956 г.), созданный в годы войны как антифашистский комитет советских женщин. Поскольку опять в рамках неотроцкистских идей (которые, надо сказать, начали возрождаться уже при Сталине, в послевоенный период!) встал вопрос о мировой революции, и женская энергия могла здесь пригодиться. Объединением «женских прогрессивных сил» в мире и занимался КСЖ вместе с советским Фондом мира, советским комитетом защиты мира, советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, комитетом солидарности с патриотами Чили, союзом обществ дружбы и культурных связей с зарубежными связями. В рамках международной женской деятельности издавалось большое число переводной публицистической литературы: труды Ленина о женщинах, работы о положении советских женщин в СССР, журнал «Советская женщина» на русском, английском, немецком, французском, японском и др. языках. В Советском Союзе совокупный тираж сорока трех женских журналов составлял 28 млн экземпляров²². К воспитанию «новой женщины» активно подключилось и телевидение. Так появились передачи «Клуб Москвичка», «А ну-ка девушки!», цикл передач «Советские женщины», «Семья и общество» и др.

Женщины начинают опять, как в 1920-е годы, активно втягиваться в партию. Сразу после Февральской революции в партии было 9,9% женщин (все вновь вступившие весной и летом 1917 г.); в 1918 г. — 11,7%; в 1919 — 36,4%; в 1920 — 27,4%; в 1921 — 10,1%²³; в 1924 г. — 9% (и 11% кандидаток). Резкий рост женских партийных рядов начинается после кончины Ленина, в результате «ленинского призыва». С 38 500 чел. на 1 января 1924 г. эта цифра увеличилась до 76 500 чел. в 1925 г.; в 1926 — 129 000 чел.; в 1927 г. — 148 000 чел.²⁴ В 1937 г. их было 293 059 (14,8%), в 1947 г. — 1 102 424 (18,2%), 1967 г. — 2 647 074 (20,9%), 1977 г. — 3 947 616 (24,7%)²⁵. По ука-

занным цифрам видно, что в первой половине 1920-х годов наблюдалось определенное массовое разочарование партийной деятельностью, что и послужило причиной падения численности женских партийных рядов. Дальнейший рост, после кончины вождя, был связан с изменением содержания партийных задач, привязке их к конкретике экономического строительства.

Не надо забывать, что втягивание женщин в партию означало еще и собирание партийных взносов с членов партии, которые шли на поддержку коммунистического движения во всем мире. Эти вклады тоже можно рассматривать как своего рода конвертацию (точнее, антиконвертацию), т.е. вклад в будущее, в которое коммунисты верили. В ходе полевых опросов жителей Воронежской, Тамбовской и Липецкой областей нами задавался вопрос о сохранении веры в 1960-е годы. Нередко в своих ответах наши респонденты говорили о предложениях им стать коммунисткой. И порой было сложно отказаться от настойчивых предложений. Тема пребывания в партии нередко обсуждалась в региональной прессе, приводились примеры косного отношения «старого поколения», мешающего молодежи выбрать свою дорогу. Так, в воронежской областной газете «За коммунистический труд» описывается случай, когда девушка, под воздействием уговоров матери долго не соглашавшаяся вступить в партию, потом вступила, но билета не взяла. Секретарь парторганизации пришел к ней домой, увидел там иконы и горящие лампы и услышал от матери такие слова: «Ходит в кино, выписывает газету, работает с подругами в колхозе, чего ей (т.е. вам. — О.К.) еще надо?»²⁶. Православные люди понимали, что каждая ступень по этой коммунистической лестнице ведет их не в рай, а в противоположное место, поэтому и отстаивали, как могли, свое право не подниматься слишком высоко.

В 1970-е годы налицо уже существование целого ряда вопиющих противоречий между теорией и практикой социалистического строительства. Так, партия, превознося в женщине партийную, трудовую и общественную активистку, не может не подчеркивать (хотя бы на словах) позитивность семейных ценностей. В число примеров таких противоречий можно отнести и возвеличивание многодетной матери. Именно категория

²¹ Там же. С. 152.

²² Там же. С. 173.

²³ Смиттен Е. Женщина в РКП // Коммунистка. 1924. № 4. С. 8–9.

²⁴ Ярославский Е. Первое десятилетие // Коммунистка. 1927. № 10. С. 5.

²⁵ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 45.

²⁶ Авдеев В. Как это произошло // За коммунистический труд. Газета Воронежской обл. 1964. 20 марта. С. 2.

многодетных матерей получила от партии право чествоваться и награждаться орденами и званиями. Остальные женщины отмечались правительством по другой номинации: за доблестный труд и т.п. Само звание «За многолетнее материнство» появилось в 1944 г. как новый партийный и правительственный заказ советской женщине, но в последующее время, когда никаких условий для многодетности не предоставлялось, а важен был лишь один результат, это звание сделалось неким архаизмом, или исключением из правил. Конечно, нет смысла считать советским чудом эту сохранившуюся с прошлых времен категорию многодетных матерей, бывшую до революции повсеместным явлением. Есть подозрение, что вообще не велось строгого учета числа многодетных, особенно в той их части, которая относилась к матерям с 5-6 детьми, продолжавшей быть на селе если не массовым, то нередким явлением в 1950–1960-е годы²⁷. Но советской власти не нужна была реклама традиционной семьи, ей было важно показать многодетность как исключение, которое советская власть не отвергает, но пестует и даже отмечает наградами. А официальные цифры таковы: с 1944 по 1976 г. за многодетность (минимум 5 детей в семье) было награждено 13 млн. 548 тыс. женщин. Из них за 10 человек детей (мать-героиня) — 183 тыс., за 7-9 детей (материнская слава) — 3 млн. 572, за 5-6 детей (медаль материнства) — 9 млн. 788 тыс. женщин²⁸.

Обратим внимание на советскую научную трактовку женской мотивации отношения к труду при социализме. Автор, философ и социолог, видит в советских женщинах «классово-дифференцированную группу», т.е. почти что особый класс²⁹. Она отмечает, что социализм сформировал особый тип женщины, с коллективистской психологией, что позволило женщине сознательно относиться к труду. В свою очередь сознательное отношение к труду позволило родиться особому характеру, где главное — «настойчивость в достижении поставленной цели, самостоятельность суждения, активность, стойкость, решительность»³⁰. При этом автор не касается обратной стороны медали, а именно — описания потерь от «раскрепощения», которые по-

Звезда Мать-героиня

несла женщина, семья и русская традиция в целом. Постсоветская же статистика упорно настаивает на том, что женщина только выиграла от произошедших с ней перемен³¹. Среднестатистический срок продолжительности ее жизни увеличился с 33,4 в 1897 г. до 72,5 в 1979 г. А показатель экономической самостоятельности (возможности независимо от мужчины зарабатывать и тратить деньги) вообще скакнул с 3,9 до 53 лет, т.е. в 14 раз и стал равным показателю у мужчин. Перелом «в борьбе женщины за экономическую самостоятельность» произошел, как считается, в середине 1960-х годов и был связан «с резким переливом ресурсов труда из домашнего хозяйства в общественное производство»³². За счет целенаправленного разрушения деревни (укрупнения, превращения в совхозы) как последнего очага патриархальной (хотя уже и искаженной колхозным строем) традиционности и произошла мобилизация последних женских ресурсов в производство. Женщина в массе своей окончательно была оторвана от земли, что фиксирует и статистика. Период занятости женщин в личном хозяйстве сократился с 1959 по 1970 г. с 7,3 лет до 1 года³³.

²⁷ Об этом свидетельствуют полевые материалы, собранные нами в разных областях России.

²⁸ Белоглазова Г.В., Савинова Л.Н. Советская женщина — активная участница коммунистического строительства (методический материал в помощь лектору). М., 1977. С. 21.

²⁹ Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 7.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Миловидов А.С. Изменения в структуре экономической жизни мужчин и женщин в России и СССР // Вестник статистики. 1987. № 11. С. 43.

³² Там же.

³³ Там же. С. 44.

Женский труд был выгоден во многих отношениях: во-первых, это был дополнительный мощный поток сил, пришедших на производство; во-вторых, женский труд среди неквалифицированного труда преобладал, его можно было мотивированно использовать, длительное время не затрачивая дополнительных средств на механизацию и автоматизацию; в-третьих, женщины несравнимо более сознательно относились к труду, о чем говорила и статистика³⁴; и наконец, они, придя в эту сферу из семьи, не имели еще накопленного чувства «пролетарской усталости», но смогли привнести сюда (и по специфике женской ментальности) воодушевление, оптимизм и бодрость духа.

Но одновременно именно в женской среде в эти годы стало зарождаться и быстро набирать силу тяга к комфорту как к некоей новой материальной реальности. Партийные функционеры обозначили эту «болезнь» как «мещанство», «потребительство», «накопительство». Отсюда в упрек женщинам начало ставиться не только желание побольше заработать и получше купить, но и все возрастающее число случаев «расхищения социалистической собственности, мошенничества, взяточничества»³⁵. Эта новая реальность в жизни советской женщины, связанная с возможностью купить что-то дорогое и дефицитное, начинается в 1970-е годы. К самым важным вещам подобного рода относились мебель, хрусталь, посуда, ковры, золото, украшения. Также в число дефицитных вещей прочно вошла определенная категория продуктов.

Конечно, даже такая косвенная причина, как тяга к устройению дома комфорта, послужила для партии серьезным сигналом, свидетельствующим о том, что женщину опять потянуло в семью, а значит, стали рваться ее общественные, коллективистские навыки, ее устремленность к общественному труду. При этом партия не бросала тень на семью, не обвиняла ее в отторжении женщины от производства, а в качестве врага объявляла абстрактное «мещанство». То есть опять речь шла, как и в 1920-е годы, о «старом быте», о

«пережитках прошлого», «о болоте домашнего труда». Подобная партийная риторика также была в духе возвращения к «чистому ленинизму».

Значительный сегмент художественных фильмов, снятых в 1970—1980-е годы, — был посвящен теме вреда, какой приносили социализму накопительство и «мещанство»³⁶. Вспомним, как колхозник Иван, герой фильма В.М. Шукшина «Печки-лавочки», ставит вопрос перед горожанином в разговоре в поезде: нельзя деньги превращать в формальный инструмент оценки труда. В деньгах, настаивает он, обязательно должны быть и совесть человека, и добросовестное отношение к труду, и сердечность, и трудолюбие, и профессионализм. А иначе с тебя снимается ответственность за беспокойство об урожае, за возможность его улучшать, и т.д. Также наполните их «товарностью», говорит Иван, привезите в село все необходимое для сельчанина, все, что имеет у себя горожанин. Конечно, в большинстве фильмов вопрос о богатстве не ставился так остро и глубоко, как у Шукшина; чаще речь шла о деньгах, разлагающих нравственность, причем независимо от того, кто увлекается «потребительством» — обычный уголовник, обладатель «доходного места» или образованный, с изысканными вкусами интеллигент, увлеченный антиквариатом. Кинематограф не только уловил эту острую тему, но и делал свою работу, во многом сужая смысловое поле проблемы, как того и хотела партия.

Партии приходилось лавировать между официальной критикой мещанства и констатацией того, что общество вступает в новую фазу развитого социализма, что коммунизм не за горами, что повышение жизненного уровня является важнейшей задачей партии и правительства³⁷. На глазах стал распадаться весь реальный советский сектор конвертации богатства. Власть понимала, что вслед за дальнейшим повышением уровня жизни в обществе будут нарастать несоциалистические настроения, и с этим надо что-то делать. Увеличение зарплаты с 80 руб. в 1960 г. до 150 руб. в 1970 г. (среди рабочих) и с 46,6 руб. в 1960 г. до 100,9 руб. в 1970 г. (среди колхозников)³⁸

³⁴ На долю женщин приходилось лишь 8% нарушений трудовой дисциплины, они реже меняют работу, работают более творчески, воспринимают идеологические призывы «трудиться по-коммунистически», не формально. — См.: Мартынова Э.И. Указ. соч. С. 66.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ По нашим подсчетам.

³⁷ Пропагандисты писали: «Для развитого социализма характерны зрелые социальные отношения, развивающиеся на основе беспрецедентного (!) господства социалистической собственности и полного утверждения социалистических принципов распределения. Созданы предпосылки для более широкого и последовательного решения главной социалистической задачи — всеобщего роста материального и культурного уровня и всестороннего развития всех членов общества». — См.: Доходы трудящихся и социальные проблемы уровня жизни населения СССР / Под ред. Г.С. Саркисяна. М., 1973. С. 4.

³⁸ Там же. С. 24.

сразу дало народу почувствовать, что деньги можно тратить не только на еду. При этом социальные гарантии сохранялись, более того, эта сфера также улучшалась, она обрела некие свои канонические черты. В целом, система социального обеспечения³⁹ для рабочих и служащих сложилась к середине 1950-х годов, а для колхозников — к середине 1960-х годов⁴⁰. Экономисты начинают бить тревогу: «нельзя и дальше увеличивать бесплатные блага для трудящихся, нужно сочетать их с хозрасчетным медицинским обслуживанием, привлечением дополнительных средств из личного бюджета»⁴¹. Опасения экономистов и партийные интересы в данном случае совпадали, потому что для партии тоже было важно, чтобы женщины в современных условиях обрели некую идеологическую прививку от расположения к роскоши и богатству, чтобы их силы тратились на социалистические «духовные ценности»: социалистическое образование, социалистическую культуру, партийные цели. Скажем, одни только членские взносы — партийные, профсоюзные, международные (в фонд мира и т.п.) могли бы вытягивать (и вытягивали) из семейного бюджета значительные суммы денег. И как важно было для партии, чтобы женская потребительская активность была направлена именно сюда, а не на улучшение «мещанского быта».

Однако планы создания «новой женщины» — идеологической и партийной, удобной для манипуляций как внутри страны, так и на международной арене очень скоро потерпели фиаско. Слишком близкими и многообещающими были для женщин перспективы увеличения материальных благ, создания все более улучшенных условий быта, чтобы так просто было расстаться с ними и поменять на «революционный идеал». И хотя партия вплоть до кончины Брежнева продолжала действовать в этом направлении, но этой партийной романтикой была охвачена только некоторая часть интеллигенции, а не весь народ и не его женская часть. Для основной части женщин реальный жизненный прагматизм был более ценен, и именно он заставлял их действовать более в интересах семьи, чем государства. Как отмечает чуткий и внимательный аналитик тех

лет, писатель Л.И. Бородин, в народе именно в эти годы стало распространяться всеобщее безверие в политические мифы: «Свершилось! На одной части суши сформировался “новый советский человек” — будущий могильщик коммунистического режима»⁴². Именно в период активизации воинствующей атеистической кампании в начале 1960-х годов у власти опять, как и в 1920-е годы, появляется идея «наполнить церковные обряды новым содержанием». При этом во главу угла ставится идея материального счастья. «Во многих сельских Советах стали оборудоваться т.н. “комнаты счастья” для проведения бракосочетаний. Туда завозили новую мебель, ковры, как символ богатства и благополучия, расстилали

Плак. Слава матери-героине

³⁹ К системе социального обеспечения относились: 1) пенсия как основной вид социального обеспечения (по старости, инвалидности на войне и производстве, семьям рабочих, служащих и военнослужащих, за выслугу лет работникам науки, персональная пенсия, в системе отдельных ведомств, колхозные пенсии (с 1964 г.); 2) медпомощь, отдых, всероссийское общество слепых, всероссийское общество глухонемых, государственные пособия; 3) помощь от профсоюза; 4) детские пособия: пособие по многодетности (единовременное) — за 3-го ребенка 200 руб., 4-го — 650 руб., 5-го — 850 руб., и т.д. до максимума выплаты — 2500 руб.; пособие за второго ребенка — от 40 до 150 руб. до 5 лет; пособие одиноким матерям — от 50 до 100 руб. — Аралов В.А., Левшин А.В. Социальное обеспечение в СССР. М., 1959. С. 42.

⁴⁰ Миловидов А.С. Указ. соч. С. 44.

⁴¹ Доходы трудящихся ... С. 24.

⁴² Бородин Л.И. Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003. С. 61.

⁴³ Чеботарев С.А. Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. Тамбов, 2004. С. 219.

плюшевые скатерти. Молодых у входа встречали председатели колхозов, райисполкомов, депутаты, причем не традиционным хлебом-солью, а тортами, что должно было означать пожелание сладкой жизни»⁴³.

Эта характеристика объясняет сущность тех изменений, что произошли в обществе в хрущевский период (а может быть и ранее). Отсюда тяга к комфорту (современной государственной стратегии!), которая очевидным образом появилась в обществе, развивалась на фоне быстро распространяющегося общего равнодушия ко всему официальному, идеологическому, партийному. При этом одно дополняло другое. Партийный идеал, сведенный к нулю, освобождал силы и энергию для народного движения в сторону идеала комфорта. В 1948 г. М.М. Пришвин записывает в дневнике: «Надо помнить, что в старой России культивировалась жалость, и случалось, миллионер ходил как нищий (Н.И. Романов). Но теперь богатство не считается пороком, а скорее доблестью. Это понятно, это и во мне. Но на этом же основании жизнерадостно формируется хам»⁴⁴. Послевоенный восстановительный период — время бедности, но в обществе, как замечает писатель, уже ясно обозначен личный материальный интерес как доминанта поведения. Цена просто богатства, без конвертации, уже была обозначена. Но не все потянулись за этим богатством. Даже партийная среда разделилась надвое: бюрократов, доктринеров и природно русских, практиков⁴⁵. При этом «со стороны общественной: что ни человек, мало-мальски хороший, русский и честный, так страдалец-мученик. Все научились отказываться от материальных благ, и никто не готов к ответу на вопрос: “А во имя чего вы отказываетесь?”». Своего ответа нет ни у кого, потому что все позиции заняты чиновниками»⁴⁶. Интересно и другое наблюдение писателя отно-

сительно возрастающей власти нового богатства: «Русский человек всегда жил под бременем, и теперь мне даже есть какое-то удовлетворение в сознании себя настоящим русским человеком, имеющим нравственное право смотреть на богатых, могущественных и властных людей, как на что-то проходящее, несущественное и ... незавидное»⁴⁷.

Но уже вскоре, в последующие годы, начинается нарастающее расслоение, которое захватывает уже и «хороших и честных, русских» и к 1970-м годам общество в массе своей, как пишет в одном письме Виктор Петрович Астафьев, охватывает «жажда приобретательства»⁴⁸. К 1980 г. в Сибири «спекулянты и барахольщики» распространились среди студенчества⁴⁹.

В 1950 г., когда теневой бизнес стал еще только обосновываться в столице, власть не могла в одночасье уничтожить это явление, поскольку дело было уже не в лицах, а в укоренившейся среде. Исследователь этой темы считает, что теневой бизнес появился в СССР сначала в малоразвитом секторе экономики — сфере услуг⁵⁰. «Услугами теневиков пользовались все: от рядовых граждан до партийных бонз»⁵¹. Каждый из современников той эпохи, конечно, мог бы непременно рассказать что-то свое на эту тему⁵². Наиболее активно теневые доходы росли со второй половины 1950-х годов (превысив совокупные доходы колхозников) до 1961 г., затем началось снижение и стабилизация, а с 1967 по 1971 г. наблюдался опять всплеск их роста⁵³. Автор отмечает, что борьба с теневым бизнесом началась уже в 1940-е годы, но все же тогда теневая экономика по масштабам своим и по ассортименту продукции была несравнима с экономикой 1960-х — 1980-х годов. Теневая экономика хрущевского и брежневского периодов работала уже «на идею», а не просто «на единичный спрос». И идейность ее была

⁴⁴. Пришвин М.М. Дневники. 1948—1949. М., 2014. С. 43.

⁴⁵. Там же. С. 231, 523.

⁴⁶. Там же. С. 523.

⁴⁷. Там же. С. 547.

⁴⁸. Астафьев В.П. «Нет мне ответа»: эпистолярный дневник. М., 2012. С. 265.

⁴⁹. Там же. С. 369.

⁵⁰. Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 209.

⁵¹. Там же.

⁵². В 1960-е — 1970-е годы, в мои детские годы, проходившие в г. Отрадном Самарской (тогда Куйбышевской) обл., до меня нередко доносились такие слова, как «блат», «база», где находились самые разные дефицитные товары и откуда по знакомству они добывались кем-то, в том числе и моими родителями. Директор мясокомбината, живший в нашем подъезде, порой нуждался в домашних соленьях, и его жена приходила к моей маме и просила, по-соседски, «баночку соленых огурчиков» или «маринованных помидорчиков», «моченых яблок» и т.п., а в знак благодарности оставляла у нас сверток с невиданными в городе копченой колбасой, сосисками и окороками. Книжный магазин и главпочтамп были источниками получения дефицитной литературы (собраний сочинений прежде всего), поликлиника вела себя более тихо и приземленно. Но и отсюда прогремело на весь город дело дантиста, который был посажен за спекуляцию золотом. В магазинах, как продуктовых, так и промтоварных, нельзя было не иметь кого-то «из своих», иначе не было шанса приобрести дефицитный товар.

⁵³. Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 211.

напрямую завязана на появление в обществе «идеала комфорта». Несомненно, что основными проводниками нового идеала выступали сами партийные чиновники, и не случайно активную борьбу с теневым бизнесом свернули именно по причине «общественного недовольства и из-за вовлеченности самой власти в сферу нелегального бизнеса»⁵⁴.

Стоит сказать еще об одном явлении этой эпохи, а именно — об антиконвертации, когда власть платила деньги за разрушение духовной сферы, или же разрушала природную или культурную среду только по той причине, что там находились зримые и привлекательные для простых людей свидетельства религиозной духовности. Первых было больше в годы революции, но и после войны это происходило. М.М. Пришвин приводит в дневнике любопытный диалог с одним из молодых артельщиков, подрядившихся в 1930 г. снимать и вывозить колокола в Троице-Сергиевой лавре. За работу артельщики получали по 50 коп. с пуда веса вывезенного металла. В среднем у артельщиков выходило по 8,5 рубля в день⁵⁵. Вот как оправдывал свои действия один из рабочих: «Православный? — спросил я. — Православный, — ответил он. Не тяжело было в первый раз разбивать колокол? Нет, — ответил он, — я же за старшими шел, и делал как они, а потом само пошло»⁵⁶. Несомненно, таких случаев после войны уже не было, в хрущевское и брежневское время активно боролись со святыми источниками, местами традиционных паломничеств, с храмами, иконами, церковной литературой, со всем, что привлекало верующих к себе. В послевоенной России общество стало более четко разделенным, чем в 1920-е годы, на верующих и неверующих. Власть не надо было платить тем, кто трудился над разрушением церквей в начале 1960-х годов, люди делали это «по производственной разнарядке», как часть своей работы в колхозе или на производстве. Делали, конечно, без охоты, но и не отказываясь. Защищали храмы от разрушения в эти годы, в большинстве своем, верующие женщины, но и им не всегда это удавалось. Здесь хочется привести два характерных для тех лет примера, связанных с защитой женщинами церковных святынь. Один был рассказан мне З.К. Яшиной, вдовой поэта Александра Яшина, который сам вместе с женой являлся участником описываемых событий. «Чудотворная икона, Дуниловская, являлась достоянием всей деревни. Когда крестьяне шли на свои полевые работы, бабы всегда заходили к Поповым, крестились, кланялись перед образом. Икона именовалась Дуниловской, а по иконографии была Казанской. В верхней части ее был

образ Казанской, а внизу — святитель Николай. Когдато она приплыла по реке Югу и пристала к берегу возле того места, где село Дунилово. Здесь и хранился прославленный чудесами этот образ до революции. Когда большевики обитель закрыли, икону забрали крестьяне и стали прятать по домам. Долгое время она находилась в деревне Блудново в родительском доме Яшина — в доме Поповых. В день памяти Дуниловской иконы Божией Матери со всех окрестных сел в округе до 70 км собирався народ, икону поднимали и шли крестным ходом к месту ее обретения — в село Дунилово. “Когда я в первый раз приехала к Александру на родину, — говорит Злата Константиновна, — то был крестный ход в Дуниловскую пустынь с чудотворной иконой. И Александр меня позвал на крестный ход: “Пойдем и мы”. Партийные деятели в советское время каждый раз, как подходило время крестного хода, думали, как бы сорвать проведение религиозного праздника. А люди шли и святыню почитать, и получить утешение, исцеление, вели под руку больных старушек, несли на руках детей. Придя к месту явления, крестный ход, состоящий большей частью из женщин, без священников, на берегу, обычно совершал молитвенное пение и поклонение иконе. А в один год, когда в нем участвовал и Яшин, местные партийные борцы с религией придумали, как предотвратить приход крестного хода на берег реки. Сюда завезли мазут и обмазали им весь берег, там, где всегда собирались люди. Мазут привезли заранее, накануне праздника, и в то время, когда уже шел этот величественный и огромный крестный ход, здесь берег замазывали мазутом. Вы бы видели этих вологодских баб, очень красивых в праздничной одежде. Удивительно красивые крестьянские наряды: сарафаны, фартуки, *вышивка на одежде, все в беленьких платочках... Крестный ход подошел к святому месту, и люди увидели везде размазанные куски черного мазута. Что было делать? И бабы одна за другой стали подходить к бережку и слизывать этот мазут, потом уходили и гдето в стороне выплевывали его. К утру берег оказался чистым. Снять лопатой все это было невозможно”*».

Другой случай я услышал от простой сельской чернички: «Я была небольшая еще, — вспоминает М.П. Огурцова, — но помню, как колокола с церкви снимали. У нас есть такая Тоня, а с ней жила еще тетя Катя. Когда-то эта тетя Катя — монахиня, жила с другой монахиней Анастасией, в миру Ольгой, калекой. У той были ручки короткие, и на каждой только по три пальчика. Когда колокол сбросили, он врезался в землю. Эти монашечки подошли и пропели стих: “Умолкли священные

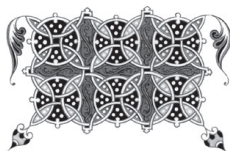

Три степени ордена

речи, и звон колокольный затих”. Представитель власти из района затопал ногами и закричал: “Я вас отправлю туда, где ворон костей ваших не найдет”. А у Ольги шаль колыхнулась, и ручки ее маленькие открылись, как два крылышка. Этот представитель так и обомлел и даже заробел. “Ну, благодари Бога, что ты такая калека, а то сейчас бы арестовал”. Все это время гонений было по попущению Божию. *Помните, как Господь ожесточил сердце фараона, когда нужно было вывести из Египта народ Божий? Так и у нас было в советское время*⁵⁴.

Приведенные примеры можно было бы множить, потому что в массе своей верующие люди, пережив войну, уже приобрели некий иммунитет от страха. Показательно другое: реализуя утопическую модель воспитания коммунистической женщины, власть не могла уже действовать

как прежде, опираясь на энтузиазм и патриотизм русских женщин. Здесь ей приходилось использовать силу, принуждение, обман, обещания «сладкой жизни», предательство и конформизм тех людей, которые, зная правду, готовы были активно помогать проводить эту политику в жизнь. Но на принуждении и обмане нельзя было построить что-то основательное и тем более долговременное. И действительно, все последующее время, вплоть до начала 1990-х годов, наблюдалась деградация данной утопической модели конвертации, что указывало на истощенность духовных ресурсов советской власти. Но даже исчерпав свой ресурс, советская власть продолжала держать богатство в своих руках, не конвертируя его, а значит делая формальным, выделяя лишь малую толику от него Церкви и обществу на конвертацию.

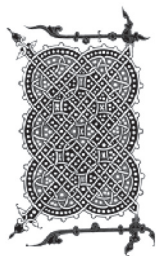

⁵⁴. Там же. С. 212.

⁵⁵. Пришвин М.М. Дневник. 1930–1931. М., 2006. С. 17.

⁵⁶. Там же.

⁵⁷. Мария Петровна Огурцова (с. Тишанка). Экспедиция ИЭА РАН 2001 г.

Н. Н. Блохина

Становление и развитие Одесской Стурдзовской богадельни сердобольных сестер милосердия (1850–1917)¹

6 мая 1852 г., когда Екатерина Александровна Хитрово переступила порог Одесской богадельни сердобольных сестер, это благотворительное заведение еще не успело проявить себя. По признанию главного ее основателя и первого попечителя А.С. Стурдзы, тогда она была «учреждением еще новым и слабым на почве новой и отчасти жесткой»². Поступив в богадельню, сестра Е.А. Хитрово начала с дежурства в больнице. Об этом времени свидетельствуют ее письма. «Мне хорошо, — писала Екатерина Александровна своей названной сестре Ольге Васильевне 28 мая 1852 г., — в моих новых трудах. На сердце покойно, и я не вижу, как время течет. Новую мою семью — больных, беспрестанно переменяющихся или обновляющихся, — я люблю как близких, и раны, которые тебе так страшны кажутся, мне приятно перевязывать, несмотря на тяжелый запах. Дурной запах поражает только чувство обоняния; а в душе в это время рай, при мысли облегчения, которое чрез это приносишь страждущей. И ей, когда она видит, что делаешь это с любовью, какое сладостное чувство утешения! Так вещи обходятся, что все довольны и покойны. Для меня же раны, самого смрадного запаха или вони, пахнут лучше раздушенного платка глупой франтихи»³.

Екатерина Александровна за короткое время прошла путь рядовой сердобольной сестры, так как уже давно была готова к служению больному человеку. Н.В. Неводчиков комментирует эти

признания Е.А. Хитрово следующим образом: «Строки эти набросаны почерком самым торопливым; да и читая их нельзя не заметить, что писавшая их ничуть не задумывалась над словом иль выражением, ей представлявшимся, а спешила высказаться верной подруге ... Отчего же спешила? В этом ей она призналась после лишь 6-го сентября: "В начале моего поступления в обитель нашу, — писала она, тогда, — из 7 числящихся сестер нас служило около больных четыре, время в первые два месяца с половиною было претрудное"»⁴.

Действительно, сестер, ходивших за больными, к 1 января 1852 г. было всего семь, а кроватей для больных — двадцать четыре. Но вся сложность организации ухода за больными была в круглосуточном, изо дня в день, внимании и опеке. Н.В. Неводчиков отмечал, что Екатерине Александровне по сердцу была такая деятельность: «ея сильная и впечатлительная душа наконец нашла ту деятельность, которую давно искала, — и такой деятельности она предалась вполне, и в полноте горячего увлечения она по началу не чувствовала тяготы трудов, ею принятых. Тягота эта ей сказывалась уже впоследствии»⁵. Вся ее предшествующая жизнь, со строгими требованиями к себе, не могла не сказаться на ее высокой нравственности, на ее духовном внешнем и внутреннем облике. Показательно, что оказавшись в богадельне сердобольных сестер, она имела желание «прежде всего, учиться, но ни в коем случае

¹ Окончание. Начало см.: Традиции и современность: Научный православный журнал. 2015. № 16.

² Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 260.

³ Там же. С. 263–264.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Там же.

не учить, она искала, прежде всего, смиренного послушания, отнюдь не стремясь к начальствованию, о том она неоднократно говорила своим близким друзьям»⁶.

Поскольку, согласно § 28 Устава Одесской богадельни ссрдобольных сестер, «новопоступившая должна подвергнуться предварительному годовому испытанию в самой богадельне», Екатерина Александровна смотрела на себя как на испытующую, не надевая даже платья, положенного *ссрдобольным сестрам*. Она носила *труженическую* сестринскую одежду, как следует из письма к ней А.С. Стурдзы: «не откладывайте — долее возложения на себя труженической одежды, по примеру прочих сестер, из коих имеющие впредь поступить молодые девицы должны принять одежду заведения не ранее срока проходимого ими испытания»⁷. Будучи мудрым человеком, А.С. Стурдза вполне отдавал себе отчет в том, с какой замечательной личностью он имеет дело. Как попечитель он зорко подмечал все изменения, происходившие в это время в богадельне, и, обращаясь к новой настоятельнице, говорил: «*Вы в три недели столько уже наделали добра в смиренной обители сестер милосердия, так успели приобрести уважение и любовь всех ваших достойных сотрудниц, что попечителю остается только радоваться и благодарить Подателя всех благ*»⁸.

Александр Скарлатович знал, что она всегда готова прислушаться к его указаниям, поэтому советовал: «*В течение лета узнавайте о беднейших в соседстве больных; покорнейше прошу вас навещать их Христа ради, в сопровождении какой-либо младшей сестры, и, что увидите, доводить до сведения главного медика и протоиерея*»⁹. В письмах А.С. Стурдзы к Е.А. Хитрово есть немало обращенных к ней добрых слов: «*Ваше имя, ваши лета, опытность и любовь к Богу составляют капитал, с которого Господь Иисус, податель оного, повелел вам собирать лихву*»¹⁰.

Как человеку опытному А.С. Стурдзе было понятно, что Е.А. Хитрово, много пережившая в жизни, может быть облечена в «труженические одежды» ссрдобольной сестры без прохождения годового испытательного срока. Ему было важно, чтобы она поскорее заняла пост руководительни-

цы богадельни. Препроводив в комитет, действовавший при благотворительном заведении, копию со своего прошения, А.С. Стурдза поставил Екатерину Александровну в известность «беспрекословно подчиниться всем его советам». Грядущие перемены скоро почувствовала старшая сестра богадельни М.И. Решикова, но смирилась с этим, и с христианским добродушием отказалась от старшинства в пользу Е.А. Хитрово. В отчете за 1852 г. отмечено: «*Комитет, в виду сложившейся ситуации внимательно следивший за всеми действиями благочестивой подвижницы и ценя способности ея, необходимым признал вверить ей временное исправление должности надзирательницы, с утверждения Императорского Человеколюбивого Общества*»¹¹.

Вступив в должность *надзирательницы*, Екатерина Александровна 25 ноября 1852 г. приняла и «знак отличия» ссрдобольной сестры — золотой крест с изображением на одной стороне *Пресвятой Богородицы*, с надписью *Всех скорбящих радость*, а на другой — *Милосердие*, для ношения на зеленой ленте. Принятие этого креста сопровождалось присягой где звучали слова: «*доколе сил станет употреблять все попечения и труды на богоугодное служение болящим братьям*»¹². С крестом на груди и с любовью к выполняемому ею сестринскому делу приступила Екатерина Александровна к своим новым обязанностям. «Занятий довольно, — писала она своей названной сестре Ольге Васильевне, — но еще не так устроены, как бы того хотела»¹³. В «Уставе Одесской богадельни ссрдобольных сестер» были подробно расписаны повседневные обязанности сестры-настоятельницы: «*Настоятельница принимает посетителей или отказывает им, отвечает на все их вопросы и, с согласия главного медика, назначает требуемых его сторонними больными сестер. Настоятельница бережет время с тем, чтобы молиться, читать и мыслить вслух с прочими сестрами, печется об их прогулках и здоровье, бывает с ними в жилищах бедных семейств по окрестности ... Все внутреннее хозяйство зависит от настоятельницы, однако мелкие подробности она слагает на очередную сестру и приучает ее к точному записыванию всего иждиваемого*»¹⁴.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Там же. С. 265.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 266.

¹² Там же. С. 266–267.

¹³ Там же. С. 267.

¹⁴ Там же. С. 267–268.

Обращает на себя внимание тот факт, что здесь фигурирует уже должность не сестры-надзирательницы, а сестры-настоятельницы, что больше соответствовало положению ее повседневной деятельности в Одесской богадельне сердобольных сестер. Это был важный поворотный момент не только в управлении богадельней, но и во внутренней общинной жизни, что было целиком связано с именем Е.А. Хитрово. На это и рассчитывал попечитель богадельни А.С. Стурдза, когда добивался назначения Е.А. Хитрово на этот пост. 21 июня 1851 г., как только она выразила согласие принять эту должность, он ей писал: *«Настоятельница хотя и временная, от чередного суточного служения свободна; зато она обязана почти каждую ночь раз вставать и заглянуть во все больничные палаты, при ежедневном посещении и предписаниях врача присутствовать лично, дабы исполнять невольные упущения очередных сестер...»*¹⁵. Таким образом, на Е.А. Хитрово была возложена обязанность следить за работой сестер и днем и ночью, без расчета на обычный отдых.

Надо отдать должное тому, что и сам организатор и попечитель Одесской богадельни сердобольных сестер А.С. Стурдза, несмотря на болезнь, старался принимать самое живое участие в ее делах. Он требовал самого подробного отчета в ежедневных проявлениях сердобольного служения больным. Это пристальное внимание к делам богадельни позволило ему через какое-то время констатировать: «Добрая память и благодарность народа в обители безмездного служения больным приметным образом усиливаются и высказываются возрастающим доверием к заведению». Попечитель богадельни дает высокую оценку трудам как сестер, так и настоятельницы. 23 сентября 1852 г. он писал своему адресату Н.В. Неводчикову: «я застал врачебницу сестер в добром порядке, благодаря неусыпным трудам почтенной настоятельницы»¹⁶; 8 октября в другом письме отмечалось: «Настоятельница Екатерина Александровна благодушна и постоянно иждивает силы свои душевные и телесные на службе Отца щедрот и Господа сил. Слава ему за все и даже и за крайнее наше убожество и скудность, налагающую на нас самое тяжкое испытание. Вы не можете себе предста-

вить, с каким презрением смотрит на нее мир, но мы служим Тому, о коем сказано у пророка: *человек в язве сый и ведый терпети поношение*»¹⁷. А.С. Стурдза не единожды завещал ей главное: «не столько самой работать, сколько настраивать других к трудам любви». Но и удержать ее от повседневной, самой разнообразной работы не мог, того нередко требовала прямая повседневная жизненная необходимость, и сознавая это, попечитель писал: «глубоко чувствую и постигаю, возлюбленная о Господе сестра, всю трудность задачи быть вместе и Марфою, и Мариною пред лицом Серцеведца». И далее: «Уповайте — невозможная от человек, возможна суть у Бога. Несомненно, верую: что дает наконец Господь по сердцу твоему и весь Совет Твой исполнит». На Господа Бога и уповала Екатерина Александровна в трудные минуты своего служения. «Везде запутанность, — писала она от 2 мая 1854 г. Н.В. Неводчикову и Ольге Васильевне, — Впрочем, нить в руках Божиих, и унывать не надобно»¹⁸. Запись в дневнике Е.А. Хитрово от 16 марта 1854 г.: «Остаток жизни употреблю на обитель, в которой хлопоты возрастают».

Духовная жизнь настоятельницы стала фундаментом, на котором строилась вся жизнь общины. Н.В. Неводчиков писал о настоятельнице: «(Она) завела себе свою особенную внутреннюю жизнь, ведя которую строго следила за собой, врачевала свои душевные болезни словом Божиим (например, гордость — посланием апостола Иакова) и к такой же жизни располагала других, предлагая им тоже духовное врачество»¹⁹. И далее: «Я внимательно присматривался и прислушивался к ней, больные глядели на нее с признательностью и обращались к ней с доверием, что сестры непринужденно и часто приходили к ней, что и при разговоре с посторонними она не забывала своего дела и не путала своих распоряжений»²⁰. В записях Н.В. Неводчикова сохранилось описание внешнего облика Е.А. Хитрово: «Как теперь вижу ее худощавую, в темно-коричневом платье, в черной пространной шапке на белой подкладке, тем заметнее выдающей ее смуглое продолговатое лицо, оживленное черными пронизательными глазами и словно озаренное приветливою улыбкою. Как теперь слышу ее живую быструю речь, на бегу касающуюся всего встречного и будто врывающуюся в сердце»²¹.

¹⁵ Там же. С. 267.

¹⁶ Там же. С. 268.

¹⁷ Там же. С. 268–269.

¹⁸ Там же. С. 273.

¹⁹ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 3. С. 122.

²⁰ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 271.

²¹ Там же. С. 270–271.

Всем было очевидно, что «врачебница постоянно действует во славу Божию», «что растворяемый непрестанною молитвою труд любви в самом заведении и вне онаго, слава Богу кипит и видимо благославляется»²². Настоятельница получала слова поддержки и утешения в ее тяжелом труде. Известный поэт Василий Андреевич Жуковский в письме от 6 ноября 1852 г., обращенном к А.С. Стурдзе, нашел такие слова для настоятельницы богадельни: «Также скажите от меня много дружеского Катерине Александровне Хитровой. Помогите ей Господи в святом подвиге, предпринятом ею!»²³. В.А. Жуковский, будучи чутким человеком, сразу же глубоко понял все трудности служения больным людям, которые взяла на себя Е.А. Хитрово – трудности, сопряженные с подвигом.

После открытия богадельни деятельность сестер за ее пределами становится довольно заметной²⁴. Расширяется круг опекаемых лиц, в него входят уже не только лица женского пола, но и мужчины, помощь оказывается и в частных домах. Духовенство Свято-Михайловского прихода, в котором находилась богадельня, стало обращаться к Комитету богадельни за врачебной помощью для беднейших прихожан, и сестры, по указаниям священника Свято-Михайловской церкви о. Иоанна Соловьева, многократно посещали «убогие жилища страдания и нищеты, принося страждущим и утешение.... и своевременную врачебную помощь».

Конечно, за милосердием и социальным попечительством стояли и миссионерские задачи. Елена Александровна знакомится с опытом церковной миссии в Сибири. «Возвращая нам, – вспоминал Н.В. Неводчиков, – номера “Московских ведомостей” 1853 года, где описывались подвиги миссионеров в Сибири, она писала нам: “Вот ваши номера газеты. Как изумительны подвиги миссионеров, и как далеко за собою оставляют бедные наши попытки на избранном нами – сестрами пути. Там-то одним духом живут люди, посвятившие себя Богу. Ниже одним удобством жизни не опутаны они! Право, хорошо жить в недостатках. Без того беда, – так легко увлечься сетями, везде представленными”»²⁵.

Совершаемое и совершенствуемое А.С. Стурдзой и Е.А. Хитрово дело ухода за больными с каждым годом становилось все более и более востребованным жителями Одессы. «Теперь беспрестан-

но просят сестер («для ухаживания за больными в частных домах» – уточнение в тексте), а их нет: иные не готовы, другие больны. А мы с попечителем ахаем, – он в особенности»²⁶. Богадельня также установила тесные связи с соседним Михайловским приходом, который указывал больных, требующих домашнего попечения. Сестры бесплатно служили в бедных семействах, а за определенную плату – в состоятельных. Сердобольные сестры посещали бедных больных Свято-Михайловского прихода, из которых 9 бедным семействам оказывалась необходимая медицинская помощь, так как по домашним обстоятельствам больных нельзя было переместить в богадельню²⁷. В разное время и безвозмездно сестры трудились в 14 семействах, (кроме работы по медицинскому обслуживанию 24 кроватей в палатах богадельни, непрерывно занимаемых больными), употребив на это не менее 349 суток. В самые первые годы существования Одесской богадельни сердобольных сестер на помощь сестрам богадельни пришли горожанки – представительницы высшего общества, и это подспорье было ощутимо.

В обязанности Е.А. Хитрово входили не только административно-организационные обязанности – «непосредственный надзор» за сердобольными сестрами, – но и хозяйственное управление богадельней. Богадельня находилась в сложном финансовом положении. И хотя в ней ранее была предусмотрена должность эконома, но, к сожалению, на его место так и не нашлось достойного претендента. Екатерина Александровна отчетливо отдавала себе отчет в том непростом положении богадельни, в котором она оказалась, и поэтому, невзирая на свое стремление заниматься только сестринским трудом, была вынуждена уделять внимание и хозяйственным делам. К тому же это позволяло сэкономить для богадельни вполне определенную и необходимую ей денежную сумму. Но настоятельница беспокоило, что занимаясь повседневными делами, она мало приближается к главной цели – «спасению души». По этому поводу она писала: *«Судьба поставила (меня) не на чреде сестры милосердия, а на чреде охранительницы милосердия других. Сама вожусь с чаем, капустою, яблоками, всевозможными крупами. Довольство физическое как больных, так и сестер высоко ставлю. К тому же эко-*

²² Там же.

²³ Письма В.А. Жуковского к А.С. Стурдзе // Русская старина. 1902. Т. 110. № 4–6.

²⁴ Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Одесса, 1900. С. 33.

²⁵ Там же. С. 271–272.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же.

номия сгубила... Считаю копейки, что мочи стало записываю все, примериваюсь — как бы с помощью сестер обойтись без эконома... Но как это устроится? Потечет же мирнее жизнь моя? Будет ли в ней более светлых минут? Приближусь ли я к цели — спасению души? Теперь это как бы отложенное дело»²⁸. Е.А. Хитрово не видела за этой хозяйственной повседневностью возможности для собственного духовного возрастания, хотя и считала себя на этом посту *охранительницей милосердия других*.

Настоятельница богадельни мечтала о том, чтобы у нее были сестры «с незапятнанными светскими привычками», но при этом смиренно добавляла, что «надобно сперва себя очистить и затеять что-нибудь, что увлечет и других. Задачи все трудные, — и одно утешает, что Богу все возможно»²⁹. При этом, даже в это непростое для себя время, она продолжает тянуться к знаниям: хочет выучить греческий и «доучить» английский языки, хотя и считает это желание искушением³⁰. Занятия языком уже заменяют ей потребность в отдыхе. «Хотелось бы пожить просто труженицею, делящую время между трудом и отдыхом, — писала она 17 декабря 1853 г., — я только урывками отдыхаю; и только что в сладость отдыха войду, — как должна от него оторваться хоть бы денек — полежать на боку, читая по-гречески, — сколько б я выучилась! Я поставила себе выучиться по-гречески». В этом устойчивом и постоянном желании познавать все больше и больше явилась важнейшая сторона ее натуры.

А.С. Стурдза не устал повторять, как в печати, так и устно, как он понимает специфику деятельности сестер: *«Вы поставлены помощницами медика и пастыря, с тем, чтобы принести недужным двоякую пользу — по телу и по душе. Одним словом, да дает вам Господь уразуметь вполне и принять к сердцу ваш многотрудный подвиг. Ибо между истинною сестерою и обыкновенною сиделкою должно быть немалое и существенное различие. Простая сиделка может быть исправна без особенного сочувствия к больному. Напротив, сестра, служащая больному ради Христа, должна одушевляться верою и любовью, в которых заключается вся наша за-*

*слуга и вся наша мудрость»*³¹.

В последние годы жизни Александра Скарлатовича связывали с Домом сердобольных сестер особенно сердечные отношения, как сообщает об этом Н.В. Неводчиков: «О нем (доме. — Н.В.) писал он ко мне положительно в каждом письме и в него он возил меня каждый раз, когда я приезжал в Одессу». «Право, — однажды сказал он мне после посещения Дома, — не будь у меня Елизаветы Федоровны»³², я построил бы себе маленький домик подле Сердобольных, да и стал бы там доживать век»³³.

Александр Скарлатович постоянно заботился о лучшем устройстве «Дома сердобольных сестер», о лучшем уходе за больными, о христианском отношении сестер к больным и о материальном содержании самих сестер и т.д. Сестры ценили отеческую заботливость о них попечителя, внимая его советам, руководствуясь ими и старательно применяя их к самому делу не только у себя в богадельне, но и в частных домах. Попечитель Одесской богадельни видел это и по-отечески опасался «за избыток усердия»: «Здесь сердобольные сестры подвизаются сверх сил: сестра Мария Ильинична около двух недель вне заведения ухаживает за трудно больным молодым и одиноким профессором лица С. Посудите, каково служение остальных сестер при 18-ти или 20-ти больных. Настоятельница все выносит на плечах, да долго ли рамена ея возмужают нести такое бремя». А уже через две недели отмечал: «Врачебница наша действует во славу Божию, несмотря на скудность числа тружениц. Сестра М.И. выходила и вымолила у Господа жизнь умиравшего в нервической горячке молодого профессора С., и это событие для нас очень утешительно»³⁴. В этот год в богадельне находилось: пациентов «православного исповедования» 96 человек, «римского» — 16, «протестанток» — 4.

Медико-социальная специфика богадельни составляла сестер нести различные послушания. Одна из них трудилась фармацевтом в небольшой аптечке общины. «Причем обязанность эта исполнялась, по отзывам врачей, настолько успешно, что прибегать к услугам аптекаря приходилось лишь в тех случаях, когда требовалось приготовление особенно сложных аптечных препаратов»³⁵.

Много усилий прилагала настоятельница, чтобы сохранить мир среди сестер. В свое время А.С.

²⁸ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 272.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 271–273.

³¹ Херсонские епархиальные ведомости. 1877. № 17. С. 522.

³² Е.Ф. Стурдза — супруга А.С. Стурдзы, урожд. Х.В. Гуфеланд.

³³ Одесский воскресный листок. 1876. № 12. С. 186–187.

³⁴ Там же. С. 186.

³⁵ Пятидесятилетие Стурдзовской общины ... С. 34–35.

Стурдза предостерегал Екатерину Александровну, что на избранной ею стезе «встретится кое-где и терние»³⁶. Е.А. Хитрово стремилась к тому, «чтобы обитель была как улей, где б все работали *дружно*³⁷, тем не менее, на деле она зачастую не встречала единения и согласия: «Страшное дело — не воспитание, — замечает она по одному случаю, — страшно развивает зависть»³⁸. На искоренение зависти она и направила свои усилия. Строгою справедливостью по отношению ко всем без исключения старалась предупреждать поводы к проявлению зависти в сестрах. Никого не выделяла своим расположением; всячески противилась общению богадельни с людьми, расположенными к сплетням, которыми «зависть обыкновенно питается и поддерживается. Сплетники не годятся в заведении таком, как наше, где все основано на согласии и действовании общими силами»³⁹. Замечая у сестер какие-либо недостатки, настоятельница старалась подавлять их в самом зародыше, и прежде всего у вновь поступающих, за что получала благодарность от попечителя.

Забывая по мере сил о сестрах-богадельницах, Екатерина Александровна тем самым заботилась и о больных, на которых она всегда смотрела как на родных ей людей. Она старалась, чтобы сестры унылым видом не навели тоску на больных. По ее мнению, сестры должны были выглядеть перед больными должным образом. Требуя от сестер обращаться с больными как можно добродушнее, она считала, что «мрачность несовместима с милосердием». И далее: «У одра болящих необходимо иметь покойный, если не веселый вид, — и когда в нем озабоченность отразится, то единственно в пользу их». И едва ли не самое трудное было то, что она хотела передать молодым сестрам: «Все же собственное горе, если нельзя отбросить, то так подавить, чтоб и догадаться о нем трудно было»⁴⁰.

Важной стороной деятельности сестер-богаделок была духовная помощь пациентам. В общине «кроме пособий врачебного искусства, утешения Святой веры преподаваемы были болящим с заботливостью неутомимою. Таинства покаяния, приобщения и елеосвящения постоянно напут-

ствовали страдальцев, сообразно изволению Божию, или в “мир земской” или в “мир горний”». «Сестры-богадельницы читали вслух божественным, попеременно, избранные места из Нового Завета, а также отрывки из творений Св. Дмитрия Ростовского, Тихона Воронежского и “Воскресного чтения”»⁴¹, пожертвованного Киевской Духовной академией.

Обстоятельства сложились таким образом, что Е.А. Хитрово представился удобный случай удалиться из Одесской богадельни сестер милосердия, в связи с тем, что в ее опыте и знаниях стала остро нуждаться Санкт-Петербургская община сестер милосердия, которая испытывала в то время определенные трудности: «Пришло письмо от вел. кн. Марии Николаевны, — писала Е.А. Хитрово, — я ей понадобилась управлять ее общиною сестер милосердия. Она воображает, что у нас все идет отлично и т.д. Я отказалась, опираясь на присягу, которую давала при принятии креста»⁴².

Действительность требовала постоянных забот об общине, о сестрах. Она отчетливо видела, что не все задуманное ей удастся, что временами она сама проявляла человеческую слабость. «Хлопоты мои — настоящая гидра; но все-таки я виновата, что не умею устраиваться так, чтоб на все было время, и чтоб я не теряла его на пустяки. Там пересажу, там переговорю, переложу лишнее и, главное, не умею ничего предвидеть и вовремя заготовить»⁴³. Эти слова Екатерина Александровна выбрала из ее писем близким людям. При таком строгом отношении к себе она естественно пугалась тех похвал, какими ее осыпали при случае. Но и тут она считала, что «почести все не мне собственно, а сану сестры-богадельницы» и «святому делу» ухода за больными.

Как только в Одесской богадельне сестры-богадельницы стала налаживаться жизнь, так начались непредвиденные испытания — Крымская война. Одесса была подвергнута бомбардировке. Княгиня В.Н. Репнина, вспоминая бомбежку Одессы во время Крымской войны и наблюдая, как все усердно молятся, отмечала: «Этот коммерческий и совсем не русский город оправославился в это время»⁴⁴. Во время обстрела Одессы неприятель-

³⁶ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 261.

³⁷ Как тут не вспомнить: «Посвятив себя служению страждущим ближним, сестры-богадельницы должны блюсти единение духа в союзе мира» — так говорилось в «Уставе Одесской богадельни сестер милосердия».

³⁸ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 274.

³⁹ Там же. С. 275.

⁴⁰ Там же. С. 276.

⁴¹ Там же. С. 269–270.

⁴² Там же. С. 279.

⁴³ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 280.

⁴⁴ Репнина В.Н. Воспоминания о бомбардировании Одессы в 1854 г. // Русский архив. 1891. Т. 29. Кн. 3. С. 448.

ским флотом в Великую субботу, 10 апреля 1854 г., Одесская богадельня подвергалась большой опасности: бомбы падали в непосредственной близости от нее. Е.А. Хитрово предусмотрительно перевезла неподвижных больных в отдаленное от моря предместье — Молдаванку. Больные продолжили свое лечение в частном доме под опекой большинства сердобольных сестер. «Сама же Екатерина Александровна с одной сестрой и священником Стефаном Рудковским пребывала на страже обители, чудно хранимой десницей Божией»⁴⁵.

Сразу после бомбардировки Одессы и возвращения сестер и больных в богадельню, туда начали поступать и раненые воины, о принятии которых ее попечитель А.С. Стурдза думал еще до разразившейся войны. «Что, если святая война откроет пред нами новое поприще заслуг? — спрашивал он Екатерину Александровну 26 мая 1853 г. — Обитель наша на рубеже России, стоит лицом не даром —

Н.И. Пирогов в военном госпитале

на Восток!»⁴⁶. Он считал, что ранам, принятым за Веру и Церковь Христову, «целечно будет прикосновение молитвы и любви»⁴⁷. Раненым была предоставлена одна из палат⁴⁸.

Первые двенадцать тяжелораненых были размещены в больнице. В течение 1855 г. здесь находилось на излечении 20 раненых, средства на со-

держание и лечение которых прислала императрица Александра Федоровна⁴⁹. Этот факт указывает на то, что деятельность богадельни пользовалась вниманием первых лиц государства. И самоотверженная деятельность сестер богадельни в это трудное для России время оправдывало это внимание. В период Севастопольской кампании 12 сестер во главе с начальницею прибыли на главный театр военных действий и там оказывали самую разную помощь раненым воинам.

Старший врач при Одесской богадельне сердобольных сестер Д.К. Даллас отмечал главные трудности, с которыми столкнулись богадельни в военное лихолетье: «Наши сердобольные сестры, воодушевляемые примером своей достойной начальницы и неутомимой старшей сестры (Е.А. Хитрово), с мужеством преодолевают свое отвращение, чтобы присутствовать при самых кровавых операциях, и в деле ухаживания за ранеными достигают того самоотвержения, которым

отличаются сердобольные сестры запада»⁵⁰. В этой характеристике вызывает вопрос только одно: почему старший врач Даллас для характеристики деятельности русских сердобольных сестер прибегает к сравнению их деятельности с опытом западных сестер, забывая, что российское сестринское сердобольное дело прошло к тому времени собственный не менее славный путь. Подготовленный и действующий к тому времени ухаживающий медицинский персонал в рамках самых различных ведомств свидетельствует об этом: Институт сердобольных вдов («Ведомство императрицы Марии» — Санкт-Петербург и Москва); Московская Никольская община сестер милосердия (Ведомство императрицы Марии); Санкт-Петербургская община сестер милосердия; община сестер милосердия на Литейном; Санкт-Петербургская Крестовоздвиженская община сестер милосердия («Министерство внутренних дел»). В рамках самых различных «Институтов ухода за больными», действовавших к

⁴⁵ Отчет комитета Одесской богадельни сестер милосердия за 1854 г. Одесса, 1863. С. 15.

⁴⁶ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 277.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Еще в 1853 г. в богадельне были устроены палаты для раненых офицеров и рядовых. Первые раненые (8 рядовых и 1 офицер) поступили сюда после бомбардировки Одессы 10 апреля 1854 г.

⁴⁹ Отчет комитета ... за 1854 г. Одесса, 1855. С.7; Отчет комитета... за 1855 г. Одесса, 1856. С. 2.

⁵⁰ Пятидесятилетие Стурдзовской общины ... С. 34.

моменту Крымской войны уже более 40 лет (с 1815 г. — появления профессии «сердобольных вдов»), Россия накапливала свой бесценный опыт в этой области.

Между тем Одесскую богадельню ожидало еще одно испытание. В связи с болезнью А.С. Стурдзы попечителем заведения становится князь Евгений Григорьевич Гагарин⁵¹, зять основателя богадельни. Он находился на этом посту в 1854–1883 гг. Е.А. Хитрово осталась довольна новым назначением.

13 июня 1854 г. в Манзыре умирает главный благодетель богадельни Александр Скарлатович Стурдза. Кончина его стала сильнейшим потрясением и для настоятельницы, и для всех общинниц, особенно для близко знавших его людей⁵². 20 июня 1854 г. Е.А. Хитрово писала по этому поводу: «Что делать нам, как не плакать о потере такого друга и благодетеля, каков был наш умный и добрый попечитель? Я теперь во тьме и падаю духом. Мне так его жаль, что это выразить не могу. Как быть без него, и кем руководиться, кем веселиться духом? Бывало, скажет всем хорошее проникновенное слово и снимет с души бремя, а теперь слова все бременем на душу падают»⁵³. И в этой потере настоятельница богадельни «не могла утешиться, не знала, как дышать»⁵⁴.

Священник о. Николай Неводчиков также тяжело переживал уход из жизни своего наставника. Позднее он написал в связи с этим следующее стихотворение:

И плакал я над мертвецом,
И чувствовал, как остывая
Он костенел, позабывая,
Что это только труп его —
Земля, и больше ничего,
А он — бессмертный дух — далеко.
Смотрел я с горестью глубокой
на милый труп... теперь прошли
Два года; с сердца унесли
Они не мало чувств и силы...
В два года, в глубине могилы
Труп милый разрешился в прах...
Что до того! В живых цветах
Его могила... и в могиле

Сокрытый прах воскреснет в силе
Когда великий день придет...
И так могила бережет
Зерно бессмертной плоти... Можно
На ней молиться безтревожно
Перед Спасителя крестом...
И в сердце верном и простом
Хранится образ незабвенный;
Годами ярче озаренный,
Любовно чистый от страстей,
Он представляется святей
И как-то ближе... Да и точно,
Свершая жизни путь урочной,
К нему я ближе с каждым днем,
С минутой каждой, — и о нем
Все чаще думка... Слава Богу,
Пора, пора мне понемногу
Готовиться в далекий путь...⁵⁵.

При переписке с близкими ей людьми Е.А. Хитрово с горечью вспоминала о своей невозвратимой и незаменимой потере. В память А.С. Стурдзы она старалась совершать те поступки, которые, несомненно, были бы одобрены им: «По старому наставлению своего незабвенного попечителя — покойника, она отыскивала бедных и по своему сердечному чувству старалась облегчать не одно болезненное состояние их. Ее участие огласилось в городе, и к ней стали присылать бесприютных, для которых она делала, что могла, посещая лиц “от верхних слоев общества до самых низших и даже низких”. И за эти хлопоты Бог ее радовал не похвалами “разнородных лиц”, а “живою признательностью облегченной ею бедности и безнадежности”»⁵⁶.

В богадельне Екатерина Александровна испытывала радостные минуты, когда она чувствовала дружеское содействие главного медика и его помощника, и не только в деле ухода за больными, но и в руководстве сердобольными сестрами. «Да, я утешаюсь В.К. Энно, — писала она о враче этого лечебного заведения, — без него было бы в сто раз грустнее. И с Далласом также утешаюсь, то горюю... Нас волнует всякая весть, даже ветром занесенная из Крыма»⁵⁷. В Крым уже переносилась она мыслию и сердцем, хоть еще не могла и думать, что «именно

⁵¹ Евгений Григорьевич Гагарин (1811–1886; по др. источникам — 1882) — князь, статский советник, камер-юнкер, брат известного художника, архитектора и дипломата, офицера и придворного Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893). В 1848 г. Е.Г. Гагарин получил высочайшее разрешение именовать князь Гагарин-Стурдза.

⁵² Одно из его наставлений см.: Материалы для истории христианской благотворительности в Одессе // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. 1877. № 17. С. 521–526.

⁵³ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 277.

⁵⁴ Там же. С. 278.

⁵⁵ Одесский воскресный листок. 1876. № 15. С. 281.

⁵⁶ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 281.

⁵⁷ Там же.

там Господь ей судил совершить подвиг сердоболия и положить душу за своих раненых братьев»⁵⁸.

С началом Крымской войны в Севастополь и в военные временные госпитали Крыма и Юга России стали прибывать отряды из вновь организованной Санкт-Петербургской Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, также отряды сердобольных вдов из столичных Вдовьих Домов и сестер милосердия Московской Никольской общины. Одесская богадельня сердобольных сестер смогла, подготовив, послать пять сестер в Херсон, пятнадцать — в Николаев весной 1855 г., а затем в июне того же года еще четырех — в Перекоп и шестерых — в Севастополь.

В конце 1855 г. по просьбе великой княгини Елены Павловны Е.А. Хитрово была откомандирована в Симферополь. Произошло это неслучайно, Елена Павловна не могла не обратить внимание на настоятельницу богадельни. Опытность и работоспособность Е.А. Хитрово на этом посту становятся широко известными. Предполагалось, что именно она сможет в Крыму принять на себя должность главной сестры-настоятельницы Крестовоздвиженской общины сестер милосердия⁵⁹.

Е.А. Хитрово отправилась в Крым, чтобы стать не ревизором, а «лицом испытующим», приехавшим от лица великой княгини, чтобы увидеть своим опытным административно-хозяйственным взглядом какие-либо недостатки в деятельности вновь созданной Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и сообщить ей о своих наблюдениях и оценках. 27 августа 1855 г. она начинает осматривать устроенные в Херсоне и Николаеве госпитали, в которых работали сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. 5 сентября 1855 г. Е.А. Хитрово приехала в Бельбекскую долину (где с июня месяца жила большая часть сестер вместе с начальницей) для встречи с хирургом Н.И. Пироговым, где тот изложил ей свои взгляды на деятельность сестер общины. При этом Николай Иванович сразу же отметил скромность новоприбывшей: она «не хочет быть главной начальницей Общины», «не хочет именоваться превосходительством», а «желает быть просто старшей сестрой»⁶⁰.

Эта командировка вызвала некоторую тревогу и боязнь у сестер Крестовоздвиженской общины, но кротость новой начальницы, ее ум, а также умение отличить случайное от существенного, опре-

делять основное в жизни общины рассеяли эти чувства. Замеченное сестрами глубокое уважение Е.А. Хитрово к их труженическому служению, ее воспитанность и такт успокоили их и вызвали ответное, уважительное к ней отношение. Живя с 6 сентября 1855 г. в Бельбеке, а затем в Бахчисарае, Елена Александровна ходила по нескольку раз в день в госпиталь, знакомилась с каждой сестрой милосердия. За короткий период у нее сложилось положительное мнение об общине, что и было доведено до сведения великой княгини Елены Павловны.

В переписке Н.И. Пирогова с женой отмечены в качестве положительных моментов особенности взаимоотношения между начальствующим общинным лицом и рядовыми сестрами милосердия. 8 сентября 1855 г. Н.И. Пирогов писал: *«Третьего дня приехала сюда г-жа Хитрово из Одессы, и мне кажется, что она благотельно подействует на будущую судьбу общины. Я ей изложил мои взгляды, просил смотреть на общину не просто как на одно собрание сиделок, но видеть в ней будущий нравственный контроль нашей хромой госпитальной администрации, и с этой целью вникнуть во внутренние дела общины, и в характер лиц, ее составляющих. Мне понравилось, что она при мне же остановила одну сестру, которая, привыкли называть свою начальницу превосходительством, обратилась и к ней с этим же титулом. “Я не превосходительство, а такая же сестра, как и вы”, — отвечала Хитрово. — Ожидаю с нетерпением от нее, что она хорошо разузнает, и надеюсь, что с ней можно будет положить прочную основу общине»*⁶¹.

Для того, чтобы сестры милосердия Крестовоздвиженской общины не проявляли понятного в этот момент волнения, она, по свидетельству военного медика, постоянно говорила: *«Я прислана только взглянуть в ваше общество; отстранить все слухи, какие беспокоят вашу царственную покровительницу; а начальницей вашей я не могу быть. Я так люблю своих одесских сестер, так довольна тем местом, на котором оставлена там, что хотела бы и умереть с ними»*⁶².

Приведем мнение священника о. Александра Лебединцева, который также дает сугубо положи-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины ... С. 34; Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 267.

⁶⁰ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 78.

⁶¹ Пирогов Н.И. Указ соч. С. 77–78.

⁶² Там же. С. 352.

тельную характеристику новому лицу: *«Здесь под тревожным, после страшной последней катастрофы Севастополя, состоянием не только сестер, но и всего их окружающего, она должна была ознакомиться с лицами, характерами и бытом их, наблюсти дух и направление общины, собрать данные для верной оценки всего целого: Легко ли это было? Появление ее от лица Великой княгини в качестве лица испытующего и без отношения ко внешней тревоге, не могло не произвести в обществе женщин некоторого смущения тревожного или боязни. И нужна была ее кротость, чтобы вступить в среду незнакомых, как своих, — ее нежность и ласковое обхождение, чтобы приблизить к себе каждую сестру, в короткое время узнать кто, и какова она, и к чему способна; нужен был ее ум, чтобы отличить случайное от существенного, — ее взор, чтобы заметить все, и в малом найти не маловажное. Когда чрез несколько дней она прибыла в Бахчисарай, то уже о многих сестрах имела самые верные понятия, приобрел по собственному наблюдению»⁶³.*

«Живя на Бельбеке, а потом в Бахчисарае, — продолжает далее о. Александр, — она занималась своими делами с лихорадочною энергией: проверяла все хозяйственные книги, цейхгаузы; ходила по нескольку раз в госпиталь, легко ознакомлялась с каждою сестрою; руководила их при исполнении той или другой обязанности; а главное — разбирала со всею отчетливостью — которая каким должна заниматься делом. Кроме того, она ежедневно ходила на совещания к проф. Пирогову, просиживала там по нескольку часов. А ночью она, уединившись ото всех, что-то писала долго-долго, нередко по целым ночам»⁶⁴.

Благодаря тому, что Н.И. Пирогов регулярно писал письма жене, мы можем судить о происходящем в общине. 6 октября 1855 г. он пишет: *«всякий вечер до 1-го часа, я провожу с Хитрово, Бакуниной и Карцевой — три столпа общины ... Хитрово — опытная женщина, по делам общины мне много помогает и сообщает многое, чего я не знал, не занимаясь общиною, т.е. внутренним бытом, так как теперь»⁶⁵.*

Сестра милосердия Крестовоздвиженской общины Е.М. Бакунина характеризует Хитрово как

«умную, воспитанную, добрую, снисходительную, истинную сестру милосердия». О первых впечатлениях знакомства она говорит так: *«В первые дни сентября в общине целое событие — это приезд Екатерины Александровны Хитрово, начальницы сестер милосердия в Одессе. Все мелкие неурядицы, глупые дразги, нелепые сплетни, которые доходили до великой княгини чрез переднюю и всеми задними лестницами, очень ее беспокоили, и она просила сестру Екатерину Александровну Хитрово поехать в Крым и управлять общиною. Она мне с первой минуты очень понравилась, сейчас было видно, что хорошо воспитанная, говорили, что она очень умна, очень религиозна. Но я долго боялась поддаться этому впечатлению, чтобы не обмануться, как это со мной случалось уже несколько раз. Но чем я больше узнавала Екатерину Александровну, тем больше я ее любила и уважала, и мы с ней так сошлись, что и теперь, хотя этому так давно, с глубоким чувством вспоминаю о ней»⁶⁶.*

В судьбе Е.А. Хитрово называют перемены. 17 октября 1855 г. Н.И. Пирогов пишет жене: *«Наконец Стахович уезжает, и Хитрово делается старшею; это не Стахович; каждый вечер она и Карцева приходят ко мне, и мы вводим всевозможные крючки, чтобы ловить госпитальных воров... Несмотря на то, еще мы не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур, таким выходит, что на вкус не курицей, а крупую одной действует, тогда как сестры варят меньшее количество и меньше кур кладут, а вкус лучше; уже мы и котлы запечатывали, все не помогает, а надобно подкараулить; право жалко смотреть; дают такое количество, что можно было бы чудесно кормить, а больные почти не едят суп»⁶⁷.*

В «Обзоре действий Крестовоздвиженской общины сестер» Н.И. Пирогов писал о произошедших в Крестовоздвиженской общине изменениях: *«Главная начальница г-жа Стахович, по случаю расстроенного здоровья, от перенесенной ею болезни и от трудов, с разрешения ее императорского высочества, высокой покровительницы общины, вместе с сестрами первого и второго отделений, уставшими от продолжительных занятий, выехали в С-Петербург»⁶⁸.* 22 октября 1855 г. А.П. Стахович оставила пост

⁶³ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 7. С. 351–352.

⁶⁴ Там же. С. 352–353.

⁶⁵ Там же. С. 83.

⁶⁶ Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Вестник Европы. 1898. Т. 2. Кн. 4. С. 19.

⁶⁷ Пирогов Н.И. Указ. соч. С. 86.

⁶⁸ Там же. С. 129.

начальницы Крестовоздвиженской общины, когда закончился год ее службы. Вообще поступавшие в общину сестры милосердия давали обет на один год, после чего могли оставить ее.

Сразу после отъезда прежней сестры-начальницы, 23 октября Н.И. Пирогов представил сестрам милосердия Е.А. Хитрово как новую сестру-настоятельницу общины (именно так стала именоваться ее должность). Е.М. Бакунина в своих «Воспоминаниях» подробно остановилась на этом событии: *«В воскресенье, в доме, где жили сестры, был молебен, с водосвятием, и после молебна Николай Иванович представил нам Екатерину Александровну Хитрово, как старейшую сестру, заменяющую начальницу, причем сказал, что все важные дела должны решаться сестрой-начальницей, с старшими сестрами, им самим и священником. Он надеется, что все пойдет хорошо, что и сестры поймут святую обязанность, которую взяли на себя»*⁶⁹. Е.М. Бакунина не преминула отметить, как незамедлительно отреагировала Е.А. Хитрово на слова Н.И. Пирогова. Екатерина Александровна перебила его речь, «заметив, что она только временно будет управлять в нашей общине, а затем вернется в Одесскую»⁶⁹. В подтверждение этого Е.А. Хитрово продолжала носить платье и крест Одесской общины.

Окончательному решению возглавить Крестовоздвиженскую общину предшествовали долгие мучительные сомнения: Елена Александровна искренне надеялась, что «может быть комитет мой сжалится надо мной и велит мне возвратиться. А хотелось бы мне этого от всей моей души». 2 ноября 1855 г. она дала согласие на временное управление Крестовоздвиженской сестринской общиной, а вскоре состоялась церемония принесения присяги. Духовник общины о. Арсений Лебединцев подтвердил, что в Симферополе «20 числа [ноября 1855] г-жа Хитрово вступила в должность сестры-настоятельницы Общины, мною приведена к присяге и мною же возложен на неё крест общины»⁷⁰.

В ее поступке — явное проявление смирения перед сложившимися обстоятельствами. Но, согласившись в одном, она оставалась твердой в другом: она не хотела называться *начальницей*, а удержала за собою имя *настоятельницы*, а также — непоколебимо выразила уверенность в том, что она — Екатерина Александровна Хитрово — будет временно управлять общиной. Она не могла не остаться верной своей первой присяге.

Эта преемственность ее деятельности была очевидна современникам. *«Деяния ее в Симферополе до 20 ноября, — согласно письму П.А. Дьяконова, — составляли продолжение тех же неусыпных действий, которыми она удивляла всех на Бельбеке и в Бахчисарае»*. Также, по мнению протоиерея А.Г. Лебединцева, *«в Симферополе она не только надзирала за действиями сестер, но и сама постепенно входила и, можно сказать, невольно вводилась в труд их служения, сродняясь вместе с ними самими ...Только крест, принятый ею прежде в Одессе, и скорбь о продолжительной разлуке с любимой обителью милосердия удерживали истинно — сердобольную от принятия Креста другого, подобного»*⁷¹. Приведем и суждения хирурга Н.И. Пирогова, также хорошо знавшего все обстоятельства тех дней. *«Крестовоздвиженская община, находящаяся в середине самого театра войны, разделенная на отряды, составленные из сестер еще не приготовленных жить общиною, требует настоятельницы, зрелой духом и опытом. В целой России едва ли найдется другая Екатерина Александровна Хитрово, поэтому на нее пал выбор высокой покровительницы Крестовоздвиженских сестер, и именно в то самое время, когда обстоятельства требуют различных нововведений, касающихся направления общины, и когда события указали на необходимость многих изменений для блага страждущих и самого учреждения, лучшего выбора нельзя было придумать. Е.А. Хитрово, одаренная от природы всеми свойствами души, необходимыми для сестры-настоятельницы, приобрела труднопокупаемую опытность пребыванием своим при одном из самых замечательных благотворительных учреждений нашего Отечества. Все эти условия делают присутствие почтенной настоятельницы при Крестовоздвиженской общине в настоящее время совершенно необходимым; от него зависит не только настоящее, но и будущее общины»*.

Встав во главе Крестовоздвиженской общины, Е.А. Хитрово, будучи человеком долга, должна была сразу же начала делать все от нее зависящее, чтобы поставить эту общину на «высокую ступень». Военный врач П.А. Дьяконов отмечает, что *«со следующего уже дня можно было заметить, что сестры все были не те, как были прежде под влиянием другой силы. Сестры наперерыв*

⁶⁹ Бакунина Е.М. Указ. соч. С. 519.

⁷⁰ Письма протоиерея Арсения Лебединцева к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому. Киев, 1896. С. 171.

⁷¹ Там же. С. 355.

одна перед другой старались отличиться своим усердием в попечении о раненых и больных. Всякое приветствие Екатерины Александровны за труды считалось высокою наградою. Таким образом, единодушные между сестрами и рвение к службе росло все более и более, не по годам, а по дням и часам. Екатерина Александровна не нуждалась в выговорах: достаточно было ей оказать некоторую холодность...». Действительно, только ее холодность и считалась главным порицанием за тот или иной поступок, несовместимый со званием сестер милосердия. В этом-то и была высота нравственного воспитания сестер милосердия – за короткий промежуток времени достигнутая сестрой-настоятельницей Е.А. Хитрово. Таким образом, складывалась нужная для нравственного роста сестер общинная атмосфера: не выговоры и не отчитывания становились определяющим в воспитании молодых сестер милосердия, а сила собственного примера в ежедневной и ежечасной труженической подвижнической деятельности.

Е.А. Хитрово постоянно тревожило положение дел в госпиталях, в которых она еще не успела побывать. Она намеревалась увидеть Перекопский, Екатеринославский, Николаевский и Херсонский отряды, где работали сестры милосердия вверенной ей общины. Не щадя себя, ежедневно напряженно трудясь, она все же находила время писать письма людям, ставшим ей близкими. Когда ее упрекали в этом, она отвечала: «Я не могу ничего делать в половину, а деятельность, суэта – вошли уже в потребность моей нервной натуры: мои хлопоты мне не только не в тягость, а составляют отраду в жизни – это моя жизнь». Ее письма помогают понять ее внутренний мир, то, чем жила ее душа. Ей было «весело интересоваться молодыми и умными существами» и, по ее же признанию, «раз полюбив, она уже не могла разлюбить»⁷². Она писала письма сестрам, поддерживая многих из них в их повседневных трудах. Не забывала она и о своих родных сестрах в Одессе, часто писала им, особенно когда неприятель собирался напасть на Одессу. «Вы в случае несчастья не останетесь в руках неприятельских. Признаюсь вам, – пишет Е.А. Хитрово, что приготовленный вами белый флаг лежал у меня камнем на сердце». По-видимому, ее слова были ответом на возникшую среди сестер тревогу о судьбе города и собственной судьбе. Но белый флаг не был выходом из положения, считала она.

Такое же положительное нравственное воздействие оказывала Е.А. Хитрово и на Крестовоздвиженских сестер. Несмотря на окончание годового срока их служения, многие из них пожелали остаться, хотя до ее приезда почти все они намеревались уехать домой, как это следует из последнего – предсмертного – письма Е.А. Хитрово от 12 января 1856 г. к попечителю Одесской богадельни сестер милосердия кн. Е.Г. Гагарину. В этом письме есть важное, на наш взгляд, наблюдение Екатерины Александровны о том, что «в этой массе сестер есть такие, которые чудесно следуют внушениям, мною делаемым. Иные подготовлены мною впоследствии хорошими старшими». Внушение строилось не только на словах, но и на делах, поступках, повседневности, которую она целиком разделяла с сестрами. «В сестрах дух удивительно возвысился. Теперь самое почетное дежурство – на кухне, – писала 12 января 1856 г. Е.А. Хитрово попечителю Одесской богадельни сестер милосердия. – Всякий день отряжаются две. Ночью идут по грязной тропе под дерево, где устроены весы (не без труда добытые); при них говядина взвешивается, моется, разрубливается, варится и потом делится на порции и, таким образом, готовится на 1800 человек». Сама она трудится обычной сестрой милосердия: «Я на свою ответственность взяла 50 человек, с позиции привезенных, с отмороженными ногами. Ужас! Больных тысяч 12. Вы видите, что моя жизнь довольно занята». Очевидец вспоминал, что «перевязке больных с отмороженными ногами она посвящала каждый день известные часы. Этих достойных сугубого страдания страдальцев, кои в здании губернского правления (здании занятом под госпиталь) составляли особую, большую палату, Е.А. называла их «своими» и, если желала от дежурной сестры что-либо знать о них, то обыкновенно спрашивала: «А что мои мороженные?». Взяв под свою опеку особую группу пострадавших воинов, она ежедневно испытывала серьезную физическую и моральную нагрузку, но продолжала быть высоким образцом для всех сестер, что сказывалось на неповторимой, создаваемой только ею, высокой нравственно-этической атмосфере в общине.

Ей хотелось наладить дело таким образом, чтобы сестры милосердия выполняли устав общины, чтобы они правильно воспринимали свой труд, чувствовали нравственную ответственность за совершаемое ими дело, чтобы не пугались подчас тяжелого и грязного, но очень важного и необходимого для их подопечных страдальцев сестринского

⁷² Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 2. С. 121.

труда. Она мечтала, установив правила принятия новых сестер милосердия, восполнить потери в общине добрыми сестрами.

Но эти желания не смогли полностью осуществиться. Подвижническая деятельность Е.А. Хитрово приобретала все большую напряженность. Все перечисленные обстоятельства сыграли, по-видимому, не последнюю роль в том, что заболев 20 января «тифозной горячкой» (которой переболели многие из сестер милосердия), она не смогла ей противостоять и, оплакиваемая сестрами, тихо скончалась 2 (14) февраля 1856 г. в Симферополе, где и была временно погребена. Исполняя ее последнюю волю, тело сердобольной сестры Е.А. Хитрово, сопровождаемое сестрами милосердия Крестовоздвиженской общины, было перевезено в Одессу и предано земле на кладбище Воскресенской церкви, рядом с могилой ее наставника и единомышленника, попечителя Одесской богадельни сердобольных сестер А.С. Стурдзы.

После получения известия о кончине Е.А. Хитрово, высоко оценив ее редкие достоинства, великая княгиня Елена Павловна с прискорбием писала в рескрипте на имя попечителя Одесской богадельни сердобольных сестер Е.Г. Гагарина: «...Князь Евгений Григорьевич! С глубочайшей скорбью узнала я о кончине, постигшей в Крыму после тяжелой болезни многоуважаемую нами Е.А. Хитрово. Вам и комитету, где вы состоите председателем, известно, как много я была признательна за данное достойной покойной дозволение принять начальство над любезными сердцу моему сестрами Крестовоздвиженской общины. Вы легко можете понять, сколь велико мое сокрушение при мысли, что не только сестры Креста, но и сестры Одесской богадельни лишились ныне лучшей своей опоры в лице той, которую сам основатель сего богоугодного заведения приготовил к этому святому призванию и для которой дела человеколюбия сделались как бы второй жизнью. Одно лишь может служить утешением. Оставляя Одессу, Е.А. Хитрово принесла себя в жертву великому делу хождения за героями страдальцами, славными защитниками Крыма, проливавшими кровь свою за дорогое наше Отечество».

Горестная весть заставила великую княгиню написать следующие слова: «Чрез несколько дней не стало уже той, которая постоянно словом

и делом подавала пример, как исполнять обет милосердного служения и водворив, чрез сочетание любви и твердости, необходимое начальнице, мир и согласие в общине — соединила в одно стройное целое разносторонние части оной». Обращаясь к крестовоздвиженским сестрам, великая княгиня выразила надежду на то, что скорби по ушедшей сердобольной сестре Е.А. Хитрово «родят в вас пример и горячее желание подражать столь достойной жизни, развить в себе благие предначатки... хранить тот дух единомыслия, любви и смирения, которого она представила столь живой пример. Имя ее вспомнит благодарное потомство и будет благословлять оное с именем того, кто был первым ее руководителем на пути христианского самоотвержения...»⁷³.

Позднее, пройдя большой жизненный путь, сестра милосердия Е.М. Бакунина отметила главное в облике Е.А. Хитрово: «Я знала много сестер милосердия. И только одна для меня олицетворяла этот идеал — Е.А. Хитрово»⁷⁴. В годовщину кончины подвижницы очевидец ее служения и духовный отец протоирей А.Г. Лебединцев отметил ее память следующими словами: «Немного обнимает времени последний подвиг Екатерины Александровны Хитрово на поприще милосердного служения раненым и больным воинам в Крыму, известный паче Богу и смиренной душе труженицы, чем высшему наблюдению очевидцев ее служения»⁷⁵.

Окончилась Крымская война. Наступило мирное время. В «Историческом очерке, посвященном пятидесятилетию Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе» было отмечено: «В 1857 году относительно сердобольных сестер Одесской богадельни, оказавших в минувшую кампанию редкое усердие в ухаживании за ранеными защитниками Отечества, вследствие представления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, генерал-адъютанта графа А.Г. Строганова и согласно заключению Императорского Человеколюбивого Общества состоялось Высочайшее повеление: представить сердобольным сестрам Одесской богадельни: Марии Решиковой, Надежде Кохановской и состоявшим на испытании для получения этого звания: Елизавете Яковлевой, Фекле Вигели, Анастасии Чаповой, Анастасии Ведриной и Анне Ковальной право на ношение учрежденной в память минувшей войны бронзовой медали на Андреевской ленте»⁷⁶.

⁷³ Пятидесятилетие Стурдзовской общины ... С. 11–12.

⁷⁴ Бакунина Е.М. Указ. соч. С. 519.

⁷⁵ Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские епархиальные ведомости. 1864. № 5. С. 281.

⁷⁶ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 34.

После окончания Крымской войны в Одесской богадельне ссрдобольных сестер произошли изменения. Больница, предназначавшаяся первоначально для одних женщин, стала принимать и мальчиков не старше 12 лет, а с 1856 г. в ней было открыто мужское отделение. Определенную роль в становлении и развитии богадельни сыграла княгиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова (урожденная графиня Браницкая), бывшая ее первой попечительницей с 1857 по 1876 г. После смерти своего супруга светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова, выдающегося государственного деятеля и полководца, в 1856 г. кн. Е.К. Воронцова жертвует в пользу Одесской богадельни 10 тыс. руб. и сама становится сестрой милосердия. Как ссрдобольная сестра она дежурит в больнице, помогает при оперативных вмешательствах. В это же время она передает только официально в бюджет богадельни около 140 тыс. руб., не считая втайне совершаемых пожертвований. Е.К. Воронцова, отдавая себе отчет о том, что труд сестер был довольно тяжел, предприняла необходимые шаги для улучшения условий жизни сестер. Вот почему число ссрдобольных сестер в 1860-е годы начинает постепенно расти.

В 1858 г. действительный статский советник камергер Челищев, обозревавший по поручению Совета Императорского Человеколюбивого Общества богадельню, констатировал, что сестры, посвятив себя на служение к страждущим, исполняют эту обязанность с примерным усердием, за что они удостоились благодарности Совета⁷⁷.

«Отчет комитета Одесской богадельни ссрдобольных сестер за 1858 год» свидетельствовал, что «благодаря щедротам императрицы Марии Александровны и содействию одной благотворительной особы, в последнее время постоянно благотельствовавшей заведению, богадельня ссрдобольных сестер в последнее трехлетие приобрела значительные успешные средства, которые не только обеспечивали ее существование, но и давали ей возможность расширить круг своих действий». Далее в «Отчете» говорилось: «В минувшем 1858 году в заведении призревало 198 больных обоего пола, большею частью безмездно, так как главный медик заведения господин Даллас принял за правило при приеме больных давать преимущество тем, которые по бедности лишены возможности получить медицинскую по-

мощь на свои средства»⁷⁸.

Ссрдобольные сестры по приглашению городских жителей продолжали ухаживать за страждущими в частных домах. «Три опытейших ссрдобольных сестры Мария Решикова, Анастасия Ведрина и Неонила Германова отбывали череду свою в девяти семействах, употребив на ухаживание за внешними больными 102 суток». Одесская богадельня продолжала подавать врачебные пособия больным, приходившим пользоваться советами главного медика богадельни. Если помощь медицины оказывалась бессильной, от сестер требовалось «подавать облегчение умирающему тем, поддерживая и руководя отлетающую душу»⁷⁹. В этих строках «Отчета» за 1858 г. мы слышим отзвуки положений «Наставлений ссрдобольным сестрам».

19 сентября 1859 г. вышел в свет указ императора Александра II: «О том, чтобы Одесскую богадельню ссрдобольных сестер именовать: *Одесская тайного советника Стурдзы “Богадельня Ссрдобольных сестер”*»⁸⁰, в повседневном бытовании «*Одесская Стурдзовская богадельня ссрдобольных сестер*»⁸¹. 29 сентября 1859 г. богадельню посетил император Александр II, который остался доволен найденным им в ней порядком. В память своего посещения он основал еще одну больничную кровать, на что им было пожертвовано 1200 руб.

Финансовое положение богадельни в определенной степени зависело от добровольных пожертвований. Так, в 1857 г. в кассу богадельни поступило 10 000 руб. Деньги эти были пожертвованы лицом, пожелавшим остаться неизвестным. В 1858 г. императрица Мария Александровна назначила общине ежегодную выплату из собственной кассы в 3000 руб. Это пособие продолжало выплачиваться до 1 января 1865 г., когда накопления богадельни, благодаря щедрым пожертвованиям благотворителей, достигли вполне достаточных размеров. В 1865 г. императрица приказала отпустить единовременно 3000 руб. для учреждения в богадельне постоянной кровати, преимущественно для раненых воинов. В целом подобное финансовое вспоможение позволяло решить вопрос о расширении здания богаделенной больницы, учитывая и пожертвования других членов императорской семьи. Так, императрица Мария Федоровна пожертвовала в течение 9 лет (с 1853 по 1861 г.)

⁷⁷ Там же. С. 35.

⁷⁸ Отчет комитета... за 1858 год. Одесса, 1859. С. 4–5.

⁷⁹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины...; Отчет комитета... за 1858 год.

⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). № 34906. 19 сентября 1859 г.

⁸¹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 34.

на годовое содержание двух кроватей по 144 руб. в год, а великая княгиня Мария Николаевна, посетив в 1852 г. богадельню, основала в ней одну больничную кровать, в память покойного герцога Лейхтенбергского. Позднее еще одна благотворительница пожертвовала в пользу Одесской богадельни недвижимую собственность, заключающуюся в домах, приносящих «ежегодный доход»⁸². Тем не менее именно великая княгиня Елена Павловна — высокая покровительница общины с самого ее основания, была в числе первых жертвователей и основателей общества, и она же учредила первую в больнице кровать, пожаловав для этой цели 1200 руб.⁸³ Таким образом, в короткое время упрочилось положение богадельни.

В 1860 г. вышел закон, дающий право всем трудящимся в рамках Императорского Человеколюбивого Общества считаться государственными служащими⁸⁴. Здесь стоит сказать в целом о существовании многих проблем, накопившихся в сестринском деле, и одной из самых серьезных была текучесть кадров. Нередко желающие выполнять обязанности сестры милосердия даже не представляли себе, какие трудности их ожидают. Вот почему появился закон, защищающий их права более серьезно, а на местах обратились к практике «испытательного срока», характерной для монастырей.

В Одесской богадельне существовала потребность в новых лицах, поскольку нагрузка на сестер постоянно увеличивалась, а число их уменьшалось. Не все выдерживали быстро растающие нагрузки, некоторые покидали место своей работы. Эти сложности заставили попечителя Одесской богадельни и ее врачей изменить весь строй подготовки сердобольных сестер. 1 марта 1860 г. увидел свет документ «Об учреждении должности Помощника Попечителя Одесской Стурдзовской Богадельни Сердобольных Сестер», что, несомненно, повлияло на оздоровление обстановки в Одесской богадельне. Должность помощника попечителя в соответствии с табелью о рангах была соотнесена с VI классом, а по мундиру отнесена к VI разряду⁸⁵. Также устанавливался испытательный срок — один год, после которого, в случае успеха, новые лица получали возможность стать кандидатками на

звание сестры милосердия. И лишь на следующем этапе, после принятия обета и принесения присяги, на новую сестру в богадельной церкви торжественно возлагался золотой крест, и она становилась сестрой милосердия. Только те, кто, подверг себя «предварительному испытанию и оказавшиеся, по их собственному мнению и убеждению комитета, способными нести и далее трудные обязанности сестер милосердия должны были согласно уставу произнести обет бескорыстного служения при торжественном возложении на них золотого нагрудного креста в богаделенной церкви».

Путь от испытания до крестоношения со временем еще более усложнился. В богадельне имелось несколько категорий лиц: *испытываемые, помощницы сестер, сестры без креста, сестры с крестом* (по мере возрастания). К тому же «испытанная» сестра приводилась к присяге не по решению комитета (главным образом, попечителя), как раньше, а с письменного благословения местного епископа и священника общины. Производимые изменения несомненно говорили в пользу возрастания значения духовно-нравственного воспитания.

В 1863 г. при богадельне было открыто небольшое отделение для принятия и воспитания малолетних девиц бедных родителей, отчасти с целью подготовки из них будущих сестер милосердия⁸⁶. Поле деятельности сердобольных сестер, тем самым, было еще более расширено. Приют действовал с 1863 по 1877 г.⁸⁷

К сожалению, на этом пути были и человеческие потери. С 1864 г. сестер стали посылать в городскую больницу для ухода за больными. Здесь нельзя не упомянуть о молодой испытываемой сестре Анне Зеленок, выросшей в стенах заведения, которая в 1866 г., по усиленным ее просьбам, была послана в холерное отделение городской больницы во время сильнейшего развития эпидемии, где самоотверженно трудилась, заразилась холерой и умерла⁸⁸.

В 1860-е годы число сердобольных сестер начинает постепенно увеличиваться. Попечительница Е.К. Воронцова сделала все от нее зависящее, чтобы улучшить содержание сердобольных сестер.

Со смертью надзирательницы богадельни Е.Я. Яковлевой в 1861 г. эту должность заняла

⁸² Отчет комитета ... за 1864 год. Одесса, 1865. С. 9.

⁸³ Херсонские епархиальные ведомости. 1874. № 4. С. 111–112

⁸⁴ О даровании права государственной службы лицам состава комитета для управления Одесской богадельней сердобольных сестер // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 3. Прил. к №33757. С. 390–392.

⁸⁵ ПСЗРИ. № 35501. 1 марта 1860. С. 163.

⁸⁶ Херсонские епархиальные ведомости. 1874. № 4. С. 109.

⁸⁷ Отчет о деятельности Одесской Стурдзовской богадельни сестер сердобольных за 1877 г. Одесса, 1878. С. 6.

⁸⁸ Отчет комитета... за 1864 г. Одесса, 1865. С. 9.

графиня Варвара Григорьевна Шуазель-Гуфье, которая в 1864 г., после принесения обета и принятия креста, становится сестрой и утверждается правящим архиереем в звании настоятельницы богадельни сестер⁸⁹. Срок ее настоятельства продолжается десять лет (1861–1871)⁹⁰. При ней была построена отдельно стоящая Скорбященская церковь (освящена в 1869 г.).

Улучшаются и медицинские возможности общины. 10 апреля 1862 г. выходит в свет закон «Об учреждении должности консультанта и оператора при Одесской Стурдзовской богадельне сестер»⁹¹. С финансовой стороны амбулатория поддерживалась Городской Думой и лично городским головой Г.Г. Маразли. В это же время были открыты родовспомогательная и хирургическая палаты, что стало возможным благодаря перестройке зданий заведения. Инспектирующий общину помощник главного попечителя Императорского Человеколюбивого Общества сенатор В.И. Маркевич с удовлетворением отметил, что Одесская община «в цветущем и благоустроенном состоянии, является одним из выдающихся благотворительных учреждений Общества». В пользу богадельни продолжали поступать добровольные богоугодные пожертвования, продолжалась финансовая поддержка и со стороны городского самоуправления.

Как свидетельствуют ежегодные отчеты Одесской общины сестер, ее Комитет дальновидно стремился преумножать финансовые средства, вкладывая их в процентные бумаги, приобретая доходные дома и даже торговые лавки, сдаваемые в наем. Определенную часть финансовых доходов для Одесской богадельни доставляла богаделенная аптека. Благодаря разнообразию, качеству и дешевизне производимых этой аптекой лекарственных средств, она пользовалась популярностью среди горожан. Часть кроватей в отдельных небольших палатах для состоятельных больных была платной и тоже приносила определенные дивиденды. Значимую долю доходов общины составляли средства, которые зарабатывали сестры в частных домах. Такое

рациональное ведение дел, в сочетании с многолетним профессиональным трудом на благо страждущих, превратило общину в постоянно развивающееся медицинское учреждение, стоящее на твердом финансовом основании. На достойное материальное обеспечение Общины повлияло и то, что в это время расширяется платная сестринская деятельность в богатых частных домах, городской больнице, в приюте для престарелых в Анкермане, приносящая определенные доходы.

Не забываются в этих финансовых хлопотах и малоимущие пациенты. Общинный врач Даллас отметил это в воспоминаниях за 1867 г.: «Публика с каждым годом более и более начинает ценить наших сестер за их истинно христианское милосердие, с которым они пекутся о вверенных им больных, как в частных домах, так и в городской больнице. Круг деятельности их постепенно расширяется. Таким образом, несколько благотворительных дам, желая основать приют для призрения 12 беспомощных старух, наняли помещения для них в соседстве с богадель-

Сестры Крестовоздвиженской общины накануне отправки на фронт

ней, в одном из принадлежащих ей домов, для того, чтобы сестры наши могли иметь о них постоянное попечение. Кроме того, “бедные” ближайших к богадельне кварталов ежедневно обращаются за медицинским пособием к нашей сестре – аптекарше, имеющей редкое достоинство останавливаться в своих предписаниях на простых и полезных лекарствах. Там, где, по скромности своей, она видит, что степень

⁸⁹ Там же. С. 9, 11.

⁹⁰ Варвара Григорьевна де Шуазель-Гуфье (урожд. кн. Голицына, 1802–1873), вдова адъютанта светлейшего князя М.С. Воронцова.

⁹¹ ПСЗРИ. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38152. С. 314 (от 10 апреля 1862 г.).

болезни превосходит ее познания, в таких случаях она обращается к нашему содействию и мы не можем не удивляться способностям и умению ее быть полезной больным»⁹².

В 1868 г. недостаточное число сестер в общине уже явно не соответствует запросам населения Одессы. Их непрерывно приглашают в частные дома для ухода за тяжелыми больными. Показательны следующие цифры востребованности жителями Одессы труда сердобольных сестер. В 1869 г. страждущим в частных домах было посвящено уже более 2000 суток, и хотя число сестер выросло до 35, их недостаточно, и заведующая общиной вынуждена часто отказывать нуждающимся. Кроме того, с 1869 г. восемь сердобольных сестер, сменяя друг друга круглый год, были заняты уходом за больными в *Анкерманском приюте для призрения больных*, а впоследствии, по ходатайству жителей, в Анкерман для управления приютом была отпущена из богадельни сердобольная сестра Татьяна Игнатьевна Голикова⁹³.

В 1870 г. число дней, посвященных сестрами уходу за больными в частных домах, возросло до трех тысяч. Сестер не хватало. О мизерности прибавления новых лиц свидетельствует один факт: в течение 1874 г. в Одесскую богадельню прибыли только четыре послушницы, а всего их было в этом году девять человек. «Впрочем, — пишет доктор Даллас, — деятельность сестер находит справедливую оценку в обществе, ибо, несмотря на ограниченность их числа, на слабое вознаграждение, получаемое заведением за их разумный и человеколюбивый уход, за больными, несмотря на безвозмездные труды, посвящаемые бедным семействам, они доставили заведению в настоящем году сравнительно значительный доход»⁹⁴. За 25 лет существования общины сестры принесли богадельне своим трудом по уходу за больными в частных домах 19173 руб. дохода, употребив на это 25 564 суток⁹⁵. В 1874 г. у общины было 135 000 руб., капитала 107 750 руб., ее ежегодный доход составлял 15 000 руб. (в том числе от собственности 9000 руб.). У нее были пять домов, пожертвованных ей в 1860 и 1861 гг., и шесть лавок на старом базаре, оцененных в 46 000 руб. До того времени богадельня владела только зданиями, занятыми над ее помещениями, оцененными в 1860 г. в 44 700 руб. и капиталом в 20 000 руб., из которых 10 000 руб. были пожертвованы лицом, пожелав-

шим остаться неизвестным. Совет Императорского Человеколюбивого Общества отпускал с самого начала существования богадельни ежегодно сумму для содержания двух кроватей для больных. «Одесский комитет детских приютов» иногда отпускал необходимую сумму на содержание одной кровати.

В «Херсонских епархиальных ведомостях» за 1874 г. была опубликована знаковая статья под названием «Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер». В ней подводились итоги деятельности богадельни за четверть века. В статье вполне явственно было указано, что к этому времени созданное медицинское заведение рассматривалось современниками как *особенное* среди других лечебных заведений Одессы: «Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер не епархиальное учреждение. Но она заслуживает полнейшего внимания нашего по практическому применению, заповеди Спасителем мира о любви и милосердии ближнему. Для одних это учреждение может послужить образцом и примером для подражания в исполнении заповеди Христовой, других может само привлечь на служение страждущему ближнему, третьим оно может послужить теплым и благотворительным приютом в скорбные и тяжкие дни жизни»⁹⁶.

Общинной больницей с 1853 г. заведовал Д.К. Даллас. Многие известные врачи — Вагнер, Клебер, Гроховский и Склифосовский — оказывали постоянное содействие главному врачу больницы. Число лечащихся в больнице с каждым годом увеличивалось: в 1851 г. их было 114, в 1855 — 168, в 1859 — 200, в 1865 — 292, в 1870 — 258, в 1872 — 246. Кроме того, Одесская богадельня постоянно стремилась оказывать медицинскую помощь неимущим людям бесплатно.

Благодаря пожертвованиям доброхотов богадельня расширяла свою практическую деятельность и. благоустраивалась; в ее больнице учреждались *именные памятные кровати*. Тогда это была весьма распространенная форма благотворительности. Любой гражданин Российской империи мог внести определенную сумму денег (оговоренную в каждом лечебном учреждении) на кровать в память близкого ему человека. «Именная памятная кровать» существовала только на проценты от этой добровольно пожертвованной

⁹² Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 36–37.

⁹³ Там же. С. 17.

⁹⁴ Отчет комитета... за 1874 год. Одесса, 1875. С. 38.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Херсонские епархиальные ведомости. 1874. № 4. С. 108.

суммы, положенной в надежный банк по заранее сделанным расчетам (в разных больничных учреждениях это были разные суммы). Определенной денежной суммы было достаточно, чтобы обеспечить содержание больного, бесплатно проводившего лечение на именной памятной кровати, над которой, как правило, висела табличка с именем благотворителя. При стабильной политической обстановке и надежных банках этот механизм постепенно мог бы сформировать для граждан Российской империи гарантированную бесплатную и доступную систему медицинской помощи⁹⁷.

К 1874 г. в общинной больнице имелось около 30 именных памятных кроватей; в числе их учредителей мы встречаем имена великой княгини Е.К. Воронцовой, княгини М.А. Гагариной, Г.Р. Маразли, Рузи, Мавро, графа А.Г. Строганова, В. Скаржинского, графини М.Б. Строновой, Севатопуло, Кефала, Криворотова, Картавцева, Вассал, Кортацци, Фролова-Багреева, Концевича, Тархова, Шахтигер, Дьяковского и др.

В составе служащих при богадельне в 1870-х годах произошли перемены: место попечительницы богадельни — кн. Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой — заняла кн. М.А. Гагарина (урожд. Стурдза — дочь основателя богадельни)⁹⁸, которая была попечительницей в 1876–1890 гг.

Войны, которые приходилось вести России в этот период, в значительной степени повлияли на активность и развитие сестринского дела. Востребованность в сестрах милосердия в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была чрезвычайно высокой. В больнице общины была создана хирургическая палата на шесть кроватей. Шестнадцать сестер было отправлено в распоряжение Российского Общества Красного Креста, десять из них призваны в Одесский карантинный лазарет для ухода за ранеными. Несколько сестер находились временно при военном госпитале, устроенном при Одесском юнкерском училище, а три сестры в течение месяца пробыли при лазарете в Тата-Букаре. Оставшимся в богадельне приходилось справляться с возрастающей нагрузкой. Но они «еще с большим усердием и терпением несли свои обязанности при больнице заведения», продолжая уделять при этом немногие свободные часы для ухода за больными и в частных домах.

За деятельное участие в уходе за больными и ранеными воинами сестрам Крыжановской, Прохоровой, Силиной 1-ой, Силиной 2-ой, Шамрасиковой, Матвеевой, Щербаковой, Тихмановской, Компаненко, Елецкой, Савчуковой, Тимошенко и Даниловой с 1879 г. было предоставлено право ношения учрежденной в память минувшей войны темно-бронзовой медали⁹⁹.

В начале 1880-х годов происходило расширение больничных функций общины: были открыты родовспомогательное и хирургическое отделения, оборудована операционная (на личные средства оператора Фрикера)¹⁰⁰. В конце 1880 г. при богадельне была открыта «бесплатная лечебница для приходящих больных», в которой ощущалась необходимость ввиду отсутствия в прилегающей к богадельне местности какого бы то ни было лечебного заведения. Эта лечебница содержалась на средства богадельни; когда же число приходящих больных стало значительным — до 100 человек в день (причем бесплатно выдавались лекарства и перевязочные материалы), средства богадельни настолько истощились, что Комитет в апреле 1889 г. был вынужден ее закрыть. Но уже через 2 месяца лечебница была открыта, так как Одесский Городской Голова г-н Маразли сообщил Комитету, что на содержание лечебницы он будет жертвовать ежемесячно по 100 руб.

Опыт работы этой лечебницы показал, насколько это учреждение полезно и соответствует действительной в ней потребности больных бедняков. В течение первого же года работы число посещений больными этой лечебницы достигло 9 тысяч; при этом было выдано пять с половиной тысяч рецептов для получения бесплатных лекарств. В больнице богадельни призревало в течение года 30–40 больных женщин преимущественно бедных классов, а потому большая часть из них пользовалась лечением, приютом и пищей безвозмездно. В ноябре 1889 г. Одесская Городская дума настояла выдавать богадельне на содержание лечебницы в неделю субсидию в размере 3600 руб., и лечебница начала функционировать на прежнем основании ежедневно.

«Отчет комитета Одесской богадельни сестер милосердия за 1884 год» свидетельствовал: «Исполняя неустанно свой долг при больнице заведения, сестры нашей общины в истекшем году,

⁹⁷ См. подробнее: Блохина Н.Н. Забытые отечественные традиции в области организации российского здравоохранения // Развитие системы обеспечения качества медицинской помощи в современных условиях и проблемы оптимизации структуры здравоохранения: Материалы шестой научно-практической конф. 24–25 апреля 2001 г. М., 2001. Ч. 2. С. 23–25.

⁹⁸ Отчет комитета... за 1877 год. Одесса, 1878. С. 4.

⁹⁹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 39.

¹⁰⁰ Отчет комитета... за 1881 год. Одесса, 1880. С. 4.

кроме того, употребили более 2 тысяч суток на уход за больными в частных домах»¹⁰¹.

В 1884 г. в структуре «Одесской богадельни сердобольных сестер» появилась небольшая детская больница на 15 мест, названная «Памяти совершеннолетия 6 мая 1884 г. Государя Наследника Цесаревича»¹⁰². На устройство этой больницы и обзаведение ее было израсходовано свыше 10 000 руб., пожертвованных различными благотворителями.

За малолетними пациентами, находящимися на излечении в детской больнице, сестры ухаживали с большой любовью. В этой связи важен отзыв врача, наблюдавшего, как трудились сестры: «терпение, любовь, доброта наших сестер делают то, что дети выходят из больнички лучшими, нежели поступили; были примеры перемены в характере и привычках детей просто поразительные: невозможно капризные дети, своенравные — делались кроткими. Дети в больничке живут как в семье, и, уходя из нее, плачут, как если бы уходили из родного дома. Этим нравственным влиянием на детей детская больничка обязана, разумеется, только сестрам»¹⁰³.

15 апреля 1880 г. скончалась кн. Е.К. Воронцова, которая явилась тем самым лицом, которому богадельня была обязана своим процветанием. За двадцатилетнее попечение она пожертвовала сюда свыше 120 000 рублей¹⁰⁴. Комитет богадельни так охарактеризовал ее заслуги: «Незабываемая покойная княгиня с нравственной стороны нашего истинного человеколюбивого учреждения, высказывая постоянное желание личным примером своим поощрять наших сестер в христианском деле ухода за страждущими: еще в 1856 году посетив Стурдзовскую богадельню она изъявила желание быть среди сестер сестрою Елизаветою, и с тех пор она нередко являлась в богадельню нашу и исполняла рядовые занятия сестер по уходу за больными, не упуская случая присутствовать при самых тяжелых операциях»¹⁰⁵.

Попечителями Одесской Стурдзовской сердобольных сестер» становятся внуки А.С. Стурдзы: князя Г.Е. Гагарин-Стурдза (1883–1889 гг.) и Ю.Е. Гагарин (1889–1904 гг.)¹⁰⁶.

Состав сестер к 1 января 1885 г. был следующим: исполняющая обязанности настоятельницы общины; сестер с крестом — 13; помощниц сестер — 19; испытуемых — 13; временно трудящихся — 4; всего 50 человек¹⁰⁷.

Комитет постоянно был озабочен улучшением условий повседневной жизни сердобольных сестер. В 1885 г. с этой целью при богадельне была учреждена денежная касса из специально жертвуемых для этого сумм, употребляемых для выдачи на экстренное лечение сестер и по другим надобностям. Заботясь о состарившихся и потерявших здесь здоровье, но не пожелавших перейти в разряд призреваемых в самой богадельне сестрах, для них учредили «пенсионный капитал».

Одесская богадельня находилась под постоянным вниманием иерархов Русской Православной Церкви. Она всегда была в поле зрения главных попечителей Императорского Человеколюбивого общества, которыми традиционно являлись Санкт-Петербургские митрополиты. В письме митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора к сердобольной сестре В.Н. Зинченко от 9 августа 1890 г. дана высокая оценка ее труда, а также выражено желание митрополита оказать поддержку сердобольным сестрам в их тяжелом труде по уходу за больными.

Милостивая Государыня Варвара Николаевна!

До сведения моего доведено, что Вы показали редкий пример самоотвержения по уходу за г-жей Сабанской, страдавшей такой болезнью, которая по самому свойству своему внушала отвращение, оставаясь при больной в течение нескольких месяцев бесценно, ради того, что она привыкла к Вам и при Вашем умении ухаживать чувствовала облегчение, — при чем Вы забывали о сохранении собственного здоровья, несмотря на советы врачей и напоминания ближайшего Вашего начальства о замене Вас другой сестрой. Такой подвиг христианской любви Вашей к ближнему доставил мне сердечное удовольствие. И я молю Всевышнего, чтобы он укрепил силы Ваши и на будущее время к выполнению принятого Вами на себя обета на служение страждущим. Призывая на Вас благословение Божие, имею честь быть с истинным почтением и совершенной преданностью

¹⁰¹ Отчет комитета ... за 1882 год. Одесса, 1883. С. 3.

¹⁰² В 1913 г. эта больница переименована в «Детскую больницу при Стурдзовской Общине сестер сердоболia, в память совершеннолетия Императора Николая II».

¹⁰³ Там же. С. 40.

¹⁰⁴ Там же. С. 5.

¹⁰⁵ Там же. С. 6.

¹⁰⁶ Отчет о деятельности Одесской Стурдзовской общины сестер сердоболia за 1905 год. Одесса, 1906.

¹⁰⁷ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 43

*Вашим, Милостивая Государыня, покорным слугой и Богомольцем Исидор, Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский*¹⁰⁸.

Это замечательное письмо митрополита Исидора к рядовой сестре милосердия, отдававшей всю свою душу делу ухода за больными и всегда остававшейся на высоте своего призвания, — важный документ своего времени, позволяющий видеть не только то, как совершались добрые дела, но и как они поддерживались, каким вниманием окружались. В этой связи особая миссия была и у духовенства общины. Так, протоиерей Михаил Зиновьевич Марченко прослужил в богадельне 43 года, в 1913 г. он ушел на покой, но продолжал оставаться ее почетным членом.

К 1893 г. богадельня состояла из следующих учреждений: 1) общины сестер милосердия, число которых доходило до 60; 2) женской больницы с отделениями: родильным, гинекологическим, хирургическим, терапевтическим и глазным; 3) детской больницы; 4) лечебницы для приходящих больных с бесплатным отпуском лекарств и перевязочных средств¹⁰⁹.

По инициативе попечителя в общине было организовано чтение сестрам лекций по профессиональному уходу за больными. Врачи выразили готовность безвозмездно читать такие лекции. Весь курс был разделен на две части: для *испытываемых* и для *форменных* (после прослушивания всего курса и соответственных испытаний в приобретенных ими теоретических и практических познаниях)¹¹⁰. Крестовые сестры по-прежнему, как и в 1850 г., приносили присягу с обрядом, проходящим в церкви¹¹¹.

В 1897 г. по инициативе помощника попечителя Н.И. Моисеева и начальницы общины Л.Г. Рейнгольд при общине была организована школа для сестер милосердия. Лекции в ней читались специалистами по следующим дисциплинам: те-

рапевтические болезни, общая патология (Е.Н. Белый); акушерство (А.Б. Трепеецкий); приготовление материалов и предметов для перевязок и операций (Н.А. Кукуверов); хирургия (К.С. Горский); массаж (В.Г. Ткаченко); анатомия и физиология (Ф.К. Телятьев); гинекология (И. И. Юрвич); врачебная гигиена и диететика (С.Е. Попов);

Здание богадельни

рапевтические болезни: частная патология и уход за больными (П.В. Любомудров); фармакология: рецептура, случаи отравления лекарственными веществами (проф. А.Н. Поповский); Закон Божий (прот. М.З. Марченко)¹¹².

Труд сестер вследствие расширения деятельности Одесской Стурдзовской общины сестер милосердия значительно усложнился. Материалы «Юбилейного сборника», показывают, что помимо дежурств и приема больных, им «приходится, — исполнять многие чисто *фельдшерские обязанности*, присутствовать и помогать врачам при операциях, производимых амбулаторным больным, делать перевязки этим больным; следить за справным содержанием инструментов и приготовлением перевязочных материалов и выполнять многие другие обязанности»¹¹³.

¹⁰⁸ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 40–41; Отчет о деятельности Одесской Стурдзовской богадельни сестер милосердия за 1893 г. Приложение. Одесса, 1894. С. 2.

¹⁰⁹ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 39.

¹¹⁰ Отчет комитета... за 1905 год. Одесса, 1906. С. 6.

¹¹¹ Там же.

¹¹² В 1913 г. в Общине продолжала действовать двухгодичная школа сестер милосердия. Сестры слушали лекции по следующим предметам: Закон Божий, общеобразовательные предметы, инфекционные болезни, анатомия и физиология, гинекология и акушерство, хирургия, фармакология и латынь. Организуя курсы, община время от времени сталкивалась с определенными финансовыми трудностями. И, хотя в книге «Пятидесятилетие Стурдзовской общины...» указано, что профессиональное образование, получаемое сестрами, приравнивалось к фельдшерскому, надо указать, что фельдшерское образование в то время было более продолжительным — 4-летним.

¹¹³ Пятидесятилетие Стурдзовской общины... С. 41–42.

Действительно, сердобольные сестры становились незаменимыми помощниками врачей при оперативных вмешательствах и при перевязках. Знание всего того, что необходимо при оперативных вмешательствах, являлось важной составляющей подготовленных молодых сестер. В этой связи становилось вполне оправданным и преподавание сестрам такого предмета, как *приготовление материалов и предметов для перевязок и операций* (доктор Н.А. Куковеров). Организаторам учебного процесса необходимо было подготовить требуемых временем надежных помощников врачей – «сердобольных сестер», владеющих помимо этого необходимым объемом фельдшерских знаний.

К 1 января 1900 г. в общине состояло 62 сердобольных сестры под руководством начальницы общины: из них 33 сестры находились на постоянных должностях: при больнице общины, при церкви, при аптеке, амбулатории, операционной, столовой и при больничном и сестринском белье и одна экономка-хозяйка, 21 состояла постоянно в командировках для ухода за больными в частных домах, 8 находились на покое. Дежурства сердобольных сестер в городских домах у постели больных в течение года составляли 4740 дней. Таким образом, на каждую сестру приходилось 225–226 дней. Эти цифры наглядно показывают, насколько возросло доверие населения Одессы к общине. Горожане вполне ощутили пользу, приносимую сердобольными сестрами. За 50 лет деятельности Одесской богадельни сердобольные сестры вполне оправдали надежды, возлагавшиеся на них учредителями общины¹¹⁴.

Отметим, что 1900 г. был юбилейным для общины (50-летие со дня основания). В этот год она получает название «Одесской Стурдзовской Общины сердобольных сестер». Попечительница Одесской Касперовской Общины Российского Общества Красного Креста графиня Е.В. Капнист произнесла в этой связи речь перед сестрами общины: *«Близко стоя в течение многих лет к местному правлению Красного Креста и в частности к Касперовской Общине, я могла всесторонне ознакомиться с деятельностью Стурдзовской общины, с теми благотворительными результатами и с тем добром, которые Община оказывает*

*населению г. Одессы. Облегчая страдания больных, приходя на помощь неимущим, подвергшимся заболеваниям и воспитывая прекрасно подготовленных и серьезно относящихся к своим обязанностям сестер милосердия, Стурдзовская община проявляет свою гуманную деятельность среди самых разнообразных классов нашего общества, на поле брани, вдали от родных и близких. Больной или умирающий воин, в присутствии сестры, чувствует, что он не одинок: есть кому передать заветное слово, помочь или принять последний вздох умирающего за Отчизну. Сестры милосердия одним своим присутствием среди страждущих мимолетно произнесенным словом утешения, легким прикосновением и сочувствующей улыбкой облегчают страдания больного»*¹¹⁵.

Цифры сухой статистики были впечатляющи: «В 1900 году больница приняла 587, а лечебница 22 906 человек; аптекой отпущено лекарств по 21 051 рецепту»¹¹⁶. Незадолго до юбилея Одесской богадельни в ней был открыт Дом отдыха для престарелых сестер. Особо памятным событием стало окончание строительства и освящение в день храмового праздника Общины 24 октября 1901 г. нового полутораэтажного здания «новой лечебницы для приходящих больных», с новейшим оборудованием и комфортными условиями. Она предстала пред посещающими ее, по свидетельству современников, «светлая, удобная и вполне гигиеничная»¹¹⁷.

Это строительство стало возможным после проведения юбилейного благотворительного сбора пожертвований. Врачи бесплатно принимали больных на нескольких отделениях: терапевтическом, хирургическом, гинекологическом, горловом, ушном и детском. Замечательна оценка, данная графиней Капнист труду «сердобольных»: «Задачи сестер милосердия во многом гораздо выше врачей и фельдшеров; может ли помочь сестра или нет, но страждущие ободрены самоотверженной любовью женщин, которая в критическую минуту заменяет им все»¹¹⁸. То, о чем думал создатель общины в начале ее пути, то, что он предвидел, действительно становилось главным в жизни каждой из сердобольных сестер – любовь к больному человеку. Это получило свое воплощение уже не в одном поколении сестер.

¹¹⁴ Отчет комитета... за 1890 год. Одесса, 1891. С. 4–5.

¹¹⁵ Отчет комитета... за 1900 год. Одесса, 1901. С. 6.

¹¹⁶ Отчеты за ...1900 и 1901 годы. Одесса, 1901–1902.

¹¹⁷ Отчет комитета... за 1903 год. Одесса, 1904. С. 3.

¹¹⁸ Отчет комитета ... за 1900 год. Одесса, 1901. С. 6.

Преосвященный Иустин, архиепископ Херсонский и Одесский, в своем письме, написанном в связи с юбилеем, нашел сокровенные слова о труде сестер: *«попечение о больных, утешение скорбящих, нравственная поддержка духа немоществующих душою и телом — это высший христианский подвиг, требующий полного самоотвержения и беззаветной любви, достойный великого уважения и даже удивления. Это тяжелый крест, добровольно на себя налагаемый сестрами милосердия и носимый ими лишь при особенной помощи Великого Крестonosца — Господа Иисуса»*.

Еще до проведения юбилейных торжеств Комитету удалось осуществить серьезные улучшения в общине и больнице. Так, в 1896 г. вместо тесной ванной была устроена новая, просторная и светлая; 18 сестер в то время состояли постоянно в командировках для ухода за больным в частных домах, продежурив в течение года 4735 дней, что в среднем на каждую сестру составляло 259–260 дней¹¹⁹.

«Уставом Одесской Стурдзовской общины сестер милосердия» 1904 г. были уточнены цели и задачи Общины. Основополагающим в деятельности Общины становилась подготовка к практической деятельности сестер милосердия: § 1 свидетельствовал, что община «имеет целью приготовление сестер милосердия, для безвозмездного ухода за больными, из чувства христианского милосердия», а в § 2 указывалось: «При Общине состоит больница, учрежденная для практического обучения сестер милосердия...». Так, начатое еще в 1897 г. регулярное обучение сестер, приобретает через семь лет прочное основание.

В январе 1904 г. началась русско-японская война. В общине прошло специальное заседание, где было принято решение о помощи раненым войнам. 31 января 1905 г. на экстренном заседании совет Императорского Человеколюбивого Общества постановил поручить Комитету Одесской Стурдзовской общины сестер милосердия принять участие в попечении о тех жертвах русско-японской войны, которые будут доставлены в Одессу. В это же время император Николай II разрешил предоставить Обществу право открытия в аптеках, этому обществу принадлежавших, пяти

лечебниц (в том числе Одесской при Стурдзовской Общине сестер милосердия) и вольную продажу лекарств, с отпуском таковых для бедных, по рецептам врачей «рго рауреого», со скидкой от 30% до 40% или же совсем бесплатно¹²⁰.

Несколько сестер милосердия обратилась в Комитет с просьбой отправить их на войну. Помощь раненым русским войнам стала заветным желанием многих сестер, трудившихся в общине¹²¹. Но Комитет богадельни не имел необходимых средств для снаряжения отдельного самостоятельного отряда сестер милосердия, поэтому, сестра М.И. Галкина и помощница начальницы общины М.В. Гервер были временно прикомандированы к Санкт-Петербургской Георгиевской общине сестер милосердия Российского Общества Красного Креста и добросовестно трудились в госпитале Мукдена (Маньчжурия). После возвращения в родную обитель М.В. Гервер была награждена орденом святой Анны II степени, а М.И. Галкина — серебряной медалью. Лучшие врачи общины были призваны в действующую армию. Временно оставили больницу и выехали в действующую армию консультант-оператор общины К.С. Горский, ординатор терапевтической палаты П.В. Любомудров и врач-экстерны Н.А. Куковеров и Б.Н. Рейнгольд.

Следует напомнить, что в 1904–1914 гг. общинная сестринская школа в определенной степени финансировалась за счет личных средств попечителя общины Николая Ивановича Моисеева — камергера Высочайшего двора¹²². Ежегодный выпуск составлял 8–10 хорошо подготовленных сестер милосердия, большинство из которых покидали Общину, пополняя различные лечебные учреждения. В 1913 г. больница приняла 550 больных (более половины — бесплатно), а «лечебница для приходящих» — свыше 19 тыс. человек, исключительно безвозмездно; аптека отпустила бесплатно лекарственных средств по 19 000 рецептам.

Институт сестер милосердия получил свое развитие не только в Одессе, но, как удалось выяснить, в 1904 г. во время русско-японской войны при Обществе поощрения трудолюбия в Москве была открыта Школа для приготовления сестер милосердия для ухода за больными и ранеными войнами имени А.Н. Стрекаловой¹²³.

¹¹⁹ Отчет комитета ... за 1903 год. С. 9.

¹²⁰ Отчет комитета... за 1905 год. Одесса, 1906. С. 7.

¹²¹ Отчет комитета... за 1904 год. Одесса, 1905. С. 4.

¹²² Отчет комитета ...за 1915 г. Одесса, 1916.

¹²³ ЦГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 900. Л. 2.

В 1905 г. был разработан проект нового устава общины¹²⁴, который предписывал более строгий отбор для сестер, приносивших присягу. Заботы комитета были направлены на то, чтобы улучшить содержание стационарных больных. При скудных средствах комитет богадельни, тем не менее, нашел возможность открыть еще одну небольшую палату на 4–6 коек¹²⁵. Также решением комитета от 18 февраля 1904 г. было постановлено предоставить бесплатно в общине одну палату на 10 кроватей для нижних чинов, раненых воинов. Первыми ранеными в этой палате стали порт-артуровцы: *«Раненые, столь многое пережившие при обороне крепости Порт-Артур, нуждались в исключительном уходе, и община сделала все от нее зависящее для того, чтобы облегчить страдания героев, заставить их забыть перенесенные лишения и испытания. Уезжавшие домой солдаты не забывали того теплого радушия, с которым встретила их община, не забывали и хорошего ухода, которыми окружили их сестры в течение 7-8 месяцев, и еще долгое время писали со своих родных мест сестрам свои благодарные письма»*¹²⁶.

Во второй половине октября 1905 г. Одесса пережила тяжелые дни беспорядков, которые начали 19-го утром разгромом лавок и магазинов. 20 и 21 октября беспорядки продолжались, принимая постепенно все более и более жестокий характер, с многочисленными человеческими жертвами. Община смогла снарядить сестер «для подачи первоначальной помощи» и на местах беспорядков. Сестры общины поочередно — и днем и ночью — посещали «пункты беспорядков» и, изнемогая от физической усталости и нравственного потрясения, под градом пуль, среди безумствующей толпы оказывали необходимую медицинскую помощь, пренебрегая опасностью, с полным сознанием выполнения святого долга¹²⁷. Причем «не было отказано в приеме ни одному раненому, доставленному в общинную больницу. Всех больных было принято 26 человек, пользовавшихся в Общине бесплатно лечением и уходом в течение 2 месяцев, которые

выписывались по мере своего выздоровления»¹²⁸.

Таким образом, «Одесская община сердобольных сестер», курируемая Императорским Человеколюбивым Обществом, заняла свое незаменимое место в городском здравоохранении города. Новый устав был представлен своевременно на рассмотрение совета Императорского Человеколюбивого Общества и одобрен им¹²⁹.

К 1 января 1910 г. в Одесской Стурдзовской общине сердобольных сестер состояло 50 сестер; по сравнению с прошлыми годами их стало несколько меньше. Сложилось так, что в 1909 г., по разным домашним обстоятельствам, оставили службу в общине 6–7 «форменных» сердобольных сестер¹³⁰. Но сокращение штата опытных сердобольных сестер не должно было отразиться на уходе за находящимися в больнице больными, а потому уменьшено было число сестер, работавших в частных домах: если в 1908 г. в командировках в частных домах было 20 сестер, то в 1909 г. — 12¹³¹.

Начальство всегда стремилось (вследствие представления помощника главного попечителя Императорского Человеколюбивого Общества сенатора Леонида Иоакимовича Носова) отметить замечательную усердную службу сестер общины; высочайше были награждены сердобольные сестры П.А. Кочубей, В.И. Пономоревская, А.С. Тимошенко — малыми золотыми медалями, а сердобольная сестра М.В. Киструсская — малой серебряной медалью для ношения на груди на Аннинской ленте¹³².

В 1910 г. Одесской общине сердобольных сестер исполнилось 60 лет. Эта дата стала определенной вехой в истории этого заведения, о чем в документах общины было сказано следующее: «постепенный рост Общины, ее посильная благотворительная деятельность зиждутся на принципе безвозмездного труда, оберегаемом традициями 60 летней жизни учреждения, и поэтому Комитет приносит глубокую и искреннюю благодарность всем деятелям Общины, личным трудом и материальной поддержкой способствующим ее преуспеянию».

¹²⁴ В 1859–1894 гг. в документах встречалось название «Одесская Стурдзовская богадельня сердобольных сестер», с 1905 г. — Одесская Стурдзовская община сердобольных сестер.

¹²⁵ Отчет комитета... за 1905 год. Одесса, 1906. С. 7.

¹²⁶ Там же. С. 98.

¹²⁷ Отчет комитета... за 1904 год. Одесса, 1905. С. 10.

¹²⁸ Там же. С. 11.

¹²⁹ Там же. С. 12.

¹³⁰ Отчет комитета... за 1909 год. Одесса, 1910. С. 3.

¹³¹ Там же. С. 4.

¹³² Там же. С. 9.

В сентябре 1912 г. помощник Главного попечителя Императорского Человеколюбивого Общества сенатор Василий Иванович Маркевич предпринял поездку на юг, для обозрения подведомственных Обществу благотворительных учреждений¹³³. 10 октября Совету Императорского Человеколюбивого Общества было доложено о произведенном в сентябре осмотре Стурдзовской Общины сестер милосердия, «найденной в цветущем и благоустроенном состоянии» и, как отметил В.И. Маркевич, «являющейся одним из выдающихся благотворительных учреждений» Императорского Человеколюбивого Общества. В копии доклада, внесенного в журнал Совета Императорского Человеколюбивого Общества, 10 октября 1912 г. было сказано: «После обзора палат, которые были найдены в образцовом порядке и чистоте, был осмотрен доходный дом Общины и великолепный сад, в котором особенно отрадное впечатление произвел “Дом отдыха для престарелых сестер”, устроенный вполне комфортабельно и уютно; здесь находят себе покой и отдохновение после понесенных трудов 5 престарелых сестер». Совет «постановил выразить искреннейшую благодарность комитету Общины (во главе с попечителем оной М.И. Моисеевым) за их труды и заботы о благосостоянии учреждения, а также врачам и сестрам милосердия за их самоотверженное служение ближнему»¹³⁴.

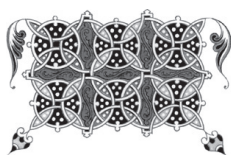
После начала Первой мировой войны Комитет общины первоначально принял решение передать все палаты (75 кроватей), которыми располагала община, под лазарет для раненых. Но в Одессе вскоре было открыто несколько военных лазаретов, и община решила сосредоточиться на оказании бесплатной помощи членам семей солдат и офицеров. Одна палата на 12 мест была отдана под лазарет (за 2 года войны было принято 122 человек), а несколько других — для членов семей воинов и ратников ополчения. В амбулаторной лечебнице сотни воинов и членов их семей получили также

бесплатное лечение и лекарства (5024 чел.). Обитель снабжала беднейших из них денежными и вещевыми пособиями, устроив для этой цели благотворительный сбор среди одесситов.

В это время Одесская Касперовская Община Красного Креста открыла медицинские курсы по ускоренной подготовке сестер милосердия, но что важно — обучаемые именно в Стурдзовской Общине проходили всю медицинскую практику и слушали лекции. Шесть сестер милосердия из самой обители были откомандированы в отряды Красного Креста¹³⁵.

На 1 января 1916 г. в Одесской общине служили 54 сестры милосердия («испытанные», «форменные» и «крестовые»). Ухаживающего персонала не хватало, поэтому в общину принимались те, которые выражали желание потрудиться безвозмездно в разряде «временно трудящихся». Крестовых сестер с каждым годом становилось все меньше. В начале XX в. они составляли только десятую часть общины.

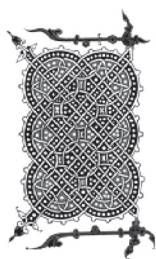
Известно, что после 1917 г., после революции и Гражданской войны в помещениях общины располагался госпиталь, а церковь была разорена и закрыта. Началась другая история, где общине сестер милосердия уже не было места, но то великое, что было ею сделано за несколько десятилетий существования, конечно, не могло бесследно уйти в прошлое. Одесская община была не отдельным, частным явлением; это был уникальный опыт организации благотворительности дореволюционной России в целом, тем более, что сама возможность плодотворного творческого развития сестринского дела, ухода за больными целиком зависела от сохранения традиционной православной системы ценностей, которая на протяжении тысячелетия исторического бытия России являлась непоколебимым фундаментом, на котором выросли не только подлинная отечественная государственность, русская культура, но и традиции милосердия.

¹³³ Отчет комитета ... за 1912 год. Одесса, 1913. С. 9.

¹³⁴ Там же. С. 11.

¹³⁵ Отчет комитета ... за 1914 год. Одесса, 1915.

Н. А. Шушвал

Доброхотные подаяния в традициях русского крестьянского храмопопечения (по материалам Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века)

Одним из видов индивидуального храмопопечения была традиция сбора крестьянами *доброхотных подаяний* на строительство или ремонт храма. Одновременно эта практика являлась органичной частью странничества, которое в разные периоды исследовалось многими этнографами (Т.А. Бернштам, М.М. Громыко, Х.В. Поплавская, А.В. Тарабукина, С.В. Третьякова, И.И. Шангина, Т.Б. Щепанская)¹, философами и культурологами (И.П. Смирнов, Д.Ю. Дорофеев и др.)².

В Российской империи странничество имело одновременно и жизнестроительный, и дискуссионный характер, нередко выпадая из церковно-государственной нормативности. Оно могло быть героическим поведением и массовым поветрием, объединять в себе религиозные порывы и профанную деятельность³. Странничество – это своеобразный способ освоения пространства, осуществляемый с разными целями – получения материальной (нищенство) или духовной пользы (калики перехожие). Т.Б. Щепанская рассматривает странничество и как определенную «модель лидерства»⁴, и как явление, обеспечивающее расширение, во-первых, кризисной информации

из святого места по окружающим деревням, и, во-вторых, информации о самом святом месте, т.е. поддержанием коммуникативной структуры территории (с узлами в святых местах)⁵.

Но нам важны наблюдения тех этнографов, которые напрямую связывают странничество и храмопопечение. Так, Т.А. Бернштам выделяет в особый *странствующий* разряд крестьян, которые выполняли задание приходского коллектива по сбору средств на строительство храма или колокол⁶. С. В. Третьякова, исследуя традиции странноприимства в Белозерском крае, пишет, что сбор доброхотных подаяний можно отнести к «временному странничеству», которое имело целью заботу о своем приходском храме⁷. Цель данной статьи – рассмотреть практику сбора доброхотных подаяний, существующую в системе традиций храмопопечения в Вологодской губ. во второй половине XIX – начале XX в.

Своеобразное понимание странничества самими крестьянами дает прошение одного крестьянина Вологодского у., направленное им на имя архиепископа Александра в 1913 г.: *Представляя при сем удостоверение, выданное мне причтом Михайло-Архангельской Верховологодской церкви имею честь*

¹ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005; Громыко М.М. Странноприимство в русской крестьянской традиции // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 9–15; Тарабукина А. Странники и паломники // Знание – сила. 2005. № 10. С. 110–113; Третьякова С.В. Странноприимство в белозерском крае в XIX – начале XX века (гносеологический аспект) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 221–227; Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия. СПб., 2003; Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере: Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102–126; Она же. Странные лидеры: О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти: Сб. ст. СПб., 1995. С. 211–240; Она же. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003; Она же. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

² Дорофеев Д. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. ст. СПб., 1997. С. 208–227; Смирнов И.П. Homo in via* // Смирнов И.П. Генезис: Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., 2006. С. 236–250.

³ Смирнов И.П. Указ. соч. С. 241.

⁴ Щепанская Т.Б. Странные лидеры... С. 215.

⁵ Щепанская Т.Б. Кризисная сеть... С. 127.

⁶ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 312.

⁷ Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): Дис. канд. ист. наук. Вологда, 2007. С. 225.

*покорнейше просить Вашего Преосвященства не отказать мне в моей просимости и выдать или исходатайствовать через кого следует медаль; при чем не лишним считаю присовокупить, что я человек не земледелец, а постоянно, т.е. круглый год странствую по разным городам и монастырям для поклонения святым мощам, что может подтвердить упомянутый выше причт. ... К сему прошению Василий Жуков, а по неграмотности его и личной просьбе расписался Иван Воробьев»⁸. К прошению прилагается удостоверение священника и духовного отца странствующего крестьянина Павла Кирикова, в котором подчеркиваются такие качества странника как простота и безгрешность, звучит призыв ко всем христоробцам *облегчить его странствия*. Кроме того, указывается, что на месте жительства этот крестьянин *говел и Св. Таин приобщен*. Решение Духовной консистории по данному вопросу было вполне предсказуемым: *За неимением оснований в исходатайствовании крестьянину Жукову медали просьбу его о сем отклонить, о чем и уведомить его через местное волостное правление*⁹.*

Данный пример показывает, что странничество воспринималось как духовный подвиг истинно верующего человека, заслуживающий такого же внимания от епархиального начальства, которое полагалось выдающимся приходским попечителям — церковным старостам и председателям церковно-приходских попечительств за их храмостроительную деятельность. Сам странник подчеркивает, что он не земледелец. Не случайно во второй половине XIX в. в среде тотемских крестьян сборщика средств на строительство и нужды церкви называли диалектным словом *боговик*¹⁰, подчеркивая тем самым, что его деятельность направлена не на мирские нужды, а угодна Богу, совершается по Его воле.

Традиции странничества имели большое распространение, т.к. милосердие и благотворительность являлись неотъемлемой частью крестьянской по-

вседневности, сочетаясь с их представлениями о действительном благочестии. Нередко под благотворительностью они понимали подачу милостыни странникам. Корреспондент Тенишевского бюро из Бережнослободской вол. Тотемского у. сообщал, что благотворительность крестьян заключается в том, что, хотя через деревню проходит ежегодно масса странников и странниц, нет ни одного дома, где бы не подали милостыни этим лицам. А в некоторых домах всегда им предоставляют ночлег и ужин¹¹.

Изучить эту сторону храмопопечения и ее проявления в крестьянском сообществе, понять мотивацию сборщиков на храм помогают документы Вологодской духовной консистории второй половины XIX — начала XX в.: делопроизводственная документация о строительстве церквей и часовен¹², о незаконном сборе денег в пользу церквей и монастырей Вологодской епархии¹³, сборные книги для записи добровольных пожертвований¹⁴. Документы о строительстве церквей и часовен нередко содержат прошения священнослужителей, церковных старост, а иногда самих крестьян о выдаче разрешений на сборы доброхотных подаяний. В них указывалась причина, по которой просители вынуждены прибегать к подобной мере изыскания средств (как правило, называлась бедность прихода и самих прихожан), обосновывался выбор того или иного крестьянина в качестве сборщика. Прощения о строительстве так же содержат копии доверительных писем от прихода или церковно-приходских попечительств. Среди опубликованных источников следует назвать этнографические материалы бюро кн. В.Н. Тенишева.

Дела о незаконном сборе денег включают в себя заявления мировых судей в Вологодскую духовную консисторию о незаконных действиях священников и церковных старост тех церквей, в пользу которых собирались подаяния; сборные письма, подписанные церковными старостами и

⁸ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. О награждении старост и других лиц духовного звания медалями. 1913 год. Л. 197–197 об.

⁹ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. Л. 200.

¹⁰ Потанин Г.Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 230.

¹¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. С. 37. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 4: Тотемский, Устьсольский, Устюжский и Яренский уезды.

¹² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18378. О сооружении нового каменного храма в Озерцеком Христорождественском приходе Тотемского уезда. 1906 г. Д. 16285. О постройке церкви в деревне Медведице Никольского уезда и об открытии при ней самостоятельного прихода. 1891—1909 гг.

¹³ Там же. Д. 14052. По отношению судебного следователя о разоблачении мещанина Буркова в сборе пожертвований в церковь без разрешения Епархиального начальства. 1866 г. Д. 14970. Сведения о незаконном сборе денег некоторыми крестьянами в пользу церквей и монастырей. 1875 г. Д. 15514. По отношению Кадниковского мирового судьи о сборе без разрешения начальства пожертвований в пользу разных того уезда церквей. 1882 г. Д. 17818. Переписка о задержании полицией сборщика в пользу церквей, как не имеющих полномочий на сборы. 1901–1902 гг. Д. 16297. О незаконном сборе денег в пользу церквей. 1891 г. Д. 13948. О задержании незаконных сборщиков денег для заграничных монастырей. 1865 г. Д. 15374. О сборе пожертвований разными лицами в отдельные церкви и монастыри Вологодской епархии без разрешения. 1880 г.

¹⁴ Там же. Д. 14041. Книга для записи добровольных пожертвований на постройку новой каменной холодной церкви. 1866 г.

приходскими людьми; объяснения причта церквей, направленные епархиальному начальству, содержащие причины незаконного сбора средств; приговоры мировых судей; решения консистории. Документы являются весьма информативным источником, с точки зрения изучения бытования традиции индивидуального храмопопечения. Они дают возможность выявить личностные черты сборщиков, их социальный статус, мотивы, которые подвигли их на собирание подаяний, роль причта и церковного старосты в принятии решения о сборе средств, позволяют понять взаимосвязь личного и организованного храмопопечения.

Наличие сборной книги от консистории было обязательными условиями для законного сбора жертв от *доброхотных дателей*. Книга выдавалась сроком не более чем на один год для сбора подаяний на определенной территории, например, только в пределах епархии, сборщик не имел права передавать книгу другим лицам, а по прошествии срока должен был представить ее для *счета и свидетельства* собранных денег в консисторию. Она заверялась подписями членов причта и церковного старосты. Сборные книги являются не только источниками, но и артефактами — своеобразными свидетелями производившихся сборов. Они содержат информацию о наименовании тех мест, которые проходил сборщик, количестве собранных денег, редко, о самих *дателях*, т.к. информация о пожертвованиях часто не заносилась в книгу по их желанию.

Г.Н. Мелехова отмечает, что строительство храма осуществлялось крестьянами в основном на мирской счет, лишь с небольшой помощью церковных и земских учреждений, благотворителей и *сборных сумм*, полученных от своих же и сторонних жертвователей¹⁵. Забота о дальнейшем благоустройстве приходского храма так же входила в обязанность прихожан. Во второй половине XIX — начале XX в. существовали различные способы получения средств для приходского строительства, например, раскладка (самим крестьянами или по инициативе священника назначался сбор средств с каждой ревизской души) или пожертвования крестьян. Но когда средств не хватало, крестьянское сообщество

прибегало к иному способу сбора подаяний. Для этого из своей среды крестьяне выбирали сборщика, давали ему доверительное письмо, заверенное причтом церкви, и консисторскую книгу для записи пожертвований. На сбор подаяний за пределами епархии требовалось специальное разрешение. Например, к такой мере получения средств были вынуждены прибегнуть причт и крестьяне Озерецкого Христорождественского прихода Тотемского у., которым не хватило средств на постройку нового здания храма¹⁶. Консистория разрешила им проведение сбора. При строительстве новой церкви в д. Медведе Никольского у. в 1894 г. доверенный от крестьян также просил о разрешении производить сбор пожертвований, на что также было получено согласие Духовной консистории. В решении говорилось: *Ввиду свидетельства благочинного, что крестьяне — прихожане не могут без посторонней помощи выстроить у себя разрешенной им церкви, на основании 55 ст. Устава духовных консисторий, снабдить их сборной книгой*¹⁷. Один из корреспондентов Тенишевского бюро сообщал, что в Спасской вол. Вологодского у. в приходе Успенской Песошенской церкви *была жертвовательница трудами своими, т.е. она собирала на храм и чуть не одна украсила весь храм, приобретая в него не менее как на тысячи три рублей*¹⁸. В приходской летописи Спасо-Преображенской Сеньговской церкви Грязовецкого у. в записях за 1860 г. упоминается об усердном прихожанине, который на собранные им по соседним приходам доброхотные подаяния сделал на все иконы в иконостасе *медные посеребренные* ризы и стеклянные рамки для защиты образов от пыли¹⁹.

Согласно сборным или доверительным письмам, крестьяне выбирали из своей среды человека *честного, скромного, к церкви Божией рачительного*²⁰, *доверия заслуживающего*²¹, *трезвого и в подаяниях для пользы церкви вполне благонадежного*²².

Интересным представляется вопрос о выявлении мотивов, которые двигали сборщиками. Как свидетельствует делопроизводственная документация, одним из таковых было желание проявить свою заботу о храме и показать свое расположение

¹⁵ Мелехова Г.Н. Как строили храмы в XIX веке? (по материалам Каргополя) // Православие и русская народная культура. М., 1996. Кн. 6. С. 123.

¹⁶ ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 18378.

¹⁷ Там же. Д. 16285. Л. 72 (об.).

¹⁸ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. С. 564.

¹⁹ ГАВО. Ф. 1063. Оп. 93. Д. 29. Приходская летопись Спасо-Преображенской Сеньговской церкви Грязовецкого уезда. 1868–1916 гг. Л. 5 об.

²⁰ ГАВО. Ф. 496. Оп.1. Д. 15514. Л. 25—25 об.

²¹ Там же. Л. 28.

²² Там же. Д. 15514. Л. 33.

к нему. Член попечительства Спасо-Преображенской Сеньговской церкви перешел собирать на Авнегу (где и был задержан), потому что как член попечительства, на первых порах своей службы хотел показать свое расположение к церкви Божьей, приобрести для нее больше денег и тем ускорить поправку на ней крыши²³. Одной из сборщиц для Богородской Корневской церкви Кадниковского у.²⁴ была престарелая вдова, проживающая в церковной келье и пожелавшая собирать доброхотные подаяния для строительства нового храма, который для нее, возможно, являлся и домом.

Вторая группа мотивов связана с обетной практикой крестьян. Этнограф И.А. Кремлева отмечает, что *обеты были и остаются важной частью религиозной жизни русского народа. В них отражаются и покаяние в своей греховности, и надежда заслужить прощение особыми усилиями, и представление о важности жертвования, и идея духовной пользы самоограничения*²⁵. Так, церковный староста Воскресенской Шомской церкви Вологодского у., обращаясь с воззванием к потенциальным жертвователям, писал: *Я, нижеподписавшийся, церковный староста ... имею всепокорнейше честь просить ... доброхотных жертвователей не стеснять в собирании добровольных подаяний в пользу нашего приходского храма Воскресения Христова на внутренний его ремонт (исправление печей, трубы, окраску откосов на стенах, поправку рам и пр.) предъявительниц сего (воззвания) крестьянок — прихожанок нашей церкви деревни Горки: Пелагею Конанову и Марфу Титову, как женщин честных и благонадежных, в сем богоугодном деле, давших обещание Господу Богу принести свои посильные труды. Дано сие дозволение от вышеозначенного числа впредь до 30 июня, сего месяца текущего года*²⁶. Священник Верхне-Кемской Николаевской церкви Никольского у. в своем объяснении Вологодской духовной консистории о причинах незаконного сбора пожертвований, производящегося в течение 10 лет, указывает в первую очередь следующее: *Крестьянин Подболотной волости, починка Еремина, Самсон Яковлев Луженский, действительно*

*производил сбор по соседним приходам Никольского уезда. Первее всего, он ... стал проситься в сбор, высказывая причину своей глазной болезни и говоря, что он дал обещание собирать на новостроящийся храм, в течение нескольких годов безвозмездно. Я, выслушав его просьбу, сказал: "Хорошо, потрудись. Господь, да поможет тебе в твоих трудах"*²⁷.

Церковное начальство, со своей стороны, пыталось сделать статус сборщика на храм как можно более прозрачным. Законодательство Российской империи регулировало хождение за подаяниями на храм, но привлечение при этом священных предметов для поклонения (икон) или дополнительных средств (свеч, книг) без должного разрешения причисляло к суеверным действиям²⁸. Тем самым государство пыталось бороться с профессиональным нищенством, которое было достаточно распространенным явлением во второй половине XIX — начала XX в. Описывая повседневную жизнь крестьян Вологодской губ. в этот период Н. А. Иваницкий отмечает широкое распространение нищенства²⁹. Нищие делились на подлинных и профессиональных. Первая группа была следствием бедствий и неурожаев, которые вынуждали крестьянина время от времени заниматься сбором подаяний, вторая же, как пишет Иваницкий, происходила от лени, страсти к бродяжничеству и могла превращаться даже в определенный вид промысла. Этнографические материалы Тенишевского бюро показывают, что в крестьянском сообществе отношение к нищим и странникам было различным. Так, в Калининской вол. Тотемского у. нищенство считалось пороком, а если и существовало, то только *в отход*, т.е. по чужим волостям³⁰.

Практика сбора пожертвований регулировалась указами³¹ Священного Синода 1856 и 1881 гг. Сборщики должны были быть исключительно из местных прихожан, а сборные консисторские книги следовало выдавать только *на истинные и существенные нужды церкви*. Так, если церковь строилась в достаточно большом и богатом приходе, или прихожане желали сделать свой храм более благолепным и великолепным, заменить коло-

²³ Там же. Д. 14970. Л. 15.

²⁴ Там же. Д. 15514. Л. 32

²⁵ Кремлева И.А. Роль обетов в религиозной жизни русских // Православие и традиционная народная культура: Сб. докл. XIII Междунар. Рождественские чтения. М., 2005. С. 89.

²⁶ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17818. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ СЗРИ. Т. XI. Гл. II. Отд. 3. О предупреждении и пресечении суеверий. Ст. 32. (Изд. 1912 г.). С. 101.

²⁹ Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1890. Вып. II С. 59–60.

³⁰ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. С. 220.

³¹ Распоряжения епархиального начальства // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 9. С. 102–105.

кол на больший или перестроить колокольню, то тогда им предоставлялось исполнять это собственными силами или с помощью благотворителей, не прибегая к сбору *доброхотных подаяний*.

Для сбора обязательным было наличие *доверительного письма* и *консисторской книги*. Доверительное письмо являлось своеобразным удостоверением личности сборщика и сообщало о целях сбора, нуждах церкви и прихода. Призывы к жертвователям могли иметь следующие содержание: *Примите благодетели и любители благолепия церковного усердное наше прошение, не оставьте нашей бедной из бедных церкви своей малой лептой, за которую мы обязаны будем молить Бога ... за здоровье и спасение*³².

Наличие сборной книги, как уже указывалось, давало возможность контролировать сам процесс сбора. В каждом приходе, в котором оказывался сборщик, священник *высыпал* из кружки пожертвованные деньги, пересчитывал их, записывал сумму в книгу, отдавал деньги сборщику *для хранения и передачи в свою церковь* и снова запечатывал кружку. Когда сборщик возвращался в свой приход, собранные деньги при свидетелях (собрание причта и прихожан) отдавались церковному старосте, который записывал их в приходо-расходную книгу. В том случае, если книга давалась на продолжительное время (не более одного года), то сборщик мог время от времени возвращаться в свой приход с полученными средствами, а затем снова отправляться за подаяниями. Так, например, согласно книге³³, выданной крестьянину Никольского у. прихода Андангской Происхожденческой церкви, в течение года сборщик три раза возвращался в свой приход для передачи денег, а всего за год собрал 363 руб. 74 коп. *Доброхотные датели* часто не заботились о том, дойдут ли их материальные жертвы до приходской церкви — ценность милостыни определялась, в первую очередь, символическим, религиозным значением, а не материальным. «Мне случалось наблюдать, — писал П. Вересов из с. Антушево Белозерского у., — что в Соловецкий монастырь посылают деньги... вовсе с незнакомыми богомольцами-странниками. Один крестьянин послал 20 рублей со странником для вклада в Соловецкий монастырь... Я усомнился: дойдут ли деньги по назначению. Крестьянин отвечал: «Мне все равно, лишь бы я послал... Бог-то знает...»³⁴.

Во избежание наказаний со стороны епархиального начальства приходской причт пытался, со своей стороны, сделать сбор средств на храм более организованным. Так, священник Сеньговской Спасо-Преображенской церкви Грязовецкого у. советовал сборщику из членов церковно-приходского попечительства не ходить по домам прихожан. Как он пишет в своем объяснении в Вологодскую духовную консисторию, *прихожане, узнав о прибытии сборщика в деревню, обыкновенно снашивали свои материальные пожертвования в один из домов и оставляли их у хозяина*³⁵.

Сбор доброхотных подаяний, часто *выступал как пример исключительно добровольного, неформального религиозного поведения, лишённого каких-либо принудительных церковных установок и санкций*³⁶. Собирающие средства без разрешения епархиального начальства выпадали из церковной нормативности, но при этом продолжали в глазах крестьян соответствовать представлениям об истинном благочестии. Приходские священники и старосты, боясь наказания епархиальных властей, в своих объяснениях пишут, что *ответственность (за незаконный сбор средств) ... всецело должна лежать на прихожанах, которые ... есть главные виновники незаконных действий*³⁷. Выражая протест против решения крестьян, священники заслуживали *подозрительности и недружелюбия* и, во избежание *могущих произойти от того неприятностей*³⁸, прилагали церковные печати к сборным письмам, составленным прихожанами.

Установленные правила сбора могли нарушаться крестьянами по причине перехода за границы своего прихода. Так, например, одна крестьянская вдова собирала подаяния и в своем Богородском приходе, и в соседнем — Николаевском, *который всегда неизменно усердствовал*³⁹ к первому, более бедному. Взята она была за 15 верст от своей приходской церкви в Петро-Павловском приходе.

Дела о незаконном сборе пожертвований дают примеры того, как выглядели сборщики, при этом они так же нарушали предписания церковного начальства. Приведем несколько примеров. У послушника Коринилиево-Комельского монастыря одним из волостных сельских писарей была отобрана *сборщицья икона* преп. Корнилия⁴⁰. Другой крестьянин Грязовецкого у. явился в Ново-Ни-

³² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 2.

³³ Там же. Д. 14041.

³⁴ Цит. по: Третьякова С.В. Указ. соч. С. 114.

³⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14970. Л. 14.

³⁶ Третьякова С.В. Указ. соч. С. 149.

³⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Там же. Д. 15514. Л. 24 об.

³⁸ Там же. Л. 43 об.

³⁹ Там же. Д. 15514. Л. 32.

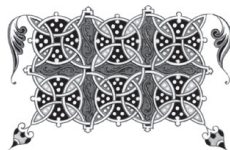
кольское волостное правление с куском материи на груди в виде воздуха, медною на нем иконою и блюдом в руках и был задержан⁴¹. Сборщики из Нижегородской губ. имели с собой не только колокол, но и икону Божией Матери, т.к. осуществляли сбор на сгоревшую церковь Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца. Ношение таких предметов инициировалось самими крестьянами. Так, священник Спасо-Преображенской Сеньговской церкви в своих объяснениях епархиальному начальству в свое оправдание указывает, что икона не была давана сборщику, да и не было ему в том нужды⁴². Священные предметы обозначали особый статус сборщика, как совершающего богоугодное дело человека, и помогали вызывать доверие среди крестьян. «Они выполняли в деле сбора доброхотных подаяний коммуникативную функцию между сборщиками и «дателями»: присутствие святыни - гарантия служения Богу, а не противоположным силам. Не случайно, кстати, символы божественного были неотъемлемым элементом бродячей жизни профессиональных нищих. Поэтому сборщики могли использовать так же особые маркеры для определения своего статуса, не связанного с нищенством. Например, в Калининской вол. Тотемского у. особенностью странников было то, что они просили возле церквей, чего не делали никогда обычные нищие⁴³.

Выявленные нами документы показывают широкую распространенность традиции сбора доброхотных подаяний на строительство или обустройство церквей в Вологодской губ. во второй половине XIX — начале XX в. Члены церковно-приходского попечительства при Дмитриевской Николаевской церкви Вельского у. выдали доверенности на сборы пожертвований 27 крестьянам, 10 из которых не были в сборе, а 17 собрали 162 рубля. При этом само попечительство объяснило консистории, что им было не известно о незаконности таких действий, так как *зачастую встречаются при подобных довериях лица из монастырей и приходских церквей*⁴⁴. О повсеместной распространенности практики сбора на храм доброхотных подаяний

свидетельствует, например, тот факт, что в 1891 г. в приходе Воскресенской Кулойской церкви Тотемского у. появились сборщики из Нижегородской губ. Арзамасского у. По свидетельству священника, это были *два мужчины с лошадей, ... причем при кибитке саней у них был подвешен колокол, пудов 3-4. Один из мужиков по временам ударял в колокол привешенным языком, а другой кричал у окон домов крестьян самым высоким голосом, вызывая жителей на подаяния*⁴⁵.

Сбор подаяний являлся своеобразным каналом коммуникации, связывающим различные точки сакральной сети не только внутри прихода, уезда, но и епархии. Так, один из послушников Спасо-Прилуцкого монастыря был направлен игуменом для собирания подаяний в Кадниковский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский и Никольский уезды по приглашению самих жертвователей. Из объяснения настоятеля монастыря: *Он (сборщик) был отпущен по приглашению самих усердствующих к нашей обители. Так как многие из тамошних жителей, посещая в качестве богомольцев нашу обитель, просили нас уполномочить кого-либо из братии для получения в месте их жительства посильных от них пожертвований в знак благодарности за бесплатное пользование нашей скромной трапезой*⁴⁶. Исследуя бытование почитания святых основателей монастырей в религиозной практике Белозерья, С.В. Третьякова отмечает, что *временно странствующие* насельники отдельных белозерских обителей, вступавшие в контакт с окрестными жителями в процессе сбора добровольных пожертвований, занимали существенное место в информационно-пространственной системе, связанной с передвижением и, как следствие, установлением новых коммуникативных связей⁴⁷.

Безусловно, в крестьянском сознании была глубоко укоренена традиция странничества, связанная с пониманием сущности святости и идеями милосердия и благотворительности. Это способствовало, на наш взгляд, бытованию такого вида храмопопечения, как сбор крестьянами *доброхотных подаяний*.

⁴⁰ Там же. Д. 14970. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 9.

⁴² Там же. Л. 14 об.

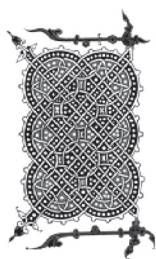
⁴³ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 5. С. 220.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Д. 16297. Л. 1–1 об.

⁴⁶ Там же. Д. 15374. Л. 26 об.

⁴⁷ Третьякова С.В. Указ. соч. С. 116

М. М. Громыко

Подвиг служения на приходе: Россия 1810 – 1910 годы

В данной статье мы продолжаем тему о значении уровня личной религиозности конкретных деятелей на материале служения приходского духовенства¹. При этом в круг рассматриваемых персоналий включаем именно тех приходских священников, чей высокий уровень духовности определен последующим прославлением либо авторитетным признанием их подвижничества.

В XIX– начале XX вв. в силу нарастающих в значительной части интеллигенции революционных настроений (под влиянием стихийно шедших с запада, а также и целенаправленно распространяемых внутри страны разрушительных идей), в печати России все более усиливается очернение деятельности и положения приходского духовенства. Подчеркиваются и преувеличиваются недостатки самих пастырей и политики Синода в отношении рядовых священников. Это происходит не только в светских изданиях соответствующего направления, но проникает и развивается «по нарастающей» в церковной периодике. За этим шумом фальшивых или искренних, но отошедших от живой веры «доброжелателей», становятся едва слышными скромные голоса, свидетельствующие о деятельности благодатных представителей приходского духовенства, творящих Божье дело на земле – во многообразных проявлениях истинно духовных задач. Между тем таковые действовали успешно в разных регионах страны и при всех особенностях каждого исторического этапа. Относительно скудные материалы жизнеописаний позволяют все же увидеть реальные проявления высокого уровня их духовности. Мы приведем конкретные факты деятельности лишь немногих

из подвижников приходского служения, но в условиях территорий России, отличавшихся определенной спецификой, и в разнородной социальной среде сельской и городской. При этом приходы С.-Петербурга и Москвы не рассматриваются – это особая тема.

По поводу необъективности в освещении деятельности сельского духовенства И. Булгаков писал в 1901 г. на страницах «Душеполезных чтений»: «Нередко в печати и обществе слышатся жалобы на наше сельское духовенство. *В большинстве случаев в этих жалобах проявляется или предвзятый взгляд на духовенство или неимение точных и подробных сведений* о деятельности пастырей церкви, особенно в отдаленных уголках нашего обширного Отечества. *На самом деле среди сельского духовенства встречается очень много редких тружеников, вполне достойных пастырей, неутомимых деятелей на пользу церкви и вверенного им прихода. Вдали от центров шумной общественной жизни, в деревенской тиши, среди большею частью бедного нашего крестьянского люда, совершают они свое великое пастырское дело. Несмотря на распространенность в настоящее время печатного слова, о них часто не слышат десятками лет, а иные в безызвестности уходят и в могилу! Скромность удерживает их говорить о себе, а самое пастырское дело таково по природе своей, что оно совершается тихо и незаметно*»².

Как мы увидим из конкретного материала, не все из подвижников-пастырей на приходе оставались в скромной и благодатной безвестности. Иные из них были замечены архиереями, получа-

¹ Громыко М.М. Значение личной религиозности в контактах церкви и власти при императоре Николае I // Традиции и современность. Научный православный журнал. М., 2015. №17 С. 112–129.

² Булгаков И. Из жизни сельского духовенства, (памяти священника с. Малина, Коломенского уезда, В.В. Булгакова) // Душеполезное чтение. Ежемесячное издание духовного содержания. М. 1901. Ч. III. С. 59.

ли от них ответственные поручения, становились настоятелями известных городских храмов. Но дело в том, что особенно активную часть предреволюционной прессы интересовало только отрицательное, критическое мнение церковноначалия. Поэтому результат — замалчивание — оставался тем же и в этих случаях. Тенденциозность периодических изданий в освещении деятельности приходского духовенства в известной мере компенсировалась публикацией некрологов в «Епархиальных ведомостях»³. Некоторые из некрологов воспроизведены в известном издании Афонского Русского Пантелеимонова монастыря «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков».

В Рыбинском уезде Ярославской губ. в конце XVIII — первой трети XIX в. подвизался протоиерей Матфий Гомилевский-Рыбинский. Он с детства получил хорошую духовную подготовку, способствующую и дальнейшему продвижению по лестнице внутреннего, сокровенного обретения благодати. Отец его — священник села Петровского Романовского уезда Ярославской губернии — был отмечен благочестием и строгим отношением к исполнению своего долга. «Пример усердной молитвы отца, при которой мальчик постоянно присутствовал, породил в нем любовь к молитве», а как только научился читать, пристрастился к чтению житий святых. Один случай выделял о. Матфий впоследствии из своих детских впечатлений, как оказавших особенное влияние и на более позднее духовное становление. «Раз в рукописи одного крестьянина увидел он картинку, которая изображала жену, облеченную в солнце, и семиглавого змия, готового пожрать ее. Предмет этой картины поразил его воображение: любознательность его искала объяснения, — и неграмотная, но благочестивая его мать объяснила, как могла, что жена в этом изображении означает Церковь Христову, а змий — антихриста, врага ее»⁴ (Курсив, наш, — М.Г.).

Матфию было в это время восемь лет. А через два года (1780) его отвезли в Ярославскую семинарию, где Гомилевский (фамилия дана при приеме) учился весьма успешно. В младших классах он любил посещать церковь пророка Ильи, где фрески с сюжетами Апокалипсиса дали новый материал для его детских беспокойств о судьбе

Церкви. «Так, — пишет автор жизнеописания, — научился он сначала любить Церковь, трепетать за нее, принимать к сердцу всякое ее бедствие, а потом научно узнал, что такое Церковь, где враги ее и какие угрожают ей опасности»⁵.

Прежде всего — любить — этим отмечена вся деятельность о. Матфия. После окончания семинарии он хотел получить духовное звание, став монахом, и в 1789 г. был причислен к братству Ярославского Толгского монастыря. Но Синод не дал разрешения на постриг по молодости лет, и тогда ярославский преосвященный Арсений, очень желавший практически использовать известные ему качества этого выпускника, уговорил его вступить в белое духовенство: в 1791 г. Матфий Гомилевский рукоположен во священника в село Спасское Рыбинского уезда, где прослужил шестнадцать лет; а затем в Рыбинске потрудились протоиереем в течение двадцати трех лет. В Спасском приходе активно действовали старообрядцы беспоповского согласия, много было раскольников и в уездном центре — Рыбинске, поэтому в самоотверженном в целом служении этого пастыря, особенно значительное место заняло обращение заблудших к православной Церкви. Он не создавал конфронтацию со старообрядцами (как это случалось иногда при заступлении новых батюшек на приходы, на территории которых жили и раскольники), не выступал с обличительными проповедями. Как это ни странно, но староверы сами потянулись к нему, услышав от православных о долгих, полных службах и личных добродетелях священника. Приходили и приезжали лишь для беседы на духовные темы — не более. Но праведник воспринимал каждого, как заблудшую овцу своего стада, и с бесконечным терпением и любовью стремился его обратить. Он старался не оскорбить их религиозные чувства и даже признавал «ту твердую привязанность к вере, то постоянное исполнение предписаний закона, которые составляют существенную черту в жизни раскольников». Но в то же время убедительно показывал, что «сколь бы ни строго было внешнее соблюдение священных обрядов, оно не принесет никакой пользы христианину, пока вера его не будет споспешествуема чистою любовью». О. Матфий умел раскрывать основные истины веры и христианской нравственности, не касаясь обрядовых различий⁶.

³ Бальжанова Е.С. Образ городского священника на Урале. (По материалам некрологов рубежа XIX–XX вв.) // Уральский город XVIII — начала XX в.: проблемы социальной истории. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 153–159.

⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. Ч. I. Репр. 1910 г. Изд. Введенской Оптиной Пустыни. 1994. С. 272–273.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ Там же. С. 276–277.

Процесс обращения шел медленно и как бы незаметно для обеих сторон. «Бывало, прежде беседовали они с о. Матфием просто о жизни христианской, принимали его советы, как слова умного, доброго и благочестивого человека, а теперь смотрят на него уже как на священника; прошел еще год, другой, — вот о. Матфий видит их, наконец, в числе своих исповедников. <...> Таким образом, малое стадо доброго пастыря «Бог возрастил в великое»»⁷.

Как известно, деятельность людей, достигших высокого уровня духовности, раздражает тех, кто пребывает в большей или меньшей степени одержимости духом вражьи́м. Успехи о. Матфия (в том числе, — строительство нового храма в Рыбинске) вызвали жалобы на него с клеветническими наветами. Пастырь переносил все это с поразительным терпением. Летом 1830 г. протоиерей заболел (настолько сильно, что по мнению близких, был при смерти) и ушел «на покой», будучи не в силах на фоне болезни выполнять свои многочисленные обязанности: он был не только настоятелем церкви, но одновременно исполнял должности благочинного и законоучителя народных училищ. Но как только здоровье его несколько поправилось, о. Матфий стал таким же деятельным, как ранее. Миссионером он оставался всегда, при любых обстоятельствах. Служение в церкви продолжалось и вне штата, так что и в глубокой старости подвижник поражал тем, что в восемьдесят лет имел силы за одной литургией причастить более трехсот человек⁸.

Подвижническое служение на приходе могло протекать и в краткий срок и тем не менее оставить неизгладимый след в духовной жизни широкого круга мирян. Такова была деятельность священника села Малина Коломенского уезда о. Василия Булгакова. Специфика прихода и всей окружавшей приход среды, создающая дополнительные трудности в служении, здесь была иная, чем в предыдущем случае: Малино было торговым селом. Жители его почти все занимались торговлей — в Москве (50 верст) или в своем уезде; многие из них и жили подолгу в Москве, имея там свои лавки и магазины либо служа в торговых заведениях. Каждый вторник в селе бывали базары, на которые съезжались жители окрестных сел и деревень, и это стимулировало возникновение трактира в торговой части села. Автор описания полагает, что в силу этих обстоятельств «среди Малинского населения нахо-

дилось всегда немало дурных плевел с непрочными нравственными устоями»... Тем не менее, этот же автор в другой части своей работы отмечает активное посещение храма жителями села еще и до служения пастыря, о котором идет речь⁹.

Благоприятным для контактов молодого священника с прихожанами было то, что он принял приход Успенской церкви от своего отца (1888 г.). В Малино и окрестностях люди знали эту семью как благочестивую и благотворительную — отец прослужил здесь 40 лет. Сам о. Василий с детства видел в лице своих родителей и других членов семьи «живое воплощение требований, предъявляемых верою и церковным уставом». После домашнего образования он успешно закончил Заиконоспасское духовное училище, затем — Московскую семинарию. Но главным достоянием, с каким он начал и продолжил свое служение, был уровень собственной духовности, позволявший ему и с амвона, и в личном общении, и заочно — молитвенными трудами — с любовью и терпением освящать своих очень разных подопечных. «Огромной вереницей тянулись жители Малина в храм, лишь только раздавались призывные звуки праздничного колокола, и несмотря на большую вместимость, переполняли его; *не было ни одного дома, из которого не присутствовал бы кто-либо в храме в воскресный и в праздничный день, а также в течение Великого поста. Не жаловался о. Василий на отсутствие молящихся и в будничные дни, хотя, по установившемуся обычаю, службы совершались каждодневно*»¹⁰. (Курсив, наш. — М.Г.).

Много внимания уделял о. Василий детям. Он был законоучителем в местной мужской земской школе и достигал «прочного и сознательного утверждения в сердцах юных слушателей догматических и нравственных истин православного учения» путем очень живой, всегда интересной подачи разнообразного материала. От тесного благодатного контакта в рассмотрении глубоких вопросов веры до занятых чтений при «волшебном фонаре» и рождественских елок с выступлениями младших и раздачей подарков от благотворителей (в торговом селе жертвователей было немало) — во всем сказывался духовный уровень настоятеля. Многообразны были в этом приходе и дела попечительства о бедных — от создания соответствующего совета, рассматривавшего и удовлетворявшего просьбы, до строительства женской богадельни при храме¹¹.

⁷ Там же. С. 278–279.

⁸ Там же. С. 280–288

⁹ Булгаков И. Из жизни сельского духовенства // Душеполезное чтение. М. 1901. Ч. III. С. 136, 449.

¹⁰ Там же. С. 131–288.

¹¹ Там же. С. 236–237, 239–241, 450–451.

При всей активности служения на приходе о. Василий Булгаков проявил себя еще и как автор статей в жанре церковной публицистики, именно того конструктивного ее направления, которое стремилось противостоять разрушительным предреволюционным тенденциям периодической печати. Так, в ответ на несправедливые суждения в печати и обществе о священниках он пишет статью «В защиту духовенства», где показывает необоснованность этих выпадов¹². Большая часть его статей содержит конкретные, рожденные собственным духовным опытом и высказываниями отцов Церкви суждения об основных составляющих пастырского служения¹³.

Высоким духовным возрастом священника отмечено почти сорокалетнее служение на одном приходе известного протоиерея Александра Юнгера (1841–1880 гг.; Троицкая церковь села Балаково Саратовской губернии). Богослужения его отличались благоговейностью, тщательным согласованием с церковным уставом; служил он часто и проповедовал убедительно. Проникновенные наставления он произносил при каждом посещении домов прихожан — с требами или на крестохождении. Его необыкновенное сердечное расположение к слушателям и собеседникам «неотразимо-магически» действовало на людей, по свидетельству участников событий. «Полураскольнический приход стал постепенно преображаться в православный. <...> Прежде бегавшие от священника или запиравшие ворота от св. икон прихожане стали с радостью за целый квартал готовиться к встрече батюшки — желанного гостя и к приему св. икон»¹⁴.

«Созидая духовный храм в прихожанах, пастырь не мог быть покоен при виде бедности, ветхости и заметной всем маловместимости материального храма Троицкой церкви, и начал хлопотать пред удельным ведомством, которому принадлежало Балаково, о построении новой церкви». В 1861 г. она была освящена. Но вскоре и новая церковь стала тесной. Волжское пароходство переживало в это время период интенсивного развития, и село Балаково стало заметным торговым центром, а церковь посещали и свои жители и иногороднее

Протоиерей Александр Юнгеров

купечество. Благодаря заботам о. Александра, (и, главное, молитвам его), в 1875 г. храм был расширен втрое, а в 1878–79 годах окончательно отделан внутри и снаружи¹⁵.

Осенью 1880 г. о. Александр просил церковноначалие передать приход в Балаково его сыну — священнику Василию Юнгерову. Приход передали сыну, но преосвященный Серафим не отпустил о. Александра «на покой», а направил в Чагинский женский монастырь Самарской губернии. Здесь-то и получили особенно широкую известность дары святого старца, в течение двадцати лет принимавшего, исцелявшего, просвещавшего по-

¹² Церковный вестник. 1896. № 44–45.

¹³ Пастырь, как проповедник. // Московские церковные ведомости. 1898. № 22; Живое слово // Московские ведомости. 1898. № 299; Пастырь как совершитель литургии св. Василия Великого. // Московские церковные ведомости. 1897. № 14–15; Слава в вышних Богу // Московские церковные ведомости. 1897. № 46 и другие.

¹⁴ Протоиерей Александр Степанович Юнгеров. Некролог с портретом и подписью. Казань, 1909. Издание полностью воспроизведено в «Жизнеописаниях отечественных подвижников...», Декабрь. Ч. II. 1995. С. 256–257, 261. Автор этой вышедшей через девять лет после кончины о. Александра работы нам не известен. Но из самого текста явствует, что он не только непосредственно общался с ним (с. 261), но присутствовал многократно при литургическом его служении: «Помнится, — пишет этот автор, — никогда мы не видели, чтобы без слез, струившихся по лицу покойного, он благословлял за литургией освящаемые во время «Тебе поем» св. Дары». (С. 260).

¹⁵ Там же. С. 257–258.

сетителей «из разных концов России». Монастырский период деятельности, этого прославленного святого, выходит за пределы темы данной статьи¹⁶.

Скромный пастырь Архангельской, а потом — Преображенской церквей г. Ельца (Воронежская епархия) отец Иоанн Борисов (1750–1824), сын священника, выпускник Воронежской семинарии, отличался необыкновенной духовной проникновенностью во всех обычных для приходского батюшки делах. Во время служения, как свидетельствует современник, «являл великое благоговение и умиление и примером своим возбуждал страх Божий в сердцах присутствующих в храме». То же самое было и при исполнении всех треб в домах прихожан. При полной нестяжательности и подвижническом образе жизни, о. Иоанн навещал очень многих, «а особенно тех, которые замечены им в дурном поведении», и всегда это имело положительный результат. Также и дома у себя принимал «с назиданием и утешением», и «без пользы душевной никого от себя не отпускал»¹⁷.

Деятельность этого священника не ограничивалась своим приходом: он посещал тюремный замок, больницы, бедные дома. С годами стали замечать у него дар прозорливости. Благодатный пастырь иногда приоткрывал его с назидательной целью, в частности, для обнаружения лжи. Благочестивый город Елец любил и ценил о. Иоанна Борисова. В последний путь его провожал «до могилы весь город и тысячи окрестных жителей. Вопль бедных и нищих почти заглушал пение духовных»¹⁸.

В Воронежской епархии подвизался в приходском служении и протоиерей Александр Иванович Бунин. Он священствовал в г. Богучаре более пятидесяти лет (1818–1871), и по свидетельствам современников, «горел необычайной ревностью и любовью к церковному Богослужению». На его деятельности мы имеем возможность остановиться несколько подробнее, т. к. в 1902 г. в Богучаре была издана книжка о нем¹⁹, повторенная с сокращениями в «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия» (Август). Отец Александр родился в 1792 г. в селе Верхнем Карачане Новохоперского уезда Воронежской губернии в семье священника. Образование получил в Воронеже — в духовном училище, а затем — в семинарии, совмещая весьма успешную учебу с репетиторским

трудом за маленькую плату (дома большая семья рано осталась без отца). Его репутация в семинарии была такова, что еще студентом он преподавал там французский язык и математику, а по окончании получил место священника в уездном городе Богучаре — сначала в Богородице-Рождественской, а через 12 лет — в Троицкой церквях²⁰.

Протоиерей Александр Бунин

В городском соборе служило несколько священников, и отец Александр проявлял постоянную благожелательность к своим сотоварищам, а потом, когда стал настоятелем и благочинным, — к подчиненным. Всегда был готов заменить в служении кого-то; скрывал их недостатки перед прихожанами, а самих провинившихся наставлял мягко, с любовью; не показывал свое превосходство в духовном уровне и образовании. «Но стоило наедине серьезно обратиться к почтенному пастырю

¹⁶ См. об этом: Жизнеописания отечественных подвижников... Там же. С. 266–276; Подвижники Самарской земли. Авторы-составители Игорь Макаров, Антон Жоголев. Самара, 1995. С.36–55.

¹⁷ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Июнь. С. 316–319.

¹⁸ Там же. С. 319–325.

¹⁹ Пастырь-подвижник. Описание жизнедеятельности богучарского протоиерея Александра Ивановича Бунина. 1792–1871 г.г. Богучар, 1902.

²⁰ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Август. С. 639–643.

за разрешением какого-либо вопроса научно-богословского характера, как он — всегда скромный, оживлялся и поражал собеседника глубиной своего богословского мирозерцания, современностью взглядов и логичностью мыслей». Его собственное служение в церкви отличалось уставной полнотой (длительностью) и проникновенной духовностью. В силу теплого отношения праведника к сослуживцам и подчиненным, его превосходство не раздражало, и они обращались к о. Александру не только по делам службы, но и по семейным своим проблемам. Его поддержкой пользовалось отнюдь не только духовенство своего храма. Особое внимание оказывал протоиерей «неудачникам»: молодым людям, уволенным из духовного училища или семинарии, не имевшим не только занятия, но подчас и жилья, нуждавшимся в сильной поддержке. Они являлись в Богучар из разных мест епархии (такова была уже известность Бунина) и обращались к нему с просьбой дать им какое-либо временное дело с последующим устройством, с его помощью, на место причетника, диакона или на частную службу. Таких людей отец настоятель размещал в собственном доме или во флигеле, и ради них открыл при своем доме особого рода школу: учителями в ней были «неудачники», а учащимися — дети беднейших членов причта, из таких семей, которые не могли сами подготовить их к поступлению в духовное училище. Отец Александр преподавал в этой школе Закон Божий, а главное, следил за всем процессом обучения и присматривался к учителям, дабы определить их дальнейшее назначение. Испытание было долговременным. Затем он наиболее способных рекомендовал епархиальному начальству на должности диаконов и псаломщиков (архипастыри считались с его рекомендациями); других — в духовное правление писцами, сторожами и пр.; иных — на службу к частным лицам. При этом протоиерей Александр был законоучителем в обычном приходском, а затем — уездном училище. Уроки его проходили как душевная беседа с учениками с запоминающимися примерами из Ветхого и Нового Завета²¹.

Отношение о. Александра к простому люду особенно проявлялось в исполнении им треб. К нему обращались не только прихожане, но и жители окрестных хуторов и сел. Подвижник никогда не выяснял, почему они не обратились к своему священнику, а спешил выполнить просимое, несмотря ни на болезненное собственное состояние,

усталость (а позднее — и возраст), ни на отдаленность и крайне неблагоприятную погоду. Сохранились рассказы современников, встречавших его в поле на дороге в бурю (кучер замешкался, а протоиерей боялся опоздать к умирающей) и другие свидетельства самоотверженной готовности откликнуться на каждую просьбу. Во время эпидемии холеры протоиерей Бунин «едва ли не один за всех священников» напутствовал больных, «одних ободряя надеждою выздоровления, других примиряя с неизбежностью смерти». Во время Крымской войны он же организовывал отправляемые из Богучара на фронт транспорты с припасами и одеждой. Этому способствовало почтение к нему местных помещиков²².

К протоиерею-подвижнику постоянно обращались за советом и помощью люди всех сословий. Этот поток увеличивался по мере возрастания его известности — сначала по уезду, а потом — за его пределами. Особенно он был известен, как миротворец в тяжелых случаях семейного разлада. Не менее привлекала к богучарскому протоиерею и его широкая благотворительность (личная и организуемая им). Здесь следует отметить его контакт со святителем Антонием (Смирницким), проявлявшим постоянную заботу о вдовах и сиротах бедных лиц духовного звания. Не менее сказывался духовный уровень о. Александра в его способности подвигнуть верующих на подачу средств для строительства церквей. Это относится не только к храмосодательству в Богучаре. При его живом и непосредственном участии были построены церкви в его благочинии, в слободах Дьяченковской, Купянке, Поповке, Лофицком, Загребайловке, Данцевой, Грушевой, Дубовиковой, Липчанке, Шуриневке, Грековне и др.²³

Удивительную самоотверженность проявлял в служении на разных приходах Тверской епархии и в своей личной жизни протоиерей Матфей Александрович Константиновский (1791-1857). Сын дьякона, он получил серьезное духовное воспитание с раннего детства. По окончании Тверской семинарии служил сначала дьяконом в погосте Осечно, Вышневолоцкого уезда. При крайней бедности (он содержал мать-вдову и двух малолетних сестер и полевую работу исполнял сам) о. Матфей быстро стал известен своими подаяниями и гостеприимством нищим и странникам. Через семь лет дьяконского служения, он получил запрос преосвященного Филарета (будущего святителя

²¹ Там же. С. 652–662.

²² Там же. С. 648–660.

²³ Там же. С. 647–648, 653, 659.

Московского), с предложением священнического места в селе Диеве, где провел тринадцать лет. Затем — перемещение в село Эсько (Еськи) «по неотступной просьбе его жителей», и наконец, в г. Ржев — сначала к Спасопреображенской церкви, потом — в Ржевский Успенский собор²⁴.

В силу исключительной активности пастыря, и главное, высокого уровня духовности он, несмотря на перемещения, обретал во всех местах служения сердечный контакт с прихожанами. Для него недостаточно было учить народ в храме. Будучи еще диаконом в Осечне, а потом и в других местах, он ходил по деревням, по домам — «всюду, где только мог, сеял семена слова Божия». Кроме того, в его доме собирались благочестивые прихожане для совместного духовного чтения, пения и получения советов. Обретение отцом Матфеем уважения и доверия прихожан вызывало у некоторых лиц зависть, и добродетели его, перевернутые клеветой, стали поводом для доноса: прием странников был назван укрыванием беглых, а домашние встречи — распространением какого-то еретического учения. Началось даже следствие. Но архиепископ Тверской Григорий сам сделал ему допрос и убедился в его невиновности²⁵.

Во Ржеве благотворительные свойства протоиерея привлекли к нему внимание благотворителей, и он имел возможность содействовать украшению нескольких храмов города и даже посылать пожертвования на Афон. Кроме пастырского служения протоиерей Матфей Константиновский исполнял здесь еще обязанности сотрудника Тверского епархиального попечительства, катехизатора, благочинного, цензора проповедей и увещателя по секретным делам. В 1853 г. он был вызван в Петербург для подготовки к миссионерской деятельности против раскольников. В столице он остановился в принадлежавшем Синоду доме, где разместили и других священников, прибывших из разных епархий по этому же запросу. Но вскоре был приглашен в дом Т.Б. Потемкиной и служил в ее домовых церкви. Здесь число посещавших его петербуржцев увеличивалось с каждым днем. Та же ситуация повторилась позднее в доме и домовых церкви графини М.В. Адлерберг. По окончании миссионерской подготовки отец Матфей вернулся в Ржев. Подвижник был известен и в Москве, где для многих стал руководителем духовной жизни²⁶.

В Карсунском у. Симбирской губернии 35 лет

(1793–1828) прослужил на одном приходе, в с. Беклемишеве, священник Петр Стефанович. Он родился в этом же селе, где отец его был более сорока лет священником и благочинным. Все образование его было домашним: с ним занимался отец, а позднее и некоторые из помещиков. Так, владелец села Н.А. Беклемишев, любивший петь и читать на клиросе, подготовил подростка к церковному пению; библиотека другого помещика расширяла круг его чтения. Некоторые из священников этой губернии отправляли своих детей в Казанскую духовную академию, другие же давали домашнее образование и записывали их в причетники в своем приходе. Выбору отцом Стефаном второго варианта способствовало то, что «весьма рано пробудилась» в его сыне «любовь к чтению священных книг и любовь к благочестию». На четырнадцатом году Петр был уже чтецом, а в восемнадцать лет рукоположен во дьякона. Через год после этого занял место умершего отца — стал священником²⁷.

Несмотря на необычно ранний для пастыря возраст, отец Петр проявил уже в первые годы своей деятельности такое умение и сильное духовное влияние в общении, как с крестьянами, так и с помещиками. В простонародной среде он особенное внимание уделял преодолению двух отрицательных явлений. Первое из них — равнодушие некоторых крестьян, даже воцерковленных, к религиозному воспитанию своих детей. Священник добивался, чтобы чаще приводили детей в церковь, и ставили их впереди, перед амвоном, дабы внимание, пусть и наивное, сосредотачивалось на священнодействии; учил отцов не торопиться отправлять подростков и юношей «на сторону», ради заработков, дабы не терять «духа благочестия ради практических интересов». Юношей он собирал у себя дома по воскресеньям для бесед, а в 1822 г. построил за свой счет дом для сельского училища, где в первом отделении учителя из грамотных крепостных (о. Петр оплачивал их труд из личных средств) учили младших письму и чтению, а во втором — он сам «учил молитвам, объяснял заповеди, литургию, таинства». Обучение не было ни для кого обязательным, тем не менее ежегодно в училище насчитывалось 30–40 учеников²⁸.

Вторым отрицательным явлением в крестьянской среде, борьбе с которым пастырь-подвижник уделял особенное внимание, было «волшебство» («ведьство»). «Отец Петр противодействовал ему

²⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Апрель. С. 199–203.

²⁵ Там же. С. 211–212.

²⁶ Там же. С. 204–205; 216–219.

²⁷ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Октябрь. С. 723–725.

²⁸ Там же. С. 727–728.

всеми зависящими от него средствами». Он стремился искоренить доверие к ведунам-колдунам, а их самих подвергал церковному отлучению. Простой народ хорошо воспринимал поучения священника, который часто появлялся на сходках, в конторах, на крестинах и свадьбах, в густой толпе при экстраординарных событиях и в тишине одинокой избы²⁹.

Не меньшей популярностью пользовался беклемишевский иерей и в среде помещиков. Он был «собеседником, наставником и духовником почти всех соседственных дворянских домов»: Нефедьевых, Кондратьевых, Араповых, Саврасовых, Соковниных, Соломоновых, Гладковых, Бабкиных, Плотовых и др. Здесь отрицательное явление, требовавшее его особого внимания, было иное: западное влияние энциклопедистов XVIII в. проникло и в эту глушь. Один помещик прислал даже самому священнику, вместе с другими книгами, сочинение Вольтера с собственным положительным отзывом. О. Петр вернул сочинение со следующим отзывом: «Если, как Вы говорите, славный ученый старик, 60-ти лет, занимается и рассеивает в публике такой яд, то я не знаю, что и подумать об нем: он должен быть человек самой безнравственной и испорченной совести. А Вы дивитесь его уму и остроумию; ведь и Ванька-Каин и Стенька Разин — были в своем роде остряки, так неужели стоит хвалить их? О славе Вольтера вот что скажу: лучше быть бедным комаром, никем не замечаемым, чем пирамидой, рождающей проклятия». И другое темное пятно в духовной жизни этой среды, от которого ему удавалось исцелять подопечных: иные из дворян, «принося пожертвования на благолепие храмов, не заботились о сознательном усвоении истин христианства и приложении их к своей жизни»³⁰.

Существенный материал о подвижниках, служивших на приходах городов Урала в рассматриваемый нами период, обобщен современной исследовательницей Е.С. Бальжановой по некрологам в «Епархиальных ведомостях» конца XIX — начала XX вв., составленных священниками, хорошо знавшими умерших. Автор подчеркивает, что к своим основным — пастырским обязанностям эти иереи относились не только с ответственностью, но и с любовью. Им были присущи: готовность служить в церкви с радостной настроенностью «и

в очередь и не в очередь»; отзывчивость на нужды и просьбы прихожан: «во всякое время дня и ночи», «без пререканий и промедлений» спешили и к бедному, и к богатому исполнить требы; свет «евангельской любви и братства» в проповедях и частных беседах³¹.

Эти же священники успешно выполняли значительные, порой многочисленные, обязанности в учебных, церковных и общественных учреждениях и организациях, где также сказывался высокий уровень их духовности. Так, протоиерей Александр Александрович Удинцев в течение 42 лет службы был законоучителем мужского Верхотурского училища 27 лет, а женского — 33 года; председателем Верхотурского отделения Епархиального училищного совета — 12 лет; благочинным градо-верхотурских и восьми сельских церквей — 19 лет; директором Верхотурского тюремного отделения — 18 лет; катехизатором — 9 лет. И это еще не полный список его обязанностей³².

Протоиерей Петр Семенович Киселев в начале своей деятельности был попечителем и казначеем в Пермском епархиальном попечительстве о бедных духовного звания; около 9 лет — законоучителем в народном училище и в Пермских батальонах кантонистов; без малого 30 лет состоял членом правления Соликамского духовного училища; с 1861 г. — директор местного тюремного отделения и действительный член Пермского статистического комитета; неоднократно присутствовал как представитель духовенства на земских собраниях в 1891–1893 и 1895 годах³³.

Должности протоиерея И.П. Любимова во время его долголетней службы на приходе в Перми: присутствующего в духовной консистории; попечителя о бедных духовного звания; смотрителя духовного училища (23 года «пользуясь все это время искренней любовью и доброй памятью учеников»); в семинарии возглавлял кафедру Священного Писания³⁴.

Значительной спецификой отличалось служение приходского священника на окраинах России. И в этих условиях успех их деятельности определялся прежде всего, духовным уровнем пастыря. На Кубани например, церковь была тесно связана с войском, с казачеством. Станичные батюшки не противостояли войсковым священникам, а в каких-то конкретных ситуациях были даже вза-

²⁹ Там же. С. 730.

³⁰ Там же. С. 728–729.

³¹ Бальжанова Е.С. Указ. соч. С. 157–158.

³² Бальжанова Е.С. Указ. соч. С. 156.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 157.

имозаменяемы³⁵. Общий религиозный уровень казачества благоприятствовал служению иерея, но гражданское и военное ведомства налагали на него немало административных обязанностей, в том числе совсем не связанных с церковным служением. Предреволюционные и современные исследователи при общей положительной оценке приходского духовенства Кубани, выделяют особенно деятельность о. Евфимия Тимофеевского³⁶. Выпускник Владимирской семинарии, он откликнулся на призыв кавказского начальства к духовенству центральных губерний служить во вновь заселяемых станицах и стал первым священником станицы Холмской и первым благочинным Абинского полка. Подвижник, совсем не знавший ранее казачьей среды, успешно проникает за счет своего духовного видения в актуальные для этого времени социальные и семейные проблемы и с амвона обращает внимание на религиозно-нравственный смысл их решения. Так, например, о. Евфимий выступал против отделения молодых семей от родителей после венчания, т. к. при этом «утрачиваются лучшие духовные качества христианина. Любовь и почтение к старшим в семье, смирение и уступчивость пред ними <...>»³⁷.

Сверх всех своих многообразных дел этот станичный батюшка хлопотал о приобретении духовной литературы для всех приходов благочиния; ратовал на страницах Ставропольских епархиальных ведомостей за ведение приходских летописей; составил статистико-этнографическое описание станицы Холмской³⁸. Так плоды живой веры дают человеку и высший познавательный инструмент.

Величайшее содействие возвращению на истинный путь заблудших душ из образованных дворян оказал ныне прославленный в соборе сибирских святых приходской священник Стефан Яковлевич Знаменский. Но именно эта сторона его многообразной деятельности наименее известна. Дело в том, что это были ссыльные декабристы и члены их семей. Поэтому в церковных описаниях жизни подвижника эти контакты обходятся молчанием, а в светских, особенно советского времени, контакты с декабристами отмечены, но в описании их отсутствует главное: влияние протоиерея на их духовное преображение.

О. Стефан (1804–1876), сын священника, богословское образование получил в Тобольской семинарии и уже в двадцать лет был рукоположен во священника. Он служил приходским батюшкой в Барнауле, Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Омске, и всюду проявлял себя как усерднейший в святом деле пастырь. «С требую

Деревянный Воскресенский собор
Черноморского казачьего войска (сер. XIX в.)

он был готов идти или ехать во всякое время дня и ночи, во всякую погоду» (а ведь это Сибирь!). «С одинаковым усердием и всегда поспешно отправлялся он и к богатому, и к бедному, к знатному и незнатному, пешком ли с тростью в руках, в коляске или в простой телеге». При этом расположение приходов было различным. Например, в Кургане и Ялуторовске его приходы включали много деревень, отстоявших от города на 15, 20 и 40 верст³⁹.

³⁵ Горожанина М.Ю. Военные священники. // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар. «Православный Екатеринодар», «Традиция». 2009. С. 201.

³⁶ Виноградов Николай, свящ. Священник Евфимий Тимофеевский. Биографический очерк. Кубанский сборник. 1913. С. 293–302; Кузнецова И.А. Станичный батюшка // Дело мира и любви... С. 213–214.

³⁷ Кузнецова И.А. Указ. соч. С. 214.

³⁸ Там же. С. 213–214.

³⁹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Июнь. С. 419–422.

О. Стефан Знаменский отличался образованностью, и совершенствовал ее постоянно. В продолжение пятидесяти лет службы на приходах исполнял дополнительно должности члена консистории и духовных правлений, эконома семинарии, благочинного, миссионера среди раскольников⁴⁰, законоучителя в уездном училище и губернской гимназии, экзаменатора по Закону Божию в разных учебных заведениях. Бескорыстный, нестяжательный, он всегда находил возможность благотворительствовать другим⁴¹.

Из дел, выполняемых сверх основного служения, особенной любовью праведника пользовалось школьное образование. На этой почве и начинались его контакты со ссыльными декабристами. В Ялutorовске он активно сотрудничал с И.Д. Якушкиным по созданию народной школы⁴². В дальнейшем о. Стефан был в большей или меньшей степени близок со всеми декабристами курганской, ялutorовской и тобольской колоний. Но наиболее близкие отношения он поддерживал с Фонвизинными, а это обстоятельство способствовало его духовному влиянию и на других ссыльных. Дело в том, что вокруг Наталии Дмитриевны Фонвизиной сложился кружок единомышленников, а о. Стефан был ее духовником. Остановимся на этом несколько подробнее, так как некоторые архивные и опубликованные материалы приоткрывают немного истинный характер взаимоотношений сибирского протоиерея с ссыльными.

В архивах сохранилась обширная переписка о. Стефана Знаменского с Н.Д. Фонвизиной, частично опубликованная сыном протоиерея, художником Михаилом Степановичем Знаменским⁴³. В переписке затрагиваются разные вопросы жизни семей Знаменских и Фонвизинных, но особенно значима в ней духовная тема, при чем обнаруживается и тонкий, прикровенный характер наставлений подвижника своим чадам. В рукописи о. Стефана «Добрые и полезные наставления» сформулирован этот подход: «Когда хочешь кому подать добрый совет в

пользу дела, то не говори тоном учительским, который всегда имеет нечто суровое, напротив, с тихостью наставляй, советуй, увещевай примером <...>»⁴⁴.

Как это делали и другие старцы, сибирский батюшка нередко говорит о собственных грехах, присовокупляя к этому наставление общего характера, необходимое для собеседника или адресата. «О себе скажу тебе, что проклятое Я во мне очень, очень живо», — писал он Н.Д. Фонвизиной. И в другом письме на эту же тему: разум «везде хочет нанизывать только себя, свои доводы и убеждения, и сколь бы они тверды сначала ни казались, под конец делаются как паутина, которую и малый ребенок духовный разорвет одним прикосновением. Блаженны те, кои познали нищету свою духовную, они ничего себе не приписывают, кроме падения и грехов, а все доброе, что только в них и от них произойдет, приписывают Единому Господу, не словами только, но и от всего сердца <...>»⁴⁵. В то же время он признавал и в одном из писем подчеркивал особенности свободы каждого человека: «... у каждого были свои повороты и свои следы в дороге, а путь один; повороты и свои следы разумно оттого, что каждый отдельно взятый человек есть мир особый, с другим во многом не схожий, и свободною своею особым отличаться на дороге»⁴⁶.

О высокой степени духовного влияния о. Стефана на ссыльных декабристов и их семьи писал в некрологе священник о. Александр Сулоцкий, сам входивший в их круг в Тобольске и хорошо знавший Знаменского: «<...> лица знатного происхождения и высокого образования, но по несчастью жившие в Сибири, наперерыв искали его знакомства, избирали его себе в духовники и вообще в руководители в духовной жизни, вели с ним переписку даже и по возвращении в Россию <...>»⁴⁷. Есть основания полагать, что праведный Стефан Омский косвенно (через Фонвизину и ее окружение), а может быть, и непосредственно (в Омске), оказал влияние и на духовное становление ссыльного петрашевца — Ф.М. Достоевского⁴⁸.

⁴⁰ В одну из своих миссионерских поездок в 1838 г., в пограничьи Ялutorовского и Курганского округов — в селе Щучье и соседних деревнях — о. Стефан склонил до 1000 раскольников к единоверию и 200 человек — в православие. Там же. С. 428.

⁴¹ Там же. С. 419, 426.

⁴² Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Ученые записки Московского Городского Педагогического института. 1941. Т. 2. Вып. 1. С. 47.

⁴³ РО РГБ. Ф. 319. Фонвизины. Оп. 1. Папка 2. Д. 12–17, 20; РГАЛИ Ф. 765. М.С. Знаменский. Оп. 1. Д. 85 и др.; Наталия Дмитриевна Фонвизина. (Из бумаг протоиерея Знаменского). Публикации М.С. Знаменского // Литературный сборник. Спб., 1885.

⁴⁴ РГАЛИ Ф. 765. Оп. 1. Д. 63. Л. 3об. — 4.

⁴⁵ РО РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Папка 2. Д. 14. Л. 3об.; Д. 15. Л. 6.

⁴⁶ РГАЛИ Ф. 765. Оп. 1. Д. 95. Л. 1об.

⁴⁷ Там же. Д. 94. Л. 1.; Д. 88. Л. 30, 408.

⁴⁸ Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 88–101.

Иные трудности были у пастырей, приходы которых располагались в местах населенных сибирскими народами. Среди окормляемых ими прихожан было много нерусских, недавно отошедших от язычества-шаманизма. Кроме того, из-за недостаточного количества духовенства в Сибири, приходских священников привлекали к деятельности Духовной миссии за пределами их приходов. Они же посещали дальние, расположенные в тайге или в горах, поселения христиан-кочевников, не имевших постоянного духовного окормления. Конкретно предстают особенности такого служения, например, из дневниковых записей самого священника — о. Никандра Титова, опубликованных Х.В. Поплавской⁴⁹. Он служил в Нерчинском округе в Предтеченской церкви поселка Зюльза. В его заметках затрагиваются события 1902-1911 годов; особенно подробно описано служение вне прихода (поездки) в 1904 и 1907 годах. Записи предназначались для отчетов в Забайкальскую Духовную миссию, но попутно они отражают и жизнь прихода.

«В 1902 и 1903 годах», — пишет о. Никандр, — «некоторые бродячие орочёны обращались ко мне с просьбою о посещении их отдаленной тайги для исполнения у них духовных треб». С конца 1903 г. он начал готовиться к поездке — закупать иконы, крестики, свечи, ладан, крестильные рубашки и пр.; заказал палатку со всем необходимым для походной церкви. Выехали в феврале 1904 г. по р. Нерче до улуса Кыкэрского, населенного православными инородцами, где можно было совершать требы в церковно-приходской школе. Далее — по притоку Нерчи — на север, Становой хребет перевалили по глубокому снегу. Там была «непроходимая, безлюдная тайга». (Лошади ели снег и падали от изнурения). «На Усть-Каранге я встретил до 100 орочён обоого пола, выполнил духовные требы и проехал на паре в санях <...> 120 верст, где собравшихся орочён обоого пола было до 450 душ, юрты которых были рассеяны в окрестностях <...>, приходилось их объезжать по отдельности»⁵⁰.

Здесь надо было не только выполнять требы, но «привлекать в христианство язычников, беседуя с ними о преимуществе православия. Подготовленных к таинству я собирал в свою палатку для совершения крещения, если же они по много-

численности не вмещались в нее, тогда, по моему предложению, в лесу разводились костры, около которых ставились складные стол для креста и крещального прибора и стул для постановки купели. Готовящиеся ко крещению с восприимниками становились около костров, и совершалось крещение под открытым небом, при 40° (сорокаградусном морозе). Получалось что-то необыкновенное, духовно торжественное, когда многочисленный сонм новокрещенных орочён с их восприимниками обходил кругом купели и костров при пении: «Елицы во Христа креститесь...», имея в руках зажженные свечи, и в праздничном, духовно-радостном настроении. Невольно вспомнилось при этом Крещение Руси»⁵¹.

Венчание браков совершалось также в палатке или под открытым небом. Затем о. Никандр исповедал и причастил до 100 бродячих орочён и попросил у родового их старосты оленей с проводником для посещения юрт, расположенных в недоступных для проезда на лошадях местах. Проводников дали трех; ехали без какой-либо тропинки по глубокому снегу; нередко сани опрокидывались и батюшка вылетал из них в снег. В недоступных для оленей местах добирались до юрт пешком, потом возвращались к оленям. Праведник трогательно описывает благожелательный прием в юрте, благоговение и внимательность всей семьи. Совершенно справедливо автор вводной статьи к публикации дневника Х.В. Поплавская отмечает любовь о. Никандра Титова «к своему делу и к тем людям, среди которых он служит и проповедует»⁵².

С большими трудностями связано и летнее передвижение в этих местах. В дневнике сообщается, что 30 мая 1907 г. к о. Никандру пришел из Кыкэрского улуса человек с прошением от тунгусов — «поднять к ним св. иконы из Зюльзинского храма для низведения на них чрез принесение означенных святых икон милостей Божиих, особенно дождя, столь нужного для погибающей растительности вследствие продолжающейся засухи». Пастырь «душевно радуясь проявлению такой веры и усердия к Св. Церкви», охотно согласился, прибавив еще заход в Акиминский улус (оба селения отстояли от Зюльзы более чем на 100 верст). При этом он наметил выход крестного хода на день Св.

⁴⁹ Дневник сотрудника Забайкальской Духовной миссии, священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова. Вводная статья и публикация — Х.В. Поплавская // Традиции и современность. Научный православный журнал. М. 2002. №1 С. 100–123.

⁵⁰ Там же. С. 109–110.

⁵¹ Там же. С. 110.

⁵² Там же. С. 105, 111.

Духа, а сам отправился в Читу — по неотложным делам прихода. Вернувшись за три дня до намеченного срока, о. Никандр застал в Зюльзе ожидающих его уже несколько дней мужчин, женщин и детей из улуса. В день Св. Духа, после литургии, когда священник «наскоро подкрепившись чаем» укладывал вещи в дорогу (через два часа прозвучит особый церковный звон, возглашающий о начале крестного хода), к нему явилась группа орочен с просьбой совершить венчание над двумя парами, приехавшими издалека, что и состоялось. Затем о. Никандр вручил новобрачным и сопровождавшим их лицам иконы и беседовал с ними о воспитании детей⁵³.

Крестный ход отправился, несмотря на жару, доходящую до 40°, по болотистым и горным местам. Перед ночлегом батюшка с проводником, псаломщиком и церковным старостой выезжали верхом вперед, чтобы выбрать место без ядовитых змей. Всеночное бдение он служил святителю Иннокентию Иркутскому — первому сибирскому миссионеру. Паломники ставили свечи перед пнем, на котором был возложен антиминс, а запрестольные иконы — в палатке. Всеночная сопровождалась всеми обычными песнопениями, а затем священник рассказал, как в V в. при императоре Феодосии Младшем в Константинополе коллективным молением было остановлено страшное землетрясение, родилась молитва «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный». При этом объяснил, как нужно молиться о дожде — с покаянием и верой в то, что это будет ниспослано. Ночью в палатке (все спали на траве у костров) о. Никандр не мог уснуть из-за комаров и боли от верховой езды⁵⁴.

Дождь пошел, когда приближались к Кикэру. Он был обильный — теперь можно было надеяться на нормальный урожай хлеба. Довольные, веселые и промокшие паломники входили в улус. На следующий день о. Никандр крестил младенца, а затем по «приглашению улусян ходил по домам их для совершения водосвятных молебнов при многочисленном сонме молящихся, благословляя каждого домохозяина св. иконой и вручая ему для назидания книжку или листок духовно-нравственного содержания, а также против современных пороков пьянства, картежной

игры, сквернословия, воровства, распутства, атеизма, социализма, забастовок и проч». Совершено было более двадцати молебнов. Потом молебен на озере и крещение взрослого из мусульман. Затем батюшка с некоторыми тунгусами и ороченами занялся устройством палатки на кладбище со всем необходимым для совершения всенощной (а завтра — литургии) и поминовения всех усопших, там похороненных. После всенощной пастырь-миссионер сказал слово о необходимости исповедоваться и причащаться и принял исповедь у 59 человек. Пребывание в улусе священника и радость по поводу посланного по общим молитвам дождя создали в улусе праздничную обстановку — пасхальную, как определяли жители. Батюшка совершил еще всенощную и литургию в церковноприходской школе, чтобы дать возможность причастить всех младенцев и дряхлых. Такое же служение прошло и в соседнем Акиминском улусе. При обратном движении крестного хода паломников остановил казак у принадлежавшего ему хлебного поля, где был совершен молебен с водосвятием. А в Зюльзе о. Никандра уже ждал с нетерпением собственный приход и заявка на следующий выезд в дальние селения⁵⁵.

Завершая наш краткий обзор служения на приходах священников высокого уровня духовности в разных условиях России XIX в., следует сказать о самом известном из них — великом святом Иоанне Кронштадтском, занимавшем этот скромный пост. Читатели нашего журнала много знают о нем, поэтому позволим себе привести здесь лишь свидетельства писателя А.В. Круглова, непосредственно наблюдавшего деятельность праведника и общавшегося с ним в Кронштадте и других местах. Значение этих впечатлений имеет особую ценность потому, что они были опубликованы при жизни Иоанна Кронштадтского⁵⁶.

Писатель ехал в Кронштадт «в будничном настроении, занятый земными делами, можно сказать, далекий Небу, ехал с удрученной душой, с омраченным сердцем». На общей исповеди он, как и многие присутствовавшие, пережил особое состояние просветления и освобождения от духовной тяжести; «чувствовалось присутствие какой-то высшей благодатной силы»⁵⁷.

⁵³ Там же. С. 110–113.

⁵⁴ Там же. С. 113–114.

⁵⁵ Там же. С. 114–121.

⁵⁶ Круглов А.В. «Кронштадтский пастырь» // Душеполезное чтение. Ежемесячное издание духовного содержания. М., 1901. Ч. III. С. 334–344, 535–552.

⁵⁷ Там же. С. 536–537.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Круглов описывает повседневный труд протоиерея. Заутреня начиналась в 4 часа ночи, за ней — обедня и «О. Иоанн приобщал до 12 часов дня». Затем — поездки по частным домам, гостиницам, больницам — всюду, где его приглашали и ждали с волнением и благоговением. Вечером — отъезд в Петербург, и «если из Петербурга не увезут о. Иоанна куда-либо», он возвращается домой в первом часу ночи. Дома его ждет множество народа, десятки новых неотложных приглашений, новых писем. Не было определенных часов для питания и сна — только урывками. Нередко приходилось проводить их в вагоне железной дороги или в карете. Современники справедливо полагали, что «уже одна эта многотрудная жизнь о. Иоанна сама по себе представляет собой величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столь много всевозможных лишений»⁵⁸.

О. Иоанн, постоянно наставляя молодежь, горячо и проникновенно говорил о значении церковной службы, и соответственно, посещения Церкви. «В храме предлагается высшая школа

действительной, высокой, благородной, полезной и благотворной жизни. <...> Голос церковных чтений, песней, молитв и молений, — это голос душ наших, излившийся от сознания и чувства наших духовных нужд и потребностей. — Это голос всего человечества, сознающего и чувствующего свою бедность, свою окаянность, свою греховность, свою нужду в Спасителе, нужду в благодарении и славословии за бесчисленные благодеяния и бесконечные совершенства Божии. Чудны эти молитвы и песни: они — дыхание Духа Святаго! Беда вся только в том, что они часто достигают только до нашего слуха, не проникая во внутреннее святилище наше. <...> Кто слушает внимательно церковные песнопения, тот каждый раз будет находить в них все новый и новый смысл. <...> Я испытал это не один раз. Некоторые из наших прогрессистов почитают церковь врагом для себя. Но если есть кто любвеобильнее, благожелательнее и мудрее в своей любви к людям, то это Церковь. Все, что есть сообразнейшего в нашей природе и благопотребнейшего для нее, — все это заключается в Церкви, как сокровищнице, подобно тому, как в Евангелии заключены глаголы Живота. Церковь есть истинная мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг Христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием или подаванием помощи силою Господа. <...> Потому надо неотложно, разумно, благоговейно и охотно посещать богослужение, особенно в праздничные дни, участвовать в таинствах покаяния и причащения, внимательно относиться ко всем установлениям и канонам Церкви»⁵⁹. (Сам он причащался ежедневно, за редким исключением).

В условиях нарастающей революционной агитации святой стремился в разных выступлениях подчеркнуть, что «наше богослужение не только не отрешено, не отъединено от действительной жизни, но и связано с нею такими узами, о коих многие и не подозревают. Своим богослужением православная Церковь воспитывает всех нас в гражданах земных и небесных»⁶⁰. (Курсив наш. — М.Г.).

При этом кронштадтский пастырь давал слушателям понять, что появление новых положительных свойств и возможностей происходит по мере духовного возрастания, обретения благодати на

⁵⁸ Там же. С. 536–539.

⁵⁹ Там же. С. 546–550.

⁶⁰ Там же. С. 549.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

благодать. Так, во время пребывания в Самаре в 1902 г.⁶¹, в беседе со священниками о силе пастырской молитвы, он откровенно свидетельствовал о собственных усилиях на этом пути⁶². При каждой возможности Иоанн Кронштадтский решительно обличал Льва Толстого и других разрушителей православной Церкви, истинной духовности и нравственности⁶³. Его личность и вся деятельность святого наиболее выразительно свидетельствуют о значении уровня духовного возраста. Благодаря деятельности подвижника и святого скромный приход Кронштадта превращается во всероссийскую кафедру наделения Божественною благодатью.

+ + + + +

Приходские священники — это та часть духовенства, которая постоянно и непосредственно общается с основной массой людей, живущих в миру. Именно они, приходские священники, обеспечивают возможность приобщения к церковной жизни, восприятие святости служб и таинств, обретение живой веры, которая пронизывает все существование человека. Так может ли исследователь светской истории или социолог современности относить их деятельность лишь к предмету истории церкви или агиографии? Тенденциозно-враждебное освещение приходского духовенства учеными и публицистами — атеистами получило развитие уже в XIX в., а в советский период превратилось в злобно-карикатурный школьный штамп, поэтому и существует острая необходимость в объективном изучении этой темы.

К сожалению, в архивах многие церковные фонды были основательно «почищены»: уничтожали положительный материал, оставляя факты жалоб или негативные характеристики. Но объективные источники (переписка, мемуары и др.) сохранились в личных фондах людей самых разных профессий, общавшихся с духовенством. Мы имеем в виду как личные фонды в архивах⁶⁴, так и сохраненные частными лицами в домашних собраниях⁶⁵.

Данная статья — лишь один из первых шагов в приобщении историков к названной теме — дает возможность выделить некоторые черты, общие для деятельности приходских подвижников благочестия в условиях многообразной действительности России XIX — начала XX вв. Это — прежде всего, самоотверженное усердие в служении, превосходящее обычные человеческие возможности. Оно постоянно, устойчиво превосходит наши привычные представления не только по срокам —

⁶¹ Праведный Иоанн Кронштадтский дважды посещал Самару — в 1894 и 1902 гг. Материалы местной прессы отразившие его триумфальное (огромное количество народа) пребывание на Волге, собраны и опубликованы вместе: Духовный собеседник. Самара. 2008. № 1 (53) — 2 (54). С. 6–35.

⁶² Там же. С. 10–11.

⁶³ Он говорил об этом в проповедях, произносимых в больничном храме и в день своих именин. См.: Слово отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского), произнесенное 1 октября в церкви при лечебнице Лепехина в Москве. // Душеполезное чтение. Ч. 3. М., 1901. С. 554–555. В том же году — в день прп. Иоанна Рыльского (19 окт. / 1 ноября). В этой проповеди он призывает: «Будем более всего на свете дорожить своею принадлежностью к Церкви святой. Это особенно необходимо в наше шаткое, смутное время неверия именующих себя мудрыми и разумными, но которые, по Богомудрому слову Писания, «объюродеша», стали глупыми, несмысленными» (Римл. I, 22) <...> Цитируя Апостола, святой проповедник «смутного времени» конца XIX — начала XX вв. утверждает: «Посему я говорю и заклиная Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы (или наши либералы, толстовцы и прочие сектанты), по суетности ума своего, будучи омрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердец их». (Ефес. 4, 14–25). Там же. С. 682–683.

⁶⁴ См. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I. А–М. М. 1963; Т. II. Н–Я. М., 1963.

⁶⁵ Интересный и плодотворный опыт сочетания архивных материалов из государственных хранилищ, частных собраний потомков и дореволюционных публикаций источников для восстановления истинной истории духовного сословия конкретной епархии представляют собой подготовленные П.И. Новосельским «Владимирские краеведческие хроники» (Вып. 1–5., 2013–2015 гг.).

соотношение труда и отдыха, но по особенному духовному воздействию на прихожан и всех вступающих в контакт с пастырем людей — в службе, таинствах, проповеди, беседах, требах, наставлениях, преподавании и пр. При этом присутствует способность понять людей очень разных по их религиозности, образу жизни, взглядам, занятиям, возрасту и помочь им с любовью, откликнуться на их просьбы в сложной ситуации. Всегда и во всем — единая православная истина, но передача, подача ее — разная, с учетом тонких нюансов духовной реальности — никакого стандарта или формального подхода.

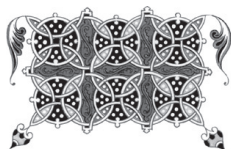
«В пастырском подвиге, — отмечает митрополит Питирим (Нечаев), — проявляется непосредственная помощь Божия. Этот путь особенно личен, индивидуален, неповторим. Это — харизма, непосредственное дарование благодатной силы Божией... Путь постоянного возгревания в себе дара благодати — через внимание к себе и своей пастве. Наивысшим образом он был проявлен в личности и служении святого праведного протоиерея Иоанна Кронштадтского».⁶⁶

Эти люди — «добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Петр. 4, 10). Одни из них уходят в иной мир рано, сделав много для православного просвещения, другие — получают силу бесстрашно жить, утверждая истину до глубокой старости. И на тех, и на других не сказывается отрицательно — среда, историческая ситуация, попущенная Богом эпоха, а наоборот, мобилизует все их увеличенные благодатью силы на противо-

стояние злу, на духовное укрепление себя самих и других людей. Очень четко выступают из свидетельств современников решительность отрицательных оценок иереями-подвижниками действий разрушительных сил и успешность в применении молитвенных средств для защиты от них.

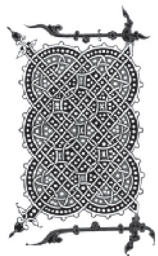
Все это, разумеется, воспринималось в обществе по-разному: от восторженного понимания, великой духовной радости и готовности помочь пастырю — до озлобления и ненависти, порождавших клевету и преследования. Велики были физические трудности миссионерского дела священника в горах или непроходимой тайге, но страшнее стихий были цивилизованные интеллигенты по духовной своей сути (из какого бы сословия они не выходили), отошедшие от церкви, утвердившиеся в безверии и стремящиеся «улучшить» жизнь человечества по собственному разумению или вычитанному, выслушанному у еще более «разумных».

Отрекшийся от Бога интеллектуал разве мог оценить великую деятельность скромного приходского священника? Может ли разрушитель духовной жизни понять ее создателя? Может. Но только при его собственном преображении. Тогда петрашевец Ф.М. Достоевский превращается не только во всемирно известного литератора, но выражает в своем «Дневнике писателя» религиозно-философские идеи русского народа, близкие всем христианам. Подобные преображения, лишь в более скромных масштабах деятельности и известности, совершались при содействии каждого из приходских пастырей, о которых шла выше речь.

⁶⁶ Цит. по: Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней. Обзор аскетической литературы. Автор-составитель Николай Новиков. Т. I. М., 2004. С. 598.

НАУЧНЫЙ ОЧЕРК

Г. П. Дурасов

К истории восстановления Свято-Троицкого Болдина монастыря

Судьба болдинских сокровищ

Настоятель Свято-Троицкого Болдина монастыря архимандрит Антоний (Мезенцев) осенью 2014 г. попросил меня помочь организовать в монастыре историко-художественный музей. Такой музей существовал здесь до 1920-х годов, вплоть до упразднения советской властью древней обители. Экспонаты разбросали по разным местам. Ценные памятники архитектуры достались Главнауке, самые ценные из предметов монастырского обихода (в том числе и литургические сосуды) были переданы в музей.

До 1929 г. в величественном Троицком соборе конца XVI в. наряду с музейной экспозицией продолжались церковные богослужения, и ни музейщики, ни насельники (их оставалось всего семь человек) не мешали друг другу. Более того, Государственный музей церковной старины и искусства в бывшем Болдинском монастыре сдавал «во временное пользование гражданам монахам» и часть построек, и бывший монастырский сад из 700 яблоневых деревьев возрастом от 10 до 30 лет. К примеру, урожай 1923 г. составил 1750 пудов (28 тонн) «яблок и прочих фруктов»¹.

Свято-Троицкий Болдин монастырь, вид с юго-востока.
1929. Фото М. Погодина

Но в конце 1929 г. грянула гроза, и особым постановлением было предписано музей бывшего Болдинского монастыря перевести в г. Дорогобуж и «прекратить дальнейшее незаконное использование зданий закрытого монастыря в целях культа». А все постройки передать под культурно-просветительские цели и для нужд организуемого колхоза². Во исполнение этого постановления 200 подвод, собранных из окрестных колхозов, загрузили монастыр-

¹ Болдин монастырь. Из архива архитектора-реставратора П. Д. Барановского / Сост. и автор обзорной статьи А. М. Пономарев. М., 2004. С. 93, 99, 101.

² Пономарев А. М. Свято-Троицкий Болдин монастырь: Хронология жизни обители, дела и судьбы настоятелей монастыря в контексте истории страны. Смоленск, 2008. С. 132.

ским имуществом, состоявшим из собрания серебра и церковных предметов, риз с икон, богослужебных книг, деревянной скульптуры, бронзовых и деревянных паникадил, деревянного резного иконостаса, и вывезли все в Дорогобуж.

Монастырские сокровища были сложены в закрытой к тому времени Дмитровской церкви. Вскоре помещение храма потребовалось Конторе по заготовке зерна, или просто Заготзерну, и Болдинские сокровища перевезли теперь уже в дом Полуэктова, что находился неподалеку от Днепра. Весна была многоводной, и дому стало грозить подтопление. Тогда болдинские сокровища еще раз перевозят и хранят теперь уже в разных местах. В Гостином дворе, в бывшем доме Пивоварова, в бывшем арестантском доме, в доме Ревякиных. А оставшаяся часть экспонатов была сложена в ветхой дворовой каменной пристройке, — для их хранения лучшего места в городе не нашлось.

Руководить вывозкой из Болдина в Дорогобуж музейных экспонатов было поручено сторожу М.С. Щурову. В 1964 г. своему бывшему начальнику П.Д. Барановскому он расскажет: «...Изразцовую печь из Введенской церкви не вывозили, но помнится, что позднее через несколько месяцев ее разбирали, паковали в ящики и отправляли, вероятно, в Смоленск. Туда же, кажется, была отправлена икона Герасима на холсте с рисунком монастыря».

Затем началась чехарда с директорами Дорогобужского музея: после Н.И. Савина директором назначили художника Булычева. Но он обустройством музея совсем не занимался. Его заменил некто С. Капутовский, который тоже ничего полезного для музея не сделал, а только раздал экспонаты, в том числе и болдинские сокровища, по разным организациям, а сам ... умер³. Вот такая печальная и в то же время таинственная история произошла с национализированным монастырским достоянием.

Архимандрит Антоний (Мезенцев), настоятель возрожденного Свято-Троицкого Болдина монастыря, — глубокий ценитель и почитатель древнерусской книжности, хоровой и классической музыки и хорошей русской литературы. Многие

годы своей жизни он увлеченно собирал церковную старину: иконы, книги, шитье. А когда после окончания школы пришел в монастырь послушник Тимофей Донских, настоятель его заметил и благословил быть при нем келейником. Свое внимание отец Антоний обратил на него вот почему. В свободное от послушания время Тимофей принялся исследовать руины, в которых немецкие варвары похоронили Введенский храм, колокольню и древний Свято-Троицкий собор времен Бориса Годунова. Среди битого кирпича ему встречались фрагменты изразцов, которые некогда богатым узорочьем украшали отопительные печи. По благословению настоятеля уже тогда послушник Тимофей стал собирать экспонаты для нового монастырского музея.

П.Д. Барановский. Проект реставрации Троицкого собора.
Западный фасад. 1918

По руинам Свято-Троицкого собора Тимофею приходилось ходить с оглядкой. Восстановлением взорванных фашистами в 1943 г. храмов и колокольни руководил Александр Михайлович Пономарев, последователь выдающегося архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского.

³ Болдин монастырь... С. 105.

Он, как и его учитель, собирал и изучал древние монастырские изразцы, намогильные плиты и зорко следил за увлеченным послушником, чтобы тот чего лишнего не припрятал в своей келье. Свои же находки хранил он в кладовой под замком, куда допускался далеко не каждый. Послушник Тимофей, человек открытый и благожелательный, показывал свои находки всем, кто интересовался историей монастыря. «Почему бы не сделать так, — думал он, — чтобы каждый монастырский паломник мог познакомиться со славной историей и художественной культурой Болдинской обители». По благословению настоятеля он решает создать музей, чтобы в нем хранилось все, что было найдено на монастырской территории. Ведь случилась же досадная история, когда в 1995 г. при закладке нового келейного корпуса были найдены залежи древних изразцов. Лежали они в яме размером полтора на полтора и глубиной в два метра. То есть сразу было найдено четыре с половиной кубометра зеленых и многоцветных изразцов, — целое огромное собрание. Всех этих сокровищ было достаточно, чтобы сделать, скажем, музей древнерусских изразцов. Как бы они украсили экспозицию монастырского музея, о котором мечтал и отец Антоний!

Предложение игумена монастыря я принял с радостью и согласился помочь в организации

музея и подготовке экспозиции. А с музейным и выставочным делом был знаком давно: несколько лет работал в Комиссии по народному искусству Союза художников России. В Рублевском музее главный хранитель В.В. Кириченко предлагал мне даже занять его место. В деревне Темкино, что на Смоленщине, 50 лет жила выдающаяся православная подвижница нашего времени схимонахиня Макария. Я лично знал ее более восьми лет, и после ее смерти, в 2003 г., создал Народный музей схимонахини Макарии. Сегодня о нем знают не только во многих городах нашей России, но и далеко за ее пределами. Много раз бывал в этом музее и отец Антоний со своей братией. А весной 2015 г. передал мне файлы со старинными монастырскими фотографиями.

Загадочная фотография

Просматриваю основные работы о Свято-Троицком Болдином монастыре, с надеждой найти древнее или хотя бы старинное изображение основателя обители. Оно должно стать центром экспозиции. Останавливаюсь на двух монографиях. Первая была публикацией архива исследователя обители П.Д. Барановского «Болдин монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского». Вторая посвящалась настоятелям Болдинской обители.

Преподобный Герасим Болдинский с монастырем. Икона от раки. 2-я пол. XVIII в.

Оказалось, что до 1812 г. изображений основателя монастыря преподобного Герасима известно лишь два: небольшая аналойная икона и тоновая фотография с большой иконы от раки святого. В этих двух книгах и помещена эта фотография, где запечатлен молящийся монах у стен Болдина монастыря. Обе иллюстрации были очень низкого качества. В первой книге, сообщалось, что фотография находилась в диссертации П. Барановского «Памятники древнерусского зодчества в Болдинском монастыре Смоленской губ. Москва, 1918 г.» на звание ученого-археолога. На подрисуночной подписи значится: «Изображение Болдинского монастыря на иконе XVIII–XIX вв. 16,3 x 11,34»⁴. Во второй книге та же фотография подписана: «Преподобный Герасим Болдинский на фоне основных сооружений Болдинского монастыря, икона конца XVIII в. Фото 1920-х годов»⁵. В третий раз А.М. Пономарев упоминает об этом изображении преподобного Герасима в «Православной энциклопедии» как об изводе его иконографического изображения и датирует его концом XVIII – началом XIX в.⁶

Преподобный Герасим Болдинский с Болдинским монастырем Конец XVIII-нач. XIX в. из собрания П.Д. Барановского

Среди переданных мне файлов со старыми фотографиями монастыря, отобранных для экспозиции музея, я нашел и тот, который меня заинтересовал. Это было превосходное фото с той самой иконы преподобного Герасима у стен монастыря. Теперь самым внимательным образом я мог рассмотреть каждый сантиметр этого изображения. Оказалось, что сама фотография была выполнена контактным способом со стеклянного негатива. Резкость и четкость кадра, правильно поставленный свет отличали это фото. На нем была видна каждая трещина и кракелюра. Фотографом был, по всей вероятности, не сам П.Д. Барановский, а внук известного историка М.П. Погодина – Михаил Иванович Погодин. Он участвовал в формировании Болдинского музея и в свое время производил фотосъемку в Болдино по просьбе П.Д. Барановского⁷.

При большом увеличении, сантиметр за сантиметром, внимательно рассматривая на мониторе компьютера удивительно красивую живопись, выполненную на холсте, по пропорциям близкому к «золотому сечению». Большую часть холста занимает изображение Болдинской обители (без кирпичной ограды), окруженной деревьями. Обитель мы видим из-за реки, т.е. с южной стороны. Слева, в монашеском одеянии, в куколе, с нимбом вокруг головы и воздетыми к небу руками, стоит преподобный Герасим Болдинский. Об этом свидетельствует надпись, расположенная на уровне нимба. Из его уст к небу как бы исходят слова молитвы: «Господи, да будет благословение Твое и буди ести дела...» (далее текст неразборчив).

Во много раз увеличивая лик и вижу, словно на старинной парсуне, удивительный образ преподобного Герасима: большие ясные очи, характерно выгнутые брови, орлиный нос, скуластое с впалыми щеками молитвенника и постника лицо, небольшая круглая борода. Изображенный был человеком большой силы воли и созидательного ума.

Такое живое восприятие изображенных иконописцем или художником святых встретишь нечасто, и запоминаются они на всю жизнь. Как забываем облик преподобного Сергия Радонежского на известной плащанице начала XV в., Дмитрия Прилуцкого на среднике его житийной иконы работы Дионисия начала XVI в., преподобных Серафима Саровского и Амвросия Оптинского на прижизненных портретах XIX в. Их облик, черты лица

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Пономарев А.М. Свято-Троицкий Болдин монастырь. Хронология... С. 17.

⁶ Пономарев А.М. Герасим [Болдинский]. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 148.

⁷ Болдин монастырь... С. 23.

драгоценны, ведь в них мы видим преображенное и просветленное благодатью Духа Святого человеческое естество. Светом божественной доброты и любви наполнены их лица. Подобные изображения святых называют богословием в красках, они дополняют их жизнеописания, помогают нам еще глубже постигнуть их духовный образ.

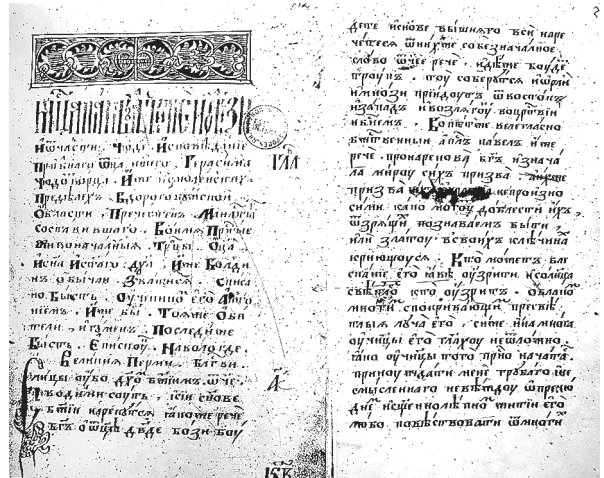
Преподобный Герасим Болдинский.
Фрагмент иконы

Житие преподобного Герасима

Преподобный Герасим Болдинский (в миру Григорий) родился в 1488/1489 г. (точная дата рождения неизвестна) в г. Переславле-Залесском. Отца его звали Михаилом, мать Марией. В юности своим духовным отцом он избрал преподобного Даниила Переславского. В 1501/02 г., в возрасте 13 лет, Григорий поступил послушником в Переславль-Залесский Успения Пресвятой Богородицы монастырь, где настоятелем был его духовник. Позднее юноша перешел в основанный Даниилом в 1508 г. Переславль-Залесский Троицкий монастырь, где был пострижен в монашество своим духовным отцом. В монашеском постриге ему было наречено имя Герасим, в память преподобного Герасима Иорданского. (По-гречески это имя означает «почтенный».) Через преподобного Даниила Герасим становится духов-

ным преемником преподобного Сергия Радонежского: «бе убо блаженный Данило, ученик преподобного Пафнотия — чудотворца Боровского. Пафнутий же ученик старца Никиты Переяславского, Никита же — ученик преподобного Сергия чудотворца».

Житие преподобного Даниила (написанное в 1553–1562 гг.) рассказывает, что Герасим был

Житие преподобного Герасима Болдинского.
2-я пол. XVII в.

«кожествец», т.е. кожевник, человек, который занимался выделкой кож. А ремесло это требует больших затрат физической силы и выносливости. Герасим много помогал преподобному Даниилу в деле устройства жизни монастыря, был любимым его учеником и двадцать лет прожил в келье со своим старцем. Герасим сопровождал его в поездках в Москву, где их хорошо знали при дворе Великого князя Василия III. Прожив в Троицком монастыре 26 лет, в 1528 г. он получает благословение своего духовного отца Даниила на пустынножительство, покидает Троицкий монастырь и поселяется на Смоленской земле⁸.

На протяжении многих столетий Смоленщина была рубежом между православной Русью и католической Европой. Ближайшие по местоположению соседи воспользовались ослаблением Руси татаро-монгольским нашествием. В 1396 г. Смоленская земля была завоевана Великим княжеством Литовским. Невзгоды Руси стали источником политического процветания Литвы. С этого времени Москва ведет упорную и продолжитель-

⁸ Житие преподобного Герасима, Болдинского чудотворца / Предисловие Архимандрита Андрея. М., 1893. С. 10–46; Крушельницкая Е. В. Герасим [Болдинский] // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 144–147; Она же. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. С. 213–284.

ную борьбу за возврат исконных Русских земель. Великий князь Иван III в войнах 1492–1494 и 1500–1503 гг. привел Литву к поражению. В результате войны с Литвой и Польшей 1507–1521 гг. Василий III вернул России в 1514 г. Смоленск. Но только в 1522 г., по мирному договору, вся территория Смоленщины отошла к Москве.

В 1528 г. Герасим, которого лично знал Великий князь Василий III, приходит в окрестности Дорогобужа, который в 1514 г. вошел в состав Российского государства (до этого более 100 лет он был частью Великого княжества Литовского).

Житие преподобного об этом повествует так: «Пришел на место сие как один из нищих, на лес сей, в пустыню, на ней же разбойники живяху». Не исключено, что Герасим мог быть послан в эти края с ведома самого Великого князя. И целью было основание одной или нескольких обителей, которые стали бы православным форпостом на западных рубежах России. Не случайно выдающийся русский ученый, реставратор и архитектор П.Д. Барановский, отдавший много лет изучению основанной преподобным Герасимом обители, напишет: «Болдинский монастырь был подлинно пограничным монастырем, несшим за собою просвещение в духе православия и Русское искусство в противоположность искусству Польши, надвигавшемуся с запада вместе с католичеством»⁹. Именно поэтому монастырю и при жизни самого основателя, и в последующие времена будут покровительствовать цари: Иван Грозный, Федор Иванович, Борис Федорович Годунов и их родственники и бояре. Многочисленные вклады и дары обеспечат процветание обители вплоть до Смутного времени.

В Дорогобужском у., близ Старой Смоленской дороги, преподобный Герасим поставил «келейцу малу». Невдалеке от дороги повесил на дереве «кузовец» для сбора милостыни и питался тем, что клали в него проходившие люди. Герасим делился полученным хлебом и деньгами с путниками и нищими. А когда святой покидал хижину, ее и «кузовец» от зверей, птиц и людей охранял ворон. На подвижника неоднократно нападали разбойники и проходившие по дороге путники. А местные жители восстали на него за то, что он занял их «вотчину».

25 марта 1528 г. Герасим после бывшего ему видения перешел на берег р. Болдинки, что в 10 верстах от Дорогобужа. На поляне, рядом с источником, он поставил крест и небольшую келью. По всей вероятности, место это было давным-давно обжитым. Почти полтысячи лет спустя здесь бу-

дут проводить археологические раскопки и среди руин и фундамента взорванного немцами в 1943 г. Троицкого собора обнаружат фрагменты керамики домонгольского периода¹⁰.

Крестьяне из окрестных сел, недовольные этим соседством, замыслили убить подвижника. Схватив и избив святого, они связали его и отправили в Дорогобуж. Там подкупленный ими наместник приговорил Герасима к заключению в темнице. Но во время суда в город прибыл великокняжеский посланник, видевший Герасима в Москве при государевом дворе. Он вступился за него, и наместник был вынужден с почестями и дарами отпустить подвижника. К Герасиму начали приходиться искавшие монашеской жизни мужи. Для них были поставлены кельи и часовня.

Вскоре Герасим отправился в Москву, где получил от государя разрешение на создание новой обители. В год рождения долгожданного наследника Великого князя, будущего первого русского царя Ивана Грозного, 9 мая 1530 г., был освящен деревянный Троицкий храм с приделом преподобного Сергия Радонежского. Как и великий игумен земли Русской преподобный Сергей, Герасим посвятит свою жизнь Пресвятой Троице и служению великому национальному делу объединения русских земель вокруг Москвы. Не исключено, что именно Герасим Болдинский стал первым на Смоленской земле благодатным благовестителем почитания преподобного Сергия Радонежского¹¹. Чтил его как своего небесного покровителя и как покровителя основанных им обителей.

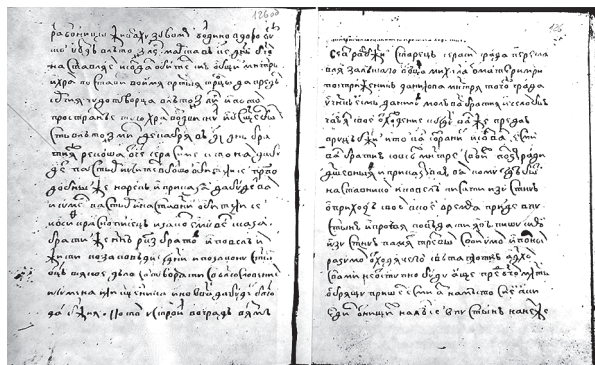
Свято-Троицкий Болдин монастырь обустроивался, число братии множилось (к концу жизни Герасима в обители соберется 127 человек); в 1539 г. здесь выстроят более просторную и вместительную теплую церковь.

Преподобный Герасим был ярким выразителем русского идеала святости. Труд и молитва были основой его монашеского делания. Эти телесные труды суровой монашеской жизни никогда его не пугали. Будучи наделен большой физической силой, он неустанно трудился на разных монастырских послушаниях: рубил деревья для построек, из леса носил на плечах тяжелые бревна, молотил муку, пек хлеб, разносил по кельям иноков дрова и воду, стирал их одежду, ухаживал за больными. Он не мог молиться без слез: «бе плачевен зело ко всякому молитвенному предстоянию», — говорит о нем житие. Питался преподобный Герасим хлебом и водой, спал стоя или сидя.

⁹ Болдин монастырь... С. 242.

¹⁰ Пономарев А.М. Свято-Троицкий Болдин монастырь. Археологические исследования древних захоронений. М., 2008. С. 45.

¹¹ Васюков И.А. Смоленские святые в истории Церкви и Отечества. Смоленск, 2012. С. 67.

«Изустная память» преподобного Герасима
Болдинского. 2-я пол. XVII в.

Неоднократно отправлялся он по монастырским делам и в Москву, и в Переславль-Залеский. Передвигался пешком, в то время как сопровождавшие его ученики ехали в телеге или санях. Святой отличался глубоким смирением, а совершенные им чудеса объяснял милостью Божией. Через всю суровую и многотрудную жизнь яркой чертой в его характере проходит высокая одухотворенность и предназначенность великой цели.

В поисках нового места для уединенной жизни преподобный с несколькими учениками оставил Болдинский монастырь и поселился на берегу р. Бебри, в лесу, на окраине Вязьмы. По словам святого, там был сход пьяниц и съезд разбойников, где совершались многочисленные душегубства. «К 1542 году около Герасима собралось довольно братии и он отправился в Москву просить разрешения на устройство обители. Разрешение было получено от Грозного Царя и устроена была церковь во имя святого Иоанна Предтечи, явившегося Преподобному в видении, когда он задумал основать обитель», — говорит житие святого. В 1543 г. в основанном на этом месте Вяземском Иоанно-Предтеченском монастыре возвели деревянный храм в честь Пророка Иоанна Предтечи, который был небесным покровителем русского царя. От Ивана Грозного преподобный получает грамоту: крестьяне, селившиеся в слободе близ монастыря, были освобождены от посадского тягла. Устроив обитель и поставив в ней игуменом своего ученика Симеона, преподобный Герасим возвращается в Болдино.

Вскоре, ища уединения, он вновь уходит из Болдинской обители и поселяется в 150 км на юго-восток, в Брынском лесу, на месте впадения р. Бредни в р. Жиздру. Здесь Герасим основывает Троице-Введенскую обитель, где с учениками

возводит церкви, как и в Болдино, Пресвятой Троицы, Введения во храм Пресвятой Богородицы и преподобного Сергия Радонежского.

Затем снова возвращается в Смоленские земли. В с. Сви́рковы Луки, на левом берегу Днепра (в 40 км от Болдинского монастыря и в 36 км от Дорогобужа), на месте небольшой запустевшей с литовских времен обители, преподобный начал возобновлять и обустраивать Сверколуцкий Богородице-Рождественский монастырь. Местный землевладелец Яков Андреевич Салтыков пытался оказать ему противодействие, так как сам использовал пустовавшие монастырские постройки, — после охоты на ночлег устраивался он вместе со своими охотничьими собаками в трапезной палате. Себя считал полным хозяином: ведь обитель-то стояла на его земле.

С большим почтением и надеждой преподобный относился к царю Ивану Грозному. Да и сам государь не просто покровительствовал Герасиму, а всегда разрешал имущественные споры в пользу авторитетного и честного игумена. Преподобный отправился в Москву, чтобы получить от царя жалованную грамоту на выбранное им место. Сам же Я.А. Салтыков, ставший впоследствии боярином, станет большим почитателем преподобного Герасима, примет монашеский постриг и будет жить в Болдином монастыре. Так Герасим Болдинский, как и преподобный Сергей Радонежский, чьим последователем он был, где бы ни появлялся, освящал все вокруг себя и преображал окружающую действительность.

Когда в Сверколуцкой обители собралось 35 монахов, строителем в ней Герасим поставил своего ученика Сергия, сам же вернулся в Болдинский монастырь. Во всех основанных обителях преподобный установил строгий общежительный порядок и периодически посещал их. Болдин монастырь был как «лавра», а остальные обители — как бы дочерними¹².

Перед смертью, в присутствии монахов всех основанных им монастырей, преподобный Герасим продиктует завещание, названное «Изустной памятью», которое станет основой строгой, благочестивой жизни основанных им монастырей. В своем предсмертном благословении Герасим передает свою братию под покровительство Божией Матери, преподобного Сергия, митрополита Макария и царя Ивана Грозного. «Бил челом царю Ивану Васильевичу и митрополиту Макарию о сохранении монастыря. И государь царь и митрополит взяли изуственную память, и если вас скудость постигнет

¹² Там же. С. 66–68.

или несправедливость, то вы уж обо всем сообщайте государю, или кого Бог даст впредь, и преосвященному митрополиту».

Ко Господу преподобный Герасим отошел 14 мая 1554 г. (по новому стилю). Его мощи были положены в соборном храме в деревянную раку, рядом с приделом преподобного Сергия Радонежского. Крышкой раки служила икона святого. В конце XVI в. мощи преподобного были перенесены в новый каменный Троицкий собор и помещены в деревянную резную позолоченную раку, с сенью над ней¹³.

Преподобный Герасим Болдинский с монастырем.
Современная икона от раки святого

Агиография и иконография преподобного Герасима Болдинского

Архимандрит Андрей в конце XIX в. с горечью писал о трудной судьбе вверенного ему монастыря. «Через каких-нибудь 70 лет по основании, Болдинской обители пришлось испытать тяжелые удары, направленные поляками против многострадальной [Смоленской] области. В скорбные времена «ляхолетья» обитель Пр[еподобного] Герасима ... была поругана и ограблена своевольной и развратной шляхтой, причислена к польским владениям и отдана в полное распоряжение иезуитам. Эти завзятые враги Православной церкви пустили в ход все, чтобы довести Болдин монастырь до крайней степени падения. Хотя при царе Алексее Михайловиче обитель была возвращена

России, но долго не могла оправиться от погрома, нанесенного смутным временем и господством иезуитов. Наконец, в недавнее время, в памятную Руси годину разоренья, обитель Пр[еподобного] Герасима снова испила горькую чашу страданий от французов... Когда обитель ... на время теряла силы и не могла защищаться от вражеских ударов, ее сокровища подвергались хищению, а святыни поруганию. Ее храмы разграблялись, богослужебные одежды и церковная утварь расхищались, монастырская казна уносилась, документы и бумаги уничтожались. Поэтому-то в архиве монастыря

нет царских грамот на владение землями и угодьями, нет записей о многих пожертвованиях благочестивых христолюбцев, нет и других документов, важных для обители. Самое же главное нет достоверных письменных сведений или заметок о жизни Пр[еподобного] Герасима... Среди братии, жившей в Болдиной обители, мало по малу утвердилась мысль, что и совсем нет никаких письменных сведений о жизни, представлении и чудесах Пр[еподобного] Герасима. Чем живее была эта мысль, тем сильнее старалась братия сохранить в своей среде ...устное предание о жизни и подвигах Преподобного»¹⁴.

Лишь в 1890 г. Болдину монастырю удалось приобрести точные копии с двух рукописей, хранившихся в Московской Румянцевской и в

Императорской публичной библиотеках, и в 1893 г. тоненькая книжица жития с предисловием архимандрита Андрея в переводе на современный язык была издана в Москве.

Первым главным источником сведений о преподобном Герасиме являются «Изустная память», или «Закон», продиктованный умирающим игуменом в 1554 г., сохранившийся лишь в одном списке середины XVII в.¹⁵ Житие преподобного Герасима Болдинского известно в двух редакциях. Первая написана до 1586 г., принадлежит перу ученика, а впоследствии преемника основателя монастыря игумена Антония (1576–1586), а затем святителя Вологодского (1586–1588); она известна в двух списках XVII в. Вторая редакция относится к периоду конца XVI – начала XVII в. и незначительно

¹³ Крушельницкая Е.В. Герасим [Болдинский]. С. 146.

¹⁴ Андрей, архимандрит. Предисловие // Житие преподобного Герасима, Болдинского чудотворца. С. 5–6.

¹⁵ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (далее – РО РГБ). Собр. Ундольского. № 301. Л. 126–128 а; Крушельницкая Е.В. Завещание-устав Герасима Болдинского // Труды отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 48. С. 267–270.

Автор жития преподобного Герасима, ученик и приемник игумена монастыря епископ Вологодский и Великопермский Антоний (1576–1586).
Современная икона

отличается от первой, она дошла до наших дней в списке середины XVII в.¹⁶ Таким образом «изстари» ни одного подлинника жития не сохранилось.

В конце XVI в. Болдин монастырь становится одним из известных книжных центров Руси. Здесь было составлено житие еще одного выдающегося русского подвижника – Нила Столобенского, умершего 7 декабря 1555 г. В 1598 г. в Москве, на Соборе, болдинский игумен Феоктист встретился с составителем записок о преподобном Ниле, с иноком Германом, большим почитателем святого Нила. Герман собирал сведения о подвижнике у соседних жителей, как мог составил записку о его жизни. Он искал искусного агиографа и вручил свои записки игумену Феоктисту, с просьбой поручить монастырскому чернецу Филофею (Пирогову) составление жития. Филофей «составил по нем житие, стихиры и канон».

В житии Нила Столобенского для нас наиболее интересны два рассказа. Первый о том, как и кем было написано само житие. Второй повествует о том, как была написана его первая икона. Прежде иконники соседнего Оршинского монастыря подробно расспрашивали окрестных крестьян о внешности преподобного Нила¹⁷.

В житии Герасима Болдинского есть одно из драгоценных для нас свидетельств не позднее 1567 г. Во второй редакции жития, в чуде о Федоре Круговитине (9-е чудо), упоминается «цельбоносный гроб» с деревянной ракой, крышкой которой служила икона святого¹⁸. Нет сомнения, что на иконе святой был изображен в рост, как это было тогда принято. Есть и еще упоминание об иконе с изображением преподобного, относящееся к 1585 г.: «... писал иконник образ преподобного старца Герасима Болдинского на красках по игуменскому Онтоньеву велению для отдачи, дал иконнику за образ промену полтину денег». По-видимому, в те далекие годы и списки жития Преподобного, и его иконы были не единичны. Исследователь замечает, что «подтверждением широкого признания святости Герасима, в том числе в Москве, служит тот факт, что распространение икон преподобного в XVI в. было одним из источников дохода для братии Болдина монастыря». В 1673 г. встречаем еще одно свидетельство: переписчик жития диакон Прохор приложил к тексту образ преподобного¹⁹.

«Да будет вам игумен, пастырь и наставник обители сей Иосиф Краснописец», – сказал братии монастыря умирающий Герасим. По-видимому, Иосиф был прозван Краснописцем за свое высокое книжное художество. Скорее всего он был не простым переписчиком книг, а широко известным мастером книжного дела. Книга в Древней Руси состояла не только из священных текстов. Лицевые рукописи нередко украшались замечательными миниатюрами, заставками, концовками, буквицами и были произведениями книжного искусства. Известно, что родом он из Новгорода Великого и был каллиграфом и учеником Максима Грека. Будучи в Болдине монастыре, он составил учебное руководство для царевича Ивана Ивановича – «Летописец и сказание ко учению и рассуждению о фониаде вкратце» (1559). Он автор «Послания митрополиту Макарию о составлении алфавитов», «Сказания о сложении азбук

¹⁶ РО РГБ. Собр. Ундольского. № 600. Л. 142–210 об.; Собр. Попова. № 94. Л. 165–220; Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие... С. 213.

¹⁷ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 313–314.

¹⁸ Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие... С. 266–284.

¹⁹ Маркелов Г.В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прорисы, переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 2: Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков. Свод описаний. С. 82; Васюков И.А. Указ. соч. С. 69.

и о составлении грамот...»²⁰. Таким образом, Иосиф предстает перед нами образованным человеком своего времени. Не исключено, что он еще и хорошо рисовал. Тогда сам собой напрашивается вывод, что он мог запечатлеть черты лица своего наставника хотя бы на бумаге, что могло стать основой для иконографии образа преподобного Герасима Болдинского чудотворца.

Какими путями и куда могли попасть иконы преподобного Герасима? Игумен Антоний неоднократно бывал по монастырским делам в Москве, и тогда же иконник пишет ему образ Герасима «для отдачи» кому-то, возможно, в подарок.

Конец XVI в. был периодом большого строительства в монастыре. Игумен неоднократно бывал в столице и мог привезти образ преподобного Герасима вместе с житием и подарить его в первую очередь Государю. 23 ноября 1585 г. «Поехал игумен Георгий, да келарь Леонид, да старец Герасим к Москве ко государю с святою водою и с образы»²¹. Не исключено, что этими «образами» могли быть иконы преподобного для царя, для митрополита. Такие поездки в Москву «с святою водою» были неоднократными. По приходно-расходным книгам Болдинского монастыря видно, что Федор Иванович и Борис Федорович Годунов и их родственники оказывали обители значительную материальную помощь, в том числе в период строительства величественного Троицкого собора.

Игумен Антоний, ученик и автор жития преподобного Герасима, в октябре 1585 г. был поставлен во епископа Вологодского и Великопермского²². Не исключено, что он мог взять с собой образ своего духовного отца, а может, и список жития.

Игумен Феоктист (1591–1603) тоже был духовным сыном Преподобного. В 1603 г. он был поставлен архиепископом Тверским и также мог взять с собой житие и образ своего духовного отца и наставника. Отметим, что владыка Феоктист проявил себя строгим поборником русской государственности, за что в 1609 г. был схвачен поляками и отправлен в Тушино к Лжедмитрию, где его подвергли истязаниям, бесчестию и убили²³.

В апреле 1661 г. игумен Болдина монастыря строитель Ефрем (Потемкин), происходивший из смоленских дворян, воспротивился церковным реформам патриарха Никона и ушел из монастыря. Спасался он в непроходимых керженецких лесах, близ озера Светлояр, где был возведен старообрядцами скит

Ученик и приемник преподобного Герасима, игумен монастыря Феоктист (1591–1603), архиепископ Тверской. Современная икона

Смоляны²⁴. И он тоже мог увезти с собой дорогой ему образ основателя Болдинской обители. Известно, что преподобный Герасим широко почитался в старообрядческих кругах. В «Месяцеслове» старообрядческого монастыря Ионы Керженского преподобный Герасим Болдинский упоминается под 2 мая.

Что сохранилось до наших дней?

Учитывая страшные разорения, постигшие Болдин монастырь в XVII в., вряд ли здесь мог сохраниться образ преподобного Герасима. Беда в том, что древние изображения преподобного XVI–XVII вв., происходящие из Болдино, нам неизвестны. На это есть свои причины. Смоленская земля на протяжении веков была ареной военных действий. В Смутное время, с 1611 г. по 1654 г., Болдинский монастырь занимали иезуиты; они, конечно, постарались уничтожить в монастыре все, что было связано с основателем Болдинской обители, который активно противостоял католи-

²⁰ Дмитриева Р.П. Иосиф Краснописец // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987.

²¹ Пономарев А.М. Свято-Троицкий Болдин монастырь: Хронология... С. 28.

²² Васюков И.А. Указ. соч. С. 69–70.

²³ Там же. С. 70–71.

²⁴ Пономарев А.М. Свято-Троицкий Болдин монастырь: Хронология... С. 68–70.

ческой экспансии в Россию. Вспомним, что здесь не сохранилось ни одного экземпляра жития преподобного Герасима.

Во время военного похода на Смоленск в июне 1654 г. в Болдине монастыре был царский стан, и Алексей Михайлович останавливался здесь. С его участием в стены обители вновь возвращается православное монашество, монастырь обустроивается мастерами, вывезенными из г. Орши²⁵. В этот период в монастыре вновь должны были появиться иконы основателя обители, теперь уже нового письма.

В 1812 г. французские завоеватели вступили на Смоленщину. «В середине августа Болдин монастырь был оставлен насельниками, — читаем в метрике 1887 г. — В стенах обители оставался только один монах Алексей. Французы нагнали целый монастырь пленных русских воинов и гражданский люд и запирали их в Троицком соборе. Местные иконы вынимали из иконостаса на шалаши, а на некоторых рубили мясо, а в прочих церквях лошадей своих ставили и прочия нелепости творили»²⁶. В этот период Гражданской войны из монастырского имущества могло погибнуть многое из того, что было возобновлено в предыдущие полвека.

До наших дней дошла одна аналойная икона конца XVIII — начала XIX в. с изображением преподобного Герасима с монастырем, размером 31,3 x 25,1 см. Монастырь на ней изображен с юго-западной стороны, как будто написан с натуры, в ограде. «Икона эта найдена мною случайно, — замечает П.Д. Барановский, — и теперь находится среди моего собрания. Она имеет большой интерес для истории рассматриваемого памят[ника], будучи написана ранее 1830 г. (т.к. крыши колоко[ольни] и придел[ов] собора изображены еще деревянными) и давая вид галереи с западн[ой] стороны»²⁷. Писанная на доске маслом икона имеет хороший рисунок и стройную цветовую гамму. К сожалению, местами с потертостями и утратами, в том числе и на лице, отчего создается самое общее представление об иконографии преподобного.

Вторая икона, фотография которой хранилась в диссертации Барановского, была у раки преподобного Герасима. Она значительно большего размера, по пропорции близка к «золотому сечению», показывает монастырь с юго-восточной стороны. Написана на грунтованном холсте, скорее всего маслом. Она сравнительно хорошей сохранности, хотя есть

и осыпи красочного слоя, и густая сетка кракелюр. Однако образ преподобного Герасима сохранился хорошо. Монастырские строения на иконе изображены исторически правдоподобно и с хорошей детализировкой. Кровля Троицкого собора идет уже не по законам, как было в древности, она четырехскатная. Об этом же мы находим упоминание в описи монастыря за 1774 г.²⁸ Превосходно изображена галерея с округлой формы столбами. (В 1879 г. «была сломка каменной галереи вокруг собора», — отмечал Барановский²⁹.) Подчеркнуто декоративное убранство стен собора, барабанов и редкая форма глав. П.Д. Барановский писал: «Эти шлемовидные главы собора, несомненно, сохранили свою древнюю первоначальную форму, так характерную для эпохи Владимиро-Суздальского и раннемосковского зодчества... Форма эта сохранилась в весьма немногих памятниках, а потому и здесь приобретает особую ценность»³⁰. Даже в черно-белом изображении репродукция с этой иконы представляет большую историческую и художественную ценность. Та достоверность, с которой написаны монастырские строения, вселяют в нас уверенность, что так же добросовестно передан образ выдающегося русского подвижника. Не случайно в монастыре существовала устная форма предания, когда житие пересказывалось старыми монахами — молодым, как отмечал архимандрит Андрей. Не исключено, что изустно передавалось и описание внешнего облика основателя монастыря. Таким образом на этой иконе от раки преподобного Герасима изображены с большой вероятностью подлинные черты выдающегося основателя и строителя четырех западнорусских монастырей, человека большой силы воли и созидательного ума. Лик его созвучен с описанием черт характера в житии. Это дает повод предположить, что в распоряжении иконописца мог быть достоверный образец, безвозвратно для нас утерянный.

На сегодняшний день это самое старое и лучшее из известных нам изображений святого, написанное до 1812 г. При подходе французов оно могло быть снято с подрамника, сложено сначала один раз вдоль, затем трижды поперек и спрятано. Об этом свидетельствуют линии сгибов и осыпи красочного слоя. Спрятать его мог тот самый монах Алексей, который один из всех насельников не испугался врагов и остался в обители, когда там были наполеоновские воины.

²⁵ Болдин монастырь...

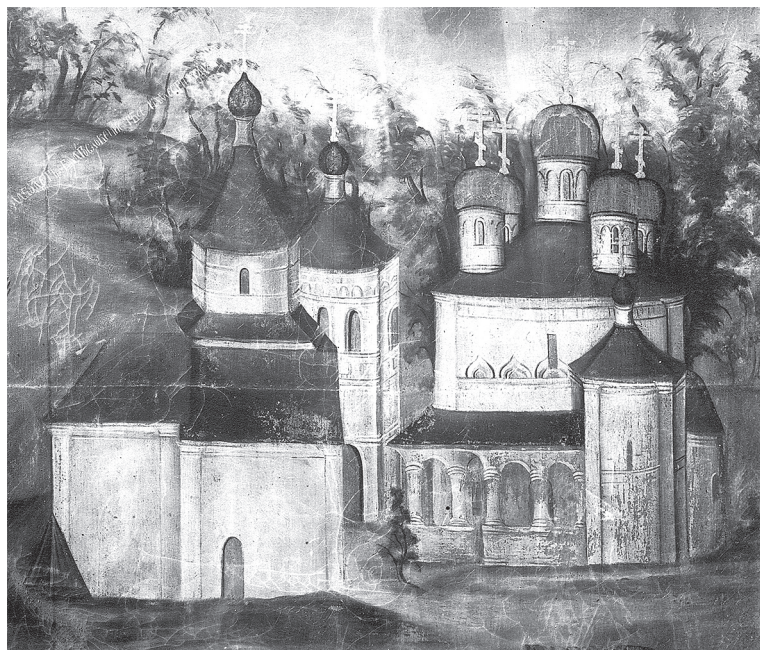
²⁶ Там же. С. 229.

²⁷ Там же. С. 234.

²⁸ Там же. С. 246.

²⁹ Там же. С. 229.

³⁰ Там же. С. 232.

Свято-Троицкий Болдин монастырь. Вид с юго-востока.
Фрагмент иконы от раки

Иконография преподобного Герасима по иконописным подлинникам

В иконописной практике есть руководства, которые в разное время именовались *подлинник*, *образчик* или *персональник*. Самые древние из них датируются XVI в. Подлинник мог быть лицевым, который дает прориси, с общей схемой изображения святых. Толковые же содержат описания правил изображения того или иного святого. Приводятся характерные для каждого из них черты лица и внешний вид. Кратко сообщается о цветах одежды. Портретное сходство здесь не было обязательным. Давалось лишь подобие внешности, говорящее о том, какой именно святой изображался на иконе. Скудность сведений иконописных подлинников нередко восполнялась данными общего характера, найденными иконописцем в подходящих старинных образцах.

Одним из главных отличительных признаков в иконописном изображении святых мужей является форма бороды. А насчитывается изображений этих видов много десятков. Также в подлиннике мог быть указан и цвет волос. Второй признак — одежды святого и их цвета. И обязательной была надпись: кто изображен на иконе и в каком он лике святых.

Об иконографии Герасима в иконописном подлиннике конца XVII в. указано: «Сед, брада Власиева (т.е. как у священномученика Власия Севастийского. — Г.Д.), на главе схима»³¹. Соответственно на нем должны быть и монашеские одежды. В другом иконописном подлиннике читаем: «Подобием сед, в схиме, брада аки Иоанна Богослова, ризы преподобнические». В том же подлиннике далее идет текст, рисующий несколько иной образ: «инде пишут надсед, брада космочками» («космы» в просторечии — это спутанные пряди волос)³². Обратим внимание на самый характерный признак иконографии святого, на бороду, и сразу увидим разночтения. Если у Иоанна Богослова борода окладистая, округлой формы, «лопатой», то у Власия — более длинная, сужающаяся к низу, клиновидной формы. Третий же вид бороды состоит из отдельных прядей волос, — так изображали от-

цов-пустынников глубокой древности.

Вспомним, какая бытовала практика создания первого иконографического изображения, описанная болдинским монахом Филофеем. Для создания иконы Нила Столобенского иконописцы прежде подробно расспросили местных крестьян о внешности преподобного. Точно такие же сведения на этот счет сообщает и житие Александра Ошевенского. В конце 1530-х годов настоятель монастыря Вассиан призывает иконописца Симеона с сыном Иоанном, чтобы украсить иконами новый Никольский храм. Повелевает написать и икону преподобного Александра. Иконописцы не знали, каков был его облик, и стали расспрашивать живших в обители старых монахов и стариков из окрестных деревень. Но никто из них не знал в лицо основателя монастыря. В это время из сельца Пияля пришел Никифор Филиппов, который лично знал преподобного. Он и поведал, что был Александр Ошевенский возраста среднего, лицом сух, образом умилен (красив лицом), очи име влоущене (впалые глаза), брада велика, не вельми густа, власы русы выполы сед (с проседью). И только тогда иконописец «с радостью и со тщением» написал образ преподобного Александра «и положил на гроб его»³³.

³¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Собр. Бобкова. Л. 104 об.

³² Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Филимонова. М., 1874. С. 53.

³³ Олонекский патерик. Петрозаводск, 1910. С. 24.

Так же и шитый около 1422 г. покров преподобного Сергия Радонежского обладает портретным сходством в большей степени, чем другие его изображения. В его исполнении принимали участие люди, лично знавшие святого и запечатлевшие в своей памяти его облик, а знаменовал (наносил рисунок) на ткань племянник преподобного Сергия — Феодор, основатель Симонова монастыря.

Преподобный Герасим Болдинский. Иконописец И.В. Кириченко. Совр. икона. (Музей русской иконы)

Важно понять и сам процесс работы иконописца. Вот что рассказала художник и искусствовед, реставратор древнерусской живописи и иконописец Кира Георгиевна Тихомирова, много лет проработавшая в Музее им. Андрея Рублева. «Писать икону нужно не механически, не растеками краски, а тем живым образом, которым каждый художник пишет. Нужно писать маленькими кистями, мазком, мазком, как это делал Феофан Грек, вылепливать форму, потому что этим сви-

детельствуется то, что художник подлинно видит святого, которого он изображает»³⁴. Видимо, поэтому и называют нашу древнерусскую живопись, наши иконы «умозрением в красках».

В Москве, в храме Святителя Николая в Кленниках, есть две замечательные иконы московского старца Алексея Мечева. Написала их выдающаяся иконописица Ирина Васильевна Ватагина. Когда отец Алексей еще не был прославлен, я, по благословению старицы Макарии, просил ее написать небольшую его икону. «Я прямо сейчас же села бы и написала его образ, — говорила мне тогда Ирина Васильевна, — написала бы его в белом священническом облачении...». Но она ожидала прославления старца.

Потом я узнал, что сорок лет она жила с именем о. Алексея в сердце и на устах. Ее наставницей была

Лик преподобного Герасима Болдинского на иконе, написанной в Музее русской иконы. 2015

Мария Николаевна Соколова, впоследствии монахиня Иулиания, духовная дочь старца Алексея, которую он благословил писать иконы. В Московской Духовной академии и семинарии помнят ее, как замечательного преподавателя иконописи. Глубоко почитал ее и сам Патриарх Пимен. Она много рассказывала Ирине Васильевне об отце Алексее. И Ирина Ватагина после всего этого смогла написать эти два, самые лучшие, духовно наполненные образа преподобного Алексея Мечева³⁵.

³⁴ Дурасов Г.П. Схимонахиня Макария. М., 2014. С. 77–78.

³⁵ Там же. С. 75–77.

Известен и мистический способ, с помощью которого иконописец получал необходимые сведения об облике святого, чтобы написать его образ. Удивительные примеры тому содержит житие преподобного Кирилла Челмогорского, просветителя чуди. Из Белозерска, после трехлетнего странствия, он пришел в глухой Каргопольский край и избрал для проживания гору Челму. От чуди он испытал много скорбей, но высокая подвижническая жизнь его и кроткие наставления привели многих к принятию святого Крещения. Он основал святую обитель, построил в ней храм и, прожив здесь полвека, в возрасте 82 лет отошел ко Господу в 1367 г.

Священник-иконописец Иоанн был настоящим удивительно красивой шатровой Покровской церкви с. Лядины. Он был большим почитателем преподобного Кирилла и возжелал написать его икону. В один из дней 1652 г., после совершения Божественной литургии, он пришел домой, «вкусил хлеба» и «возлег на одре своем». В тонком сне видит, что будто находится в обители преподобного Кирилла, в церковном притворе. В самой же церкви святители и преподобные со множеством священников и иноков совершают молебен. Один из диаконов подходит к Иоанну и говорит: «Смотри, что ты видишь, так и напиши». Он указал на икону, изображающую многих святых, среди которых выделялся один. Обращая на него внимание Иоанна, он сказал: «Если желаешь написать образ Кирилла Челмогорского, то пиши его таким, как видишь на этой иконе». «Образ того преподобного: иноческого чина, борода длинная, прямая, на две космы. Все это видел он своими глазами, пребывая в великом страхе. Проснувшись, прослезился и прославил Бога о таком явлении».

День за днем проходили в жизненной суете. Он все собирался написать икону, но вдруг начинал сомневаться, опасаясь поношения от людской молвы и земных властей. Прошло три года. В пятую неделю Великого поста, в четверг, после чтения Великого канона Андрея Критского, утомленный продолжительной службой, пришел он домой. В тонком сне видит себя в Челмогорской обители, молящимся у гроба преподобного Кирилла. Он осязает и целует его гроб, просит благословения и прощения грехов. Некоторое время спустя Иоанн вдруг зрит преподобного Кирилла, сидящего во гробе своем «на запад лицом, ко дверям притвора, ризы на нем иноческого чина багровидны». Правую свою руку он «простер» вверх и положил на свою

голову. И говорит Иоанну: «Гляди на меня без сомнения, если имеешь желание образ подобия моего написать, пиши так, как меня видишь и понуди себя на художество свое». Он же стоял и видел святого лицом к лицу. И проснулся, объятый страхом и трепетом.

Иерей-изограф Иоанн отправляется в Каргополь к своему пожилому родственнику «священноиерею» Герасиму, служившему здесь в Троицкой церкви, рассказывает ему о явлении преподобного, «как Кирилл показал ему свое лицо». И Герасим тоже сообщил Иоанну: «и я грешный видел его во сне, так же, как и ты мне поведал: образом как Макарий Желтоводский, надсед (с проседью), борода подоле того, на два косма распростресея». Взяв благословение у священноиерея Герасима, Иоанн возвращается домой. Рассказывает о своем и герасимовом видении своим духовным отцам и монахам Челмогорской обители и, по их благословию «написав образ преподобного отца Кирилла на икону», дарит ее в июне 1656 г. в Челмогорскую обитель³⁶.

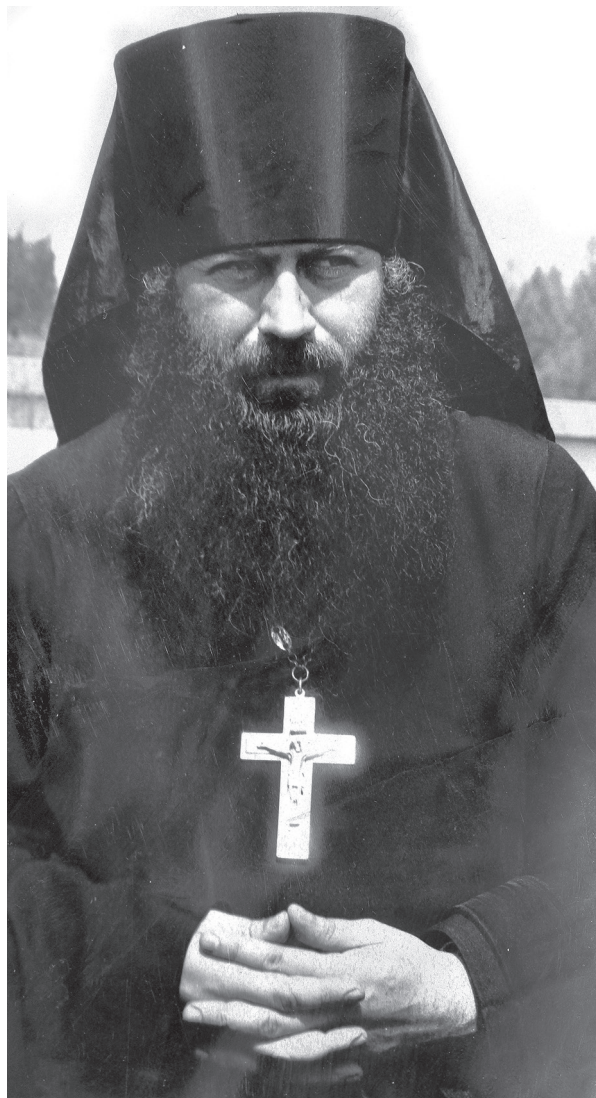
Видение преподобного Герасима игумену Антонию (Мезенцеву)

На долю сорок третьего настоятеля Свято-Троицкого Болдина монастыря архимандрита Антония (Мезенцева) выпал нелегкий жребий. Из руин надо было поднять в прямом смысле уничтоженный в годы советской власти и полностью разрушенный фашистскими захватчиками в 1943 г. монастырь, да еще и возродить в нем монашескую жизнь. И все это в безденежные девяностые годы разрухи в народном хозяйстве страны и в умах людей. Задача не из легких даже для человека, обладающего большими организаторскими способностями. На такие духовные и физические подвиги Бог ставит своих избранных!

Архимандрит Антоний родился в 1957 г. в г. Прилуки, на Украине. С детства он тянулся к церкви и жадно впитывал в себя все церковное. Огромную роль в его духовном воспитании сыграли старые дореволюционные монахини закрытого в ту пору Ладинского Покровского женского монастыря. Семиклассником он свободно читал богослужебные книги, знал церковный устав, пение по гласам и вместе со священником один мог прочитать и пропеть всю службу. За преданность Церкви его исключили из школы. И свое среднее образование он заканчивает в «вечерке».

После окончания службы в Советской Армии он поступил послушником в Одесский Успенский монастырь. В 1979 г. — монашеский

³⁶ Житие Кирилла Челмогорского. Список второй половины XVIII в. — Рукописный отдел Государственного Исторического музея. Собр. Барсова. № 794. Л. 34–38.

Игумен Антоний (Мезенцев),
настоятель Болдинского монастыря.
Фото из архива монастыря

постриг с наречением имени в честь преподобного Антония Печерского. В 1980 г. — окончил Одесскую Духовную семинарию, рукоположен во иеродьякона, а в сентябре того же года — во иеромонаха. В 1982 г. — переведен в Псково-Печерский монастырь, а в 1983 г. — в Смоленскую епархию, где служил настоятелем на сельских и городских приходах. 1987 г. — возведен в сан игумена и переведен в город Сафоново, где построил большой Князь-Владимирский городской храм. 14 мая 1991 г. он был поставлен игуменом Свято-Троицкого Болдина монастыря.

«Я стал служить в городе Сафоново, дали мне квартиру однокомнатную в пятиэтажном доме, — рассказывает отец Антоний. — И один раз такой мне сон снится. Я знал, что есть Болдинский монастырь в Дорогобужском районе. Где-то был взорванный монастырь, точно никто не знал, где он находится, хотя 40 километров отсюда.

Снится мне сон такой: я лежу в своей квартире на кровати. Лежу и идет крестный ход, из коридора заходит ко мне. А я лежу на кровати. И несут, говорят, мощи преподобного Герасима. Я испугался, потому что людей куча, а я лежу раздетый, одеялом укрытый и встать невозможно. Занесли гроб, лежит преподобный, и он поднимается из гроба, садится во гробе и на меня строго-строго посмотрел таким взглядом, прямо глаза в глаза. Он больше похож на святителя Николая: небольшая борода, лысоватый, белый. Я от страха проснулся.

После этого сна я сразу взял такси и поехал искать Болдинский монастырь. Приехал, посмотрел — все разбито, ничего нету больше, кроме колокольни (была воссоздана по инициативе Барановского из руин на средства Общества охраны памятников. — Г.Д.). Прошло, может, полгода, и владыка Кирилл говорит: «Я тебя направляю восстанавливать Болдинский монастырь». Я говорю: «Владыка, мне и не хочется, там же все разбито». — «Не, не, поедешь», — указ дали и поехал в Болдино».

Это видение архимандриту Антонию полностью вписывается в русскую традицию создания иконы. Увидев увеличенное изображение лика преподобного Герасима на фотографии с иконы от мощей святого, настоятель подтвердил, что облик его похож на преподобного Герасима, который он видел в тонком сне³⁷.

Кто мог написать образ к мощам преподобного Герасима

После Смутного времени Болдинский монастырь никогда больше не достигнет былого величия. «Троецкой Болдин монастырь в Дорогобужском уезде в Троецком стану на речке Болдинке изстари а по каким грамотам и указом создан за литовским разорением в монастыре не отыскалось», — отмечает опись 1763 г.³⁸ На следующий год грянет сокрушительный удар по благосостоянию обители. В результате секуляризации церковных земель монастырь лишится всех своих владений и станет небогатой третьеклассной обителью, с небольшой братией. К тому же в 1759 г. все сады «от великих морозов вымерзли все без остатку». Теперь оставалось только выживать.

³⁷ Свидетельство архимандрита Антония см. в фильме первом «Настоятель» дилогии «Белый монастырь» (2014 г.).

³⁸ Болдин монастырь... С. 243.

Свято-Троицкий Болдин монастырь на иконе из собрания П.Д. Барановского. Вид с юго-запада
Фрагмент

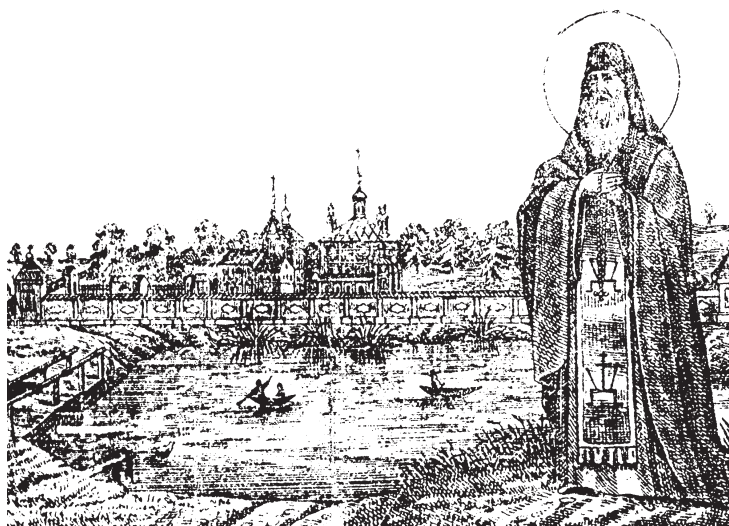
Примерно к этой поре относится создание образа основателя обители к гробнице, о местоположении которой в одной описи говорится: «при стене и гроб преподобного Герасима стоит»³⁹. В другой более подробно: «деревянная гробница, над мощами, под спудом опочивающими, Преподобного Герасима, резная, позлащенная, над оною сень же деревянная резная и позлащенная. Над оною Гробницею лампада медная»⁴⁰.

Для бедного монастыря заказать образ размером с небольшую деревенскую дверь, написанный по всем канонам живописи темперой, — дело нереальное. Вспомним, что и аналойная икона преподобного Герасима с монастырем тоже была исполнена в другой технике — масляной живописью. Можно предположить, что этой техникой мог владеть насельник монастыря или дорогобужский художник-изограф.

Учитывая недостаток средств, могло быть принято решение написать образ святого масляными красками на холсте, натянутом на подрамник. Для церковной живописи эта техника была не внове; иконы для церквей писали так еще в 1780-х годах.

Но и при этой технике духовная ответственность с художника-изографа не снималась, ведь его икона должна была находиться у раки выдающегося русского подвижника и быть подлинным свидетельством его жизненного подвига. Он должен был хорошо представить себе образ основателя обители. Здесь ему могло помочь «устное предание о жизни и подвигах Преподобного», которое братия «старалась сохранить в своей среде», о чем пишет архимандрит Андрей⁴¹. Не исключен и мистический опыт, о котором мы писали выше. Ведь являлся же преподобный в тонком сне и нашему современнику архимандриту Антонию. А он, увидев во много раз увеличенный лик святого на фотографии, признал в нем явившегося ему основателя обители.

Когда художник-изограф писал монастырь, он, чувствуя свою ответственность, доподлинно передал все, что видел своими глазами. И древние полушаровидные купола собора, и его четырехскатную кровлю, и открытую галерею с круглыми столбами-колоннами, которая была разрушена в 1879 г. Но не изобразил монастырской ограды, которая появится лишь в 1764 г. В то время как на аналойной иконе, которая была создана позже, ограда есть.

Преподобный Герасим Болдинский с монастырем.
Гравюра. Середина XIX в.

³⁹ Там же. С. 245.

⁴⁰ Там же. С. 250.

⁴¹ Андрей, архимандрит. Предисловие. С. 5–6.

Образ преподобного Герасима Болдинского в XIX в.

Иконографию преподобного Герасима Болдинского мы разделим на два периода: до начала XIX в. и после. В третьей четверти XVI в. икона преподобного уже была на крышке раки святого, о чем известно из второй редакции его жития. Имея ростовое изображение, можно написать поясную фигуру на небольшой аналойной или келейной иконе. Образ преподобного Герасима, изображенный в рост, был первым и самым древним иконографическим изводом.

Второй извод был с ростовой фигурой святого и основанным им Болдиным монастырем. Такое изображение могло возникнуть в начале XVII в., когда была завершена постройка всего монастырского ансамбля, но еще без каменной ограды, которая, напомним, возводилась с 1759 по 1764 гг.⁴² Такая иконография хорошо известна с XVI в. на иконах преподобных Александра Ошевенского, Пафнутия Боровского, Геннадия Костромского, Адриана Пошехонского, Давида Серпуховского, Кирилла Челмогорского. На них святой в полном облачении, иногда со свитком в руках, стоит справа или слева от монастырского ансамбля и молится Спасителю, либо Богоматери, или Пресвятой Троице, как и сам Герасим.

Древние или старинные иконы первого извода нам не известны. Но не исключено, что где-то в музейном собрании, в епархиальном музее или частной коллекции, православном или старообрядческом храме они могут быть, и наш поиск еще не закончен.

С середины XIX в. образ преподобного Герасима пишут на стенах храмов. В 1870-х годах он был изображен в Храме Христа Спасителя в Москве. В конце 1960-х – 1970-е годы его образ появляется в Почаевской Успенской Лавре, в последней четверти XIX в. – в Успенском соборе Смоленска.

В Болдинском монастыре, во Введенском храме, есть храмовая икона второй половины XIX в., на которой преподобный Герасим в мантии и епитрахили, с непокрытой головой вместе со святителем Николаем изображены в рост и держат монастырскую чудотворную икону Казанской Божией Матери. Тогда же изображался преподобный Герасим на цветных литографиях с непокрытой головой, в мантии, епитрахили и с четками в левой руке; правой же рукой он указывает на явившуюся на древе Казанскую икону Богоматери.

Получает известность литография 1864 г., где преподобный Герасим изображен в схимническом облачении и с четками, справа от мона-

Преподобный Герасим Болдинский у дуба.
Литография. Начало XX в.

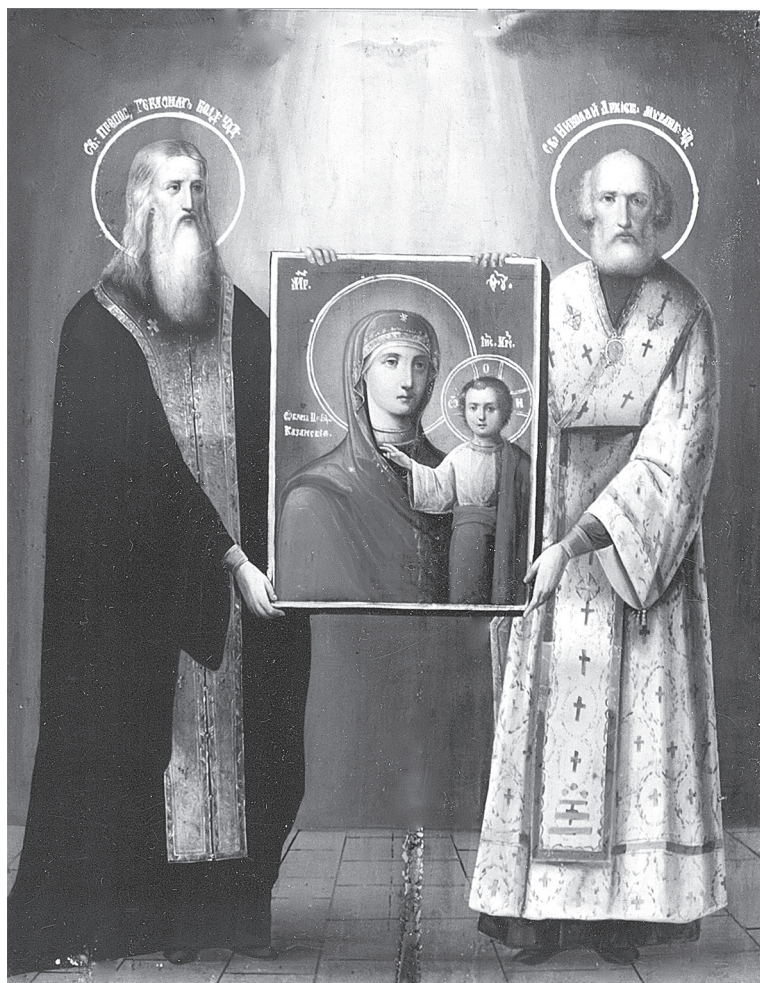
стыря. Ансамбль Болдинской обители изображен здесь в окружении каменной стены. Но сам облик преподобного Герасима в сравнении с иконописными подлинниками, о которых мы говорили выше, несколько иной: борода стала гуще и пышнее, а то и длиннее. В этот период недостаток сведений о внешности святого восполнился изобразительными сведениями общего характера. Эта же традиция отличает иконы святого Герасима, созданные в наши дни.

Обретение мощей преподобного Герасима

В 2001 г., после разбора завалов кирпичной кладки южной части Троицкого собора, где под спудом покоились святые мощи преподобного Герасима, были начаты археологические раскопки. На эти работы в Институте археологии Российской академии наук был получен Открытый лист № 519 от 22 июня 2001 г. Сами работы проводила братия монастыря под руководством заведующей сектором археологии Государственного историко-культурного заповедника «Московский Кремль». Раскопки захоронения, а точнее, обретение мощей преподобного Герасима Болдинского, начались 17 июня 2001 г.

⁴² Болдин монастырь... С. 228.

⁴³ Пономарев А.М. Свято-Троицкий Болдин монастырь: Археологические исследования... С. 15–17.

Святитель Николай Мирликийский и преподобный Герасим с иконой Казанской Богоматери. (Из Введенского храма). Середина XIX в.

Текст жития указывает, что его захоронение находилось с южной стороны придела преподобного Сергия Радонежского еще деревянного Троицкого храма. На глубине 130 см от уровня поверхности земли конца XVI в. (более поздние наслоения грунта были сняты заранее) обнаружили его захоронение в деревянной колоде. Верхняя часть черепа преподобного оказалась поврежденной⁴³, так что ученым-антропологам уже никогда не восстановить внешний облик святого.

Спустя четыре с половиной столетия со дня кончины мощи выдающегося подвижника и патриота земли Русской были обретены. В Месяцеслов Русской Православной церкви постановлением священного Синода 20 июля 2001 г. внесено как

день «празднования памяти обретения честных мощей преподобного Герасима Болдинского».

Свято-Троицкий Болдин монастырь на многие годы становится болью и любовью митрополита Смоленского, а впоследствии Патриарха Московского Кирилла. Он принимает решение восстановить монастырь во всем его великолепии, отмечая, что воссоздать эту утраченную национальную святыню можно только силой русского созидательного духа. Многие годы он сам следил за ходом строительных работ и освящал все его строения.

После 67-летнего забвения разрушенный фашистскими захватчиками Свято-Троицкий собор, под которым покоились мощи преподобного и где теперь находится рака с его мощами, в 2010 г. был воссоздан. До этого были воссозданы колокольня (1988 г.) и Введенский храм с трапезной палатой (1997 г.).

Относительно облика воссозданных храмов следует заметить, что здесь современная практичность возобладала над неповторимой красотой русской архитектуры. Галерею Троицкого собора, которую П.Д. Барановский воспроизвел в своей реконструкции, решили не воссоздавать, а за ее счет увеличить площадь храма. Несколько изменилась прежде шлемовидная,

былинная форма куполов. Собор теперь смотрится уже не как былинный богатырь, охраняющий российский рубеж. Вместо прежде высокого стройного шатра Введенского храма, взметнувшегося в небо, воспроизведена невысокая конусообразная кровля с барабаном и шлемовидной главкой, увенчанной крестом.

Смотришь из-за реки, откуда отрывается самый завораживающий вид на Болдинскую обитель, и понимаешь, как не хватает в строгом, величавом монастырском силуэте высокого шатра Введенского храма. Трудно, а может и невозможно, найти сейчас нужного по прочности кирпича для шатра. Да и удержат ли стены восьмерика храма стотонный кирпичный шатер? Напрашивается

⁴⁴ Патриарх Кирилл. Слово после Божественной Литургии в день памяти всех святых, в земле Российской просиявших, в новоосвященном Свято-Троицком соборе Свято-Троицкого Герасимо-Болдинского монастыря 6 июня 2010 г.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл у мощей преподобного Герасима Болдинского. 2007. Фото В. Завадкина

Руководители воссоздания Свято-Троицкого Болдина монастыря: А. Пономарев, игумен Антоний, полковник В. Корниенко. 1997. Фото В. Завадкина

вопрос, почему бы не воспользоваться новыми технологиями и не возвести из прочных стальных конструкций шатер, крытый медью?

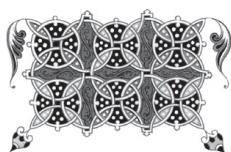
На освящении Свято-Троицкого собора Святейший Патриарх московский и всея Руси Кирилл сказал: «Мы сделали только самый первый шаг. Вот когда сюда будут приезжать тысячи паломников, когда гробница святого преподобного Герасима станет общероссийской святыней не только понаслышке, но привлечет многие тысячи паломников, когда здесь будут десятки и десятки иноков с горячим призванием, с хорошим образованием, с высокой культурой, с чистой монашеской жизнью, вот тогда кто-то скажет: второй этап восстановления обители завершен»⁴⁴.

Возрождение святой обители

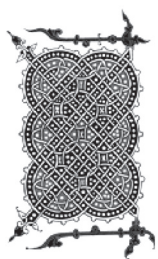
Возрождение Болдинского монастыря связывают именно с чудесным обретением мощей святого преподобного Герасима. «Господь Сам указал место его гробницы. Благоговейно мощи были подняты из-под спуда, и, действительно, с того

времени началось очень скорое возрождение святой обители», — говорил патриарх Кирилл⁴⁵. За короткий срок и с ограниченными материальными возможностями, с тачками и лопатами в руках, с 1991 г. монастырская братия с помощью военнослужащих Российской Армии воссоздала древний монастырь во всей своей красе. По счастливым молодым лицам российских воинов было видно, что они осознавали себя участниками большого общенародного подвига, в котором понятия Родины и Церкви сливаются воедино.

Возможно, промыслительным стало и то, что вслед за воссозданием монастыря его выдающийся основатель преподобный Герасим Болдинский таким чудным и вместе с тем современным и всем понятным нам образом явил свой лик. После этого в Музее русской иконы был написан иконописный образ преподобного Герасима Болдинского чудотворца и по повелению настоятеля монастыря архимандрита Антония эта икона освящена на его святых мощах.

⁴⁵ Там же.

И. В. Ушакова

Сельская школа С.А. Рачинского: вехи и принципы устройства; общественное значение в прошлом и современности

Великий русский педагог С.А. Рачинский укрепил в нашей национальной сельской школе то основание, которое позволяло соединить ее со всей последующей образовательной цепочкой. Для крестьянства — огромной, основной части русского общества — он создал сельскую школу нового образца, позволяющую сохранять духовные приоритеты веры и в то же время открывающую *ломоносовский путь* в высокие сферы образования, искусства и науки. Имя Рачинского, конечно, вышло из безвестности, но его богатейшее наследие в значительной части до сих пор не введено в научный оборот и требует пристального внимания педагогов, историков, богословов, искусствоведов.

Книга Рачинского «Сельская школа» со всеми вошедшими в нее статьями (о принципах устройства школы, о церковном пении, о цветоводстве и пчеловодстве на базе школы) известна педагогам и историкам, как известны и сборники «Геометрические забавы», «Арифметические забавы» и «1001 задача для умственного счета. Пособие для учителей сельских школ» (последний сборник переиздан в издательстве «Белый город» в 2002 г.). Однако такие книги, как «Рачинский и его школа», вышедшая в Джорданвилле в 1956 г., великолепная статья историка и философа протоиерея Георгия Флоровского, написанная в 1927 г., долгое время оставались достоянием только русской эмиграции¹.

В 1990-е годы в постсоветской России имя С.А. Рачинского не сразу вышло из тени забве-

ния; со временем появляются отдельные статьи в сборниках конференций², обсуждаются его педагогические идеи. В целом сфера образования и педагогики продолжала руководствоваться принципами атеистической светскости и космополитической всеядности. Заметным явлением в этот период стала публикация сборника работ известных русских педагогов «Школа православного воспитания», подготовленного писателем-просветителем А.Н. Стрижевым³. Последний опубликовал такой уже забытый труд С.А. Рачинского, как «Школьный поход в Нилову пустынь», в свое время получивший большую известность. В 2004 г. в московском издательстве «Школьная пресса» впервые после забвения, в котором находилось имя Рачинского в советские годы, вышел сборник «С.А. Рачинский о воспитании», куда вошел сокращенный вариант «Сельской школы» и некоторые статьи татевского учителя по образованию.

В 2010 г. издан сборник писем В.В. Розанова и его собеседников С.А. Рачинского и свящ. Павла Флоренского⁴. В 2013 г. вышел сборник (о нем будет сказано в конце статьи), включавший педагогические статьи Рачинского, «Письма к духовному юношеству о трезвости», письма Рачинского к Розанову (опубликованные Розановым в журнале «Русский вестник» за 1902 г.), переписка Рачинского и Л.Н. Толстого, воспоминания о Рачинском его современников⁵. К сожалению, пока вне поля зрения исследователей остаются многочисленные

¹ Флоровский Георгий, прот. Рачинский и его школа. Джорданвилль, 1956.

² Солтамов А.У. К.П. Победоносцев, С.А. Рачинский и народная школа в России // Духовные традиции в современной школе: Материалы всероссийской конф. СПб., 1997. С. 115–124; Он же. Синодальное издание Псалтири с пояснительными примечаниями С.А. Рачинского // Светское образование и православное воспитание. СПб., 1999. С. 124–133; Он же. С.А. Рачинский и общества трезвости в России // Школа в истоках православного расцвета в России. СПб., 2000. С. 151–160.

³ Школа православного воспитания / Сост. А.Н. Стрижев. М., 1999.

⁴ Розанов В.В. Литературные изгнанники. М., 2010.

⁵ Рачинский С.А. Сборник статей и писем. Нижний Новгород, 2013.

рукописные материалы Рачинского, хранящиеся в разных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Еще при жизни, передавая свою переписку в архивы, Рачинский назвал ее «воз к потомству».

О самом Рачинском и его деятельности до революции были изданы десятки книг и журнальных статей. Их авторы – известные деятели культуры, учителя: Н.М. Горбов⁶, В.Т. Георгиевский, В.О. Ключевский, С.В. Смоленский, А.А. Серяков, граф С.Д. Шереметьев, князь А.Н. Мещерский, священник С. Танаевский. И сегодня есть исследователи разных сфер деятельности С.А. Рачинского, это – А.А. Горячева (педагогическая тема)⁷, О.М. Кузьмина (фольклорный архив Рачинского)⁸, Г.В. Гусев (трезвенническое движение, основанное Рачинским)⁹ и, конечно же, учителя и ученики татевской школы им. Рачинского, которые в последние годы разработали проект «Герои картины «Устный счет...» и их потомки». Дети через местную газету нашли потомков мальчиков, изображенных в 1895 г. Н.П. Богдановым-Бельским на знаменитой картине «Устный счет».

Не выработано пока общее понимание методологических принципов «школы Рачинского», доступное современной педагогике. Эти проблемы актуальны и требуют от современной педагогики деятельного участия в возвращении наследия Рачинского в практическую сферу.

Истоки сельской школы Рачинского

Сергей Александрович Рачинский был далеко не единственным в дворянском сословии, кто понял до глубины народную душу и народные нужды; это понимание давало ему возможность видеть будущность России, пути ее национального развития, в первую очередь через соединение образования с верою народа. Он был одним из немногих, кто смог методично, практически, основательно выстроить образец народной школы, который дал еще при его жизни внушительные результаты.

С.А. Рачинский писал, что их родовое имение Татев находится в некоторой степени в гидрографическом узле России. И действительно, нельзя не учитывать, что в окрестностях Татева, в болотистых лесах, берут начало Волга, Днепр и Западная Двина. Эти места можно считать и одним из духовных очагов Отечества, поскольку в радиусе ста километров от усадьбы Рачинских явилась

Адъютант С.А. Рачинский

Оковецкая икона¹⁰, здесь – родина святителя Николая Японского, святого патриарха Тихона (Белавина), и чуть поодаль – Нило-Столобенская пустынь. Наши предки мыслили соприродно окружающему миру, космически – они знали своих святых, подвижников, чтители благодетелей.

Дворянская усадьба Рачинских, находившаяся в Бельском у. Смоленской губ. (ныне Оленинский р-н Тверской обл.), с конца XVIII в. являла собой культурный центр, и тем не отличалась от любой столичной усадьбы. Разве что здесь не давались балы, но текла размеренная, трудовая жизнь: создавался архив владельцев усадьбы и близких им людей: Потемкиных – Боратынских – Рачинских – Огнь-Догановских – Пироговых. Хранились и

⁶ Горбов Н.М. С.А. Рачинский. СПб., 1903.

⁷ Горячев А.А. Татевская переписка: Победоносцев – Рачинский // Трезвость и педагогика в современной России: Сборник материалов Фестиваля обществ трезвости им. С.А. Рачинского / Сост. М.М. Марченкова, И.В. Микурова. М., 2014. С. 97–96.

⁸ Кузьмина О.М. По следам записи народных песен // Трезвость и педагогика... С. 103–108.

⁹ Гусев Г.В. Социальная педагогика С.А. Рачинского // Трезвость и педагогика ... С. 87–96.

¹⁰ Историческое и археологическое описание церкви села Оковец Осташковского уезда, Тверской губернии в связи с историческим обзором о явленных Оковецких иконах: Пресвятыя Богородицы Одигитрии и Животворящего Креста Господня. Тверь, 1912.

подорожные грамоты, выданные Павлом I Боратынским. Император Павел Петрович был покровителем семьи Рачинских-Боратынских и крестным деда будущего педагога-просветителя С.А. Рачинского – Антона Михайловича¹¹.

За два столетия, с тех пор, как в начале XVII в. польские дворяне Рачинские перешли в подданство России, в татевской усадьбе ими были устроены, помимо усадебного дома, каменная церковь (на начало XX в. на ее приходе числилось две тысячи прихожан), дома для церковных служащих, парк, сад, пруды, плотина, мельница, которыми пользовались крестьяне. С начала XIX в. Рачинские начали активно заниматься образованием крестьян Бельского у., который, по замечанию Рачинского, был размером с немецкое герцогство.

Ординарный профессор Московского университета, надворный советник С.А. Рачинский со своим цельным миром, вобравшим и классическое домашнее образование русских усадеб, и религиозность крестьянского мира, среди которого он делал первые жизненные шаги, и литературно-музыкальное окружение именитых предков, и академическое знание точных наук, подкрепленное практикой в лучших университетах Германии, в 1872 г. навсегда вернулся в родовое имение Татевое.

Это имение принадлежало деду С.А. Рачинского Антону Михайловичу (1769–1825), бывшему первым командиром и шефом гвардии егерского батальона в 1796–1800 гг., впоследствии – генерал-майором, обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, тайным советником. Бабушка Сергея Александровича – Александра Николаевна Потемкина (1781–1814) была дочерью Смоленского губернского предводителя дворянства Николая Богдановича Потемкина. Имение по наследству перешло отцу Сергея – Александру Антоновичу (1799–1866) – крестнику Павла I, с 18 лет служившему в лейб-гвардии Семеновском полку и имевшему бронзовую медаль на Владимирской ленте. После увольнения со службы в 1827, 1838 и 1841 гг. он избирался Бельским уездным предводителем дворянства Смоленской губ. В молодые годы Александр Рачинский был дружен с поэтом Антоном Дельвигом и другими литераторами, положил в родовой татевской усадьбе начало коллекции автографов Е.А. Боратынского, В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, Н.И. Пирогова и рукописей своих знаменитых современников. К нему попали и рукописи трех стихотворений М.Ю. Лермонтова¹².

Матушка С.А. Рачинского Варвара Абрамовна (1810–1891) приходилась родной сестрой поэту Евгению Баратынскому, была великолепно образована и передала детям свои музыкальные и литературные знания и дарования. На ней держалась татевская усадьба всю долгую жизнь этой замечательной женщины – матери большого семейства.

В семье Рачинских было семеро детей (одна девочка умерла во младенчестве): Владимир (1831–1888), Сергей (1833–1902), Ольга (1834–1917), Варвара (1836–1910), Константин (1838–1909) и Александр (1839–1906). Все они получили прекрасное домашнее образование, юноши закончили различные отделения Московского университета, много послужили на государственной службе по части юриспруденции и экономики. Владимир Александрович Рачинский стал устроителем Крестьянских банков в родном Бельском у., был прекрасным живописцем и имел литературные дарования. Сестры Рачинские занимались школами и лечебницами, помогая брату Сергею Александровичу.

В годы учебы в Германии С.А. Рачинский познакомился с деятельностью профессора Йенского университета Карла Стоя – основателя нескольких учебных заведений, практику которого изучал и Константин Ушинский. Свои наблюдения Рачинский изложил в статье «Институт Стоя в Йене», где высказал актуальную и сегодня мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национально ориентированным и современным.

Первая школа в Татеве была открыта в 1861 г. отцом Сергея Рачинского, а татевская библиотека славилась еще со времен Екатерины II, о чем упоминал Валентин Пикуль в своем романе «Фаворит», описывая, как Григорий Потемкин гостил у Рачинских и засыпал на бильярдном столе, зачитываясь книгами из их библиотеки.

Сергей Александрович, переехав в Татевое и приступая к школьному делу, понимал: «Вопрос о современной русской школе не есть вопрос технический и частный, зависящий от более или менее успешной деятельности того или другого правительственного ведомства, не есть вопрос программ и более или менее практически устроенного надзора. Это – вопрос роковой и грозный. От качеств ныне подрастающих русских поколений зависят судьбы мира»¹³.

В 1875 г. Рачинский принял за обустройство школы, созданной сестрой Варварой, а с сестрой Ольгой они организовали лечебницу, где бесплат-

¹¹ Русская духовная музыка в документах и материалах / Под ред. М.П. Рахмановой. М., 2002. Т. IV. С. 565.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 986. Л. 66–68.

¹³ Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1902. С. 278.

но получали медицинскую помощь все жители окрестных сел. Надо заметить, что на устройство сельских школ Рачинский потратил свое стотысячное состояние.

Татевский учитель сам преподавал арифметику и грамматику, пение и рисование, географию и ботанику, предполагал ввести экспериментальную физику. Мальчики учились в школе столярному делу, девочки — вышиванию и кружевоплетению. Важными дисциплинами в школе были цветоводство и пчеловодство. То есть дети, заканчивающие школу, имели уже навыки ведения домашнего хозяйства, а часто и начальную профессиональную подготовку.

Принципы устройства татевской школы

С 1878 г. татевская школа имела статус церковно-приходской. В 1870–1880-е годы была четырехгодичной, а с 1898 г. — шестилетней. Учебный год в сельских школах, устроенных Рачинским, начинался 1 (14) октября, после уборки урожая. Обучение грамоте начиналось с изучения церковнославянского языка. Почувствовав его, осознав преемственность, детям легче было писать и читать на русском языке. Владение речью предков развивало творческие способности детей, формировало их нравственно и эстетически. С.А. Рачинский писал: «Обязательное изучение языка мертвого, обособленного от отечественного целым рядом синтаксических и этимологических форм, а между тем столь к нему близкого, что изучение его вполне доступно на первых ступенях грамотности, — это такой педагогический клад, которым не обладает ни одна сельская школа в мире. Это изучение, составляя само по себе превосходную умственную гимнастику, придает жизнь и смысл изучению языка русского, придает незыблемую прочность приобретенной в школе грамотности»¹⁴.

Учебный день начинался с молитвы в 6 часов утра. После завтрака ребята дружной семьей исполняли хозяйственные обязанности: привозили воду, рубили дрова, убирали школу, помогали кухарке готовить обед. С 9 часов до полудня продолжались уроки, а после обеда школьники снова хлопотали по хозяйству, летом помогали старшим на пришкольном огороде, гуляли в лесу, зимой расчищали дорожки, затем шли кататься с горы.

С 14 до 16 часов в школе Рачинского проходило два урока. В 16 часов полдничали. Дети и учителя собирались на трапезу за одним столом. Стало быть, воспитание детей проходило под неустанным взором учителя. И тут можно вспомнить автобиографический рассказ Николая Лескова

«Кадетский монастырь», где образы учителей и строй учебной жизни во многом соответствовали картинам татевской школы.

После полдника до 18 часов дети гуляли, а далее следовали три вечерних урока: спевка, упражнения в умственном счете и грамматика. В 21 час совершалась вечерняя молитва и школьники ужинали. В субботу уроки заканчивались в 12 часов. После обеда дети расходились по домам, а те, кто оставался на полном пансионе, убирали школьные помещения и шли в баню. Воскресный день всегда был праздничным: утром на Литургии дети пели на клиросе, читали Псалтирь, после обеда отдыхали или гуляли.

Важно заметить, что детей приучали к труду в семьях всех сословий. Это воспитывало ответственность и ускоряло приобретение необходимых жизненных навыков, а также закаляло физически. Вспомним фотографии царской семьи, на которых маленькие девочки — великие княжны — вышивают или шьют.

Недаром отец будущего наместника Кавказа фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского писал в 1821 г. в своих письмах о воспитании сына:

«До семилетнего возраста наставление мальчика скорее физическое, чем нравственное. Внушение ему о правде и неправде стоит делать с ранней поры. Ложь и неумеренность — главные пороки детства. Необходимо быть немолчимым в искоренении лжи, потому что она унижает человека.

До пятилетнего возраста можно будет оставить сына моего на руках женщин.

Как только он будет в состоянии бегать и прыгать, следует постараться укрепить его телодвижением и холодным купанием, к которому следует приучить постепенно. Купание в реке самое здоровое. Надо будет достать ему две или три маленьких верховых лошадки, на которых он будет по очереди ездить без седла: ничто не придает больше ловкости, как этот способ езды кочевых народов. Сыновья наших крестьян — наездники с ранней поры и скачут на отцовских лошадях с пяти или шести лет с изумительною ловкостью. Когда мой сын достигнет семилетнего возраста, я бы желал, чтобы он начал учиться славянскому, латинскому, греческому, и в особенности родному языку. С этого возраста до 12 лет он приобретает некоторые познания, а в 14 и 15 лет он будет в состоянии с пользою читать класси-

¹⁴ Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1910. С. 9.

ческих авторов. Изучение рисования и арифметики должно будет идти рядом с изучением мертвых языков, т.е. с 7 лет.

В 12 лет надо будет постараться приохотить его к механике; ничего нет легче: следует только с семилетнего возраста наполнить его комнату маленькими моделями, чтобы возбудить в нем любопытство, и, в особенности, следует ясно и без педантизма объяснять ему основные начала механики. Эта наука бессознательно поведет его к знанию практической математики. Предшествоваемая высшей математикой, это род метафизики и для взрослого, а тем более для ребенка. Надо его заставлять делать чертежи машин и в особенности объяснять их.

Вообще было бы хорошо приучить его изменять на каждом шагу развития его умственных способностей практику к теории. Механика заставит его полюбить земледелие, которому она каждый день оказывает столь важные услуги, а земледелие приохотит его к химии, имеющей к ней такие близкие отношения. С восьми до пятнадцатилетнего возраста надо будет его учить, занимая разнообразными опытами; и особенно надо постараться вызвать в нем соревнование, назначая ему награды, состоящие из хороших книг, земледельческих орудий и других, имеющих отношение к изучаемым им наукам.

Я желаю также, чтобы в его распоряжение предоставили несколько десятин земли, на которых он бы производил агрономические опыты. Это будет новый способ доставлять ему движение. Ему следует дать легкий и хороший плуг, также борону, маленькую сеяльную машину и т.д.

Непреренно нужно будет освоить его всеми этими инструментами, научить его размежеванию полей, заставлять его анализировать состав почв, научить его отличать разные травы лугов, заставлять его вести по-русски списки о посевах и урожае его пашни.

На землю, назначенную ему, следует смотреть как на рассадник хлебных растений, имеющую двойную цель: обучать его и в то же время доставлять значительное количество зерна в виду лучшей эксплуатации моих земель.

Вырученная им с своих полевых работ сумма денег будет предназначена в пользу бедных. Он должен будет сам распределять их между ними. Употребление химии до того необходимо

и обыкновенно, что она должна быть неизбежною частью хорошего воспитания. Это одна из наук наиболее важных для крупного землевладельца и даже для государственного человека. Она особенно необходима в такой стране, как наша, где много еще предстоит сделать и где знающий химик должен считаться цивилизатором и, в некотором роде, созидателем.

Я требую также, чтобы сын мой упражнялся с способными и образованными землемерами в межевании. Ему необходимо знание тригонометрии. Можно легко заметить по этим различным родам занятий, что я желаю, чтобы сын мой воспитывался в деревне до 16-летнего возраста, когда он должен начать путешествовать. <...>

...Он должен положить себе за постоянное правило выучивать наизусть стихи некоторых Латинских и Греческих классиков и декламировать их вслух. Память его следует постоянно упражнять. Надо заставлять его сочинять речи по-русски на нравственные и исторические темы. Первый раздел истории, которой его будут учить, должен быть отечественный. Так же стоит поступить и с изучением географии. Это предварительное ознакомление будет ему очень полезно при предстоящем ему путешествии по отечеству. Следует заставлять его по одному разу в месяц произносить громкие речи, им самим составленные, и лучшие всего при многочисленных слушателях¹⁵.

Подобным образом воспитывали во многих дворянских семьях. И этот багаж Рачинский старался перенести в устроенные им школы.

«На последние дни Масленицы ребята распускаются по домам. Собираются они вновь в школу в чистый Понедельник. Не все успевают к началу уроков. Живущие далеко опаздывают, более по вине родителей, чем по собственной. Впрочем, к обеду все бывают в сборе. Присоединяются к нам и некоторые из бывших учеников, басы и тенора нашего хора.

После обеда бывает спевка, на коей неизменно оказывается, что альтики хрипят, что дискантики плохо берут свои верхние ноты вследствие масленичной беготни и крика на морозном воздухе. Но мало помалу голоса слаживаются, и давно заученные напевы звучат с достаточною стройностию»¹⁶.

У татевского учителя не было собственной семьи, его семью составляли все ученики школы. Он жил в школьном здании, и пример его подвижнической жизни одухотворял окружавших его людей

¹⁵ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. М., 1889. С. 4–6.

¹⁶ Рачинский С.А. Из записок сельского учителя. СПб., 1889. С. 202.

и школьное дело в целом. Вечерами дети читали «Записки охотника», «Капитанскую дочку», поэтов Золотого века, из которых сельский учитель уделял больше времени изучению творчества Пушкина, сравнивая его творчество со всемогущим талисманом, раздвигающим для всякого грамотного темные пределы времени и пространства.

Рачинский был счастливым свидетелем того, как каждый ребенок, приходящий в школу, крестясь, целовал первую книгу, которую давали ему в руки. Первые слова, которые дети учились писать, — не бессмысленные двусложные «мама мыла раму», а содержащие глубокую мысль и живительную силу: «Господи, милостив буди мне грешному».

Первыми книгами для детей в школе Рачинского были «Родное слово» К. Ушинского и «Азбука» Л. Толстого, с которым Сергей Александрович вел многолетнюю дружескую переписку, делясь сведениями о школьных делах. Овладев русским языком, ребята учились читать «из книги» (набираясь знаний), а не «в книгу», по выражению самих крестьян.

«Всякий хороший ученик дельной сельской школы на 15-м году с наслаждением прочтет “Капитанскую дочку” и “Дубровского”, “Бориса Годунова” и “Русалку”, “Полтаву” и “Песнь про купца Калашникова”, “Тараса Бульбу” и “Ночь перед Рождеством”, “Ундину” Жуковского и “Семейную хронику” Аксакова, а также некоторые вещи второстепенных их современников — Лажечникова, Загоскина, Даля, наконец, подходящего к их строю “Князя Серебряного” А. Толстого». Рачинский в учебной практике уделял большое внимание школьному сочинительству, учил детей писать стихи и рассказы.

Судите сами, какими чувствами были наполнены сердца учеников татевской школы, юношей предреволюционных лет — наших прадедов¹⁷:

Экзаменационное сочинение ученика 6 отделения Татевской им. С.А. Рачинского школы Василия Калинова. 16 мая 1913 года.

Борцы за целостность государства в Смутное время.

Русское государство в течение многих веков своего существования переживало много радостных и печальных годин, во время которых жизнь русского народа то поднималась и процветала, то упала и увядала. Во время удельных междоусобий, нашествия разных врагов, двухсотлетнее владычество над Русью одного из азиатских народов много принесли

горя русскому народу, но ни одна из сих страшных годин не угрожала Руси такою гибелью ее национальности, как Смутное время, наставшее после смерти Феодора Иоанновича, последнего царя из Рюрикова дома. Главная причина смуты было прекращение царствующего у нас дома Рюрика. Хотя смутное время продолжалось недолго, но оно едва в конец не разрушило нашего отечества. Иногда Россия доходила до такого падения, что стоило дать ее два три толчка и она погибла бы, но Милосердный Бог не желал гибели нашего отечества и воздвигал из среды русских людей твердых и непоколебимых поборников за свою национальность и все родное русское. Все эти люди были глубоковерующие в Бога и горячелюбящие свою родину.

Первым главным поборником за русскую национальность был патриарх Гермоген. Главная заслуга Гермогена состояла в том, что он разослал грамоты свои по разным городам, призывая людей на освобождение Москвы от поляков при 1-м и 2-м самозванцах. Грамоты Гермогена были так умилительны и так действовали на сердца русских людей, что многие из русских, сторонники самозванцев, чувствуя угрызения совести, переходили обратно на сторону русских и уже начинали освобождать свою столицу.

И так, благодаря Гермогену и его грамотам, мы освободились от 2-х самозванцев и с его же помощью избрали на престол Василия Шуйского, который и процарствовал четыре года, но Шуйским многие были не довольны, потому что он был избран одною Москвою, а потому и свергли его с престола и вот в это время пошла великая смута по всей русской земле, которую русские люди называли «лихолетьем». Польский король, думая посадить на русский престол сына своего Владислава, с огромным войском вторгся в Россию и начал забирать один город за другим и осадил даже старинный русский город Смоленск.

Но здесь еще усиленнее начинает действовать Гермоген: он с большим усилием посылает одну грамоту за другою, возбуждая в русском духе уже забытое и потерянное патриотическое чувство и многие лучшие русские люди, внимая голосу Гермогена, принимались за освобождение Москвы. Главный вождь ополчения 25 городов, пришедший на освобождение отечества, был Прокопий Ляпунов, но ему не удалось исполнить своей мысли, он был убит казаками

¹⁷ Публикация дана с сохранением орфографии тех лет и незначительных ошибок ученика.

по наущению атаманов Трубецкого и Заруцкого. Много также помог освобождению Москвы ученик Гермогена келарь Авраамий Палицын, который так же, как и его учитель писал грамоты, но большую часть времени проводил в ополчении Ляпунова и в счастливую минуту сражения он умел ободрить казаков и тем сбил поляков.

Также Троицкая лавра, основанная преподобным Сергием Радонежским, сильно подражала святителю Гермогену и много рассылал грамот по всей Руси, призывая людей на освобождение отечества. Все иноки этой обители всю ночь на пролет писали грамоты и развозили их по разным городам и в то время выдерживали 16 месячную осаду своей лавры.

Но вот одна из грамот подражателей Гермогена пришла в Нижний Новгород. Прочитав ее, Нижегородцы, под предводительством Минина и Пожарского, собрали ополчение и освободили Москву от поляков, а архимандрит Троицкой лавры Дионисий освятил в ней церкви, поруганные поляками и наконец с помощью выборных людей избрали на престол Михаила Феодоровича Романова¹⁸.

Могут ли эти строки оставить равнодушными нас, потомков этих мальчишек, что писали, так искренне чувствуя связь времен, так переживая за судьбу Отечества? От каллиграфии и ясного течения мысли этих сочинений трудно оторваться. Важно здесь и то, что история и литература являли собой единое целое в школьном обучении. Вот она — церковно-приходская школа, давшая государству тысячи ученых и военных как в дореволюционное, так и в советское время.

Сергей Александрович внимательно следил за программой губернских и уездных школ и училищ, брал за образец все лучшее. В его архиве хранятся выписки из отчетов Бельской прогимназии, где, в частности, указано, что в 1890-е годы изучали русских писателей Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя, Аксакова. Прогимназии в Российской империи давали программу младших классов гимназии и выпускали учителей начальной школы. В первый год изучались грамматика церковно-славянского языка в связи с русской грамматикой, этимология, синтаксис простого предложения, перевод с церковнославянского языка на русский из исторической хрестоматии и Евангелия, письменное изложение прочитанных статей из книги для чтения, составление планов, описаний и рассказов, самостоятельные сочинения

по заранее составленному плану.

Второй год обучения: синтаксис церковнославянского и русского языков, чтение и разбор (характеристики и описания) лучших отрывков из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, русский эпос — былины и духовные стихи, образцы народной лирики. Чтение из сборника «Русская земля и люди», разбор прочитанного, сочинения, описания, повествования, извлечения, конспекты, характеристики из содержания разобранных статей, знакомство с народной лирикой и разбор некоторых драматических произведений, перевод с церковнославянского на русский наиболее замечательных по форме и содержанию отрывков из Библии.

Курс истории включал следующие книги: «Русская летопись для первоначального чтения» (Вл. Соловьев), «Святая Русь: извлечения из Карамзина и других исторических сочинений» (сост. Я. Тягунов), «Отечественная война 1812 г.» (журналы «Досуг и Дело»), «Народные чтения. Рассказы о севастопольцах» (А.Н. Супонев), «Хивинский поход» (А.Н. Хребтов), «Открытие Америки» (С. Даневская); «Приемыш. Повесть из того времени, как французы брали Москву» (Т. Толычева).

Примерно эта же программа была введена Рачинским в созданных им училищах, этот же курс в доступном переложении изучался в татевской и других школах.

Обучение в школе Рачинского, по воспоминаниям бывших учеников, было праздником. А сами праздники — торжественными вдвойне. Так В.Т. Георгиевский в журнале «Народное образование» (июль—август 1904 г.) описывает празднование дня святых просветителей славян Кирилла и Мефодия: «Среди праздников специально школьных следует отметить празднество, устраивавшееся Сергеем Александровичем ежегодно в Татеве 11 мая, в день памяти св. Кирилла и Мефодия, первоучителей словенских, на которое собирались ученики, окончившие курс в этом году и со всех соседних школ, обязанных своим возникновением Сергею Александровичу и находящихся под его попечительством и руководством. Этот праздник был полон глубокого смысла и преследовал цель закрепить в сознании учащихся детей тесную связь нашу с другими славянскими народами, для которых язык богослужебных книг до сих пор остается одним общим языком для всех.

В этот день обыкновенно совершалась богослуженная литургия в присутствии всех учеников татевской школы и прибывших из

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1014. Л. 45, 45 об, 46, 46 об.

школ окрестных селений и затем устраивался крестный ход в татевскую школу, где служили молебен св. Кириллу и Мефодию. Особенно торжественно устраивался крестный ход в школу. Вот как рассказывает об этом празднике один ученик Сергея Александровича – Емельянов, бывший в Татеве 11 мая в качестве гостя из соседней меженинской школы: «После заамвонной молитвы учитель поставил всех нас в два ряда посреди церкви лицом друг к другу, от амвона до выходной двери. Затем стал раздавать каждому по хоругви. Это были высокие и легенькие древки с деревянными крестиками наверху, к ним прикреплены картонные хоругви, и на каждой из них была нарисована во всю хоругвь красной краской какая-нибудь славянская буква. Обедня кончилась. Старичок священник с благообразной седой длинной бородой, в камилавке, с крестом в руках, за ним диакон с Евангелием, два мальчика со свечами, четыре мальчика с иконами св. Кирилла и Мефодия вышли из алтаря. И вся эта торжественная процессия двинулась из церкви: мы – дети-хоругвеносцы – впереди, позади нас причт, хор и все присутствующие. Выйдя из церкви, процессия отправилась к школе. День ясный, солнечный, дует маленький ветерок, тихо колыхая и шелестя нашими оригинальными хоругвями. Хор поет тропарь: «Яко апостолам единокравни...» Чудный, простой и вместе торжественный этот вид невольно наводит на хорошие отрадные мысли, вселяет в сердце светлые надежды на будущее. Вздывая высоко это знамя, олицетворяющее собой самое важнейшее и необходимое в нашей жизни, они как бы собрались пройти весь жизненный путь под ним, призывая и других под сень его. Тут между нами находится и «он», которого по духу дела смело можно назвать братом св. Первоучителей славянских. Как св. братья Кирилл и Мефодий первые пришли просветить духовную темноту и невежество болгарских славян, так этот апостол, только не древних славян, а русских крестьян, первый двинулся на эту нищую духом Божью ниву и своей горячей любовью к человечеству, своей верой в него, своей надеждой, что дело, начатое им, не заглохнет, – продолжится и после него, создал эту чудную, многознаменательную картину, которой могли бы любоваться все желающие.

Дойдя до школьной террасы, духовенство и хор вошли в нее, а мы полукругом встали внизу ступеней. Начался молебен св. Кириллу и Мефодию, после которого священник окропил всех водой, и мы двинулись обратно в церковь, где, поставив хоругви, стали подходить ко Кресту. Когда собрались опять все в училище, нас позвали в класс. Посреди класса стоял стол, на нем лежали книжки и стояли чашки с красными яйцами. Сергей Александрович стоял у стола, мы остановились перед ним. «Вот, голубчики, – обратился он к нам, – на память о сегодняшнем дне я хочу раздать вам книжечки, в которых описаны жизнь, труды и подвиги св. братьев Кирилла и Мефодия. Конечно, вам уже известна, хотя вкратце, жизнь их, но, тем не менее, думаю, что эти книжечки не лишние будут для вас. Прочитывайте их хоть изредка. В жизни святых братьев много поучительного для вас». После этих кратких слов Сергей Александрович начал раздавать нам книжечки и яйца»¹⁹.

Для того, чтобы развить мыслительные способности учащихся, Рачинский придумывал задачи, используя картины церковного и сельского быта, знакомого крестьянским детям. К примеру, такие: «В нашем обществе трезвости 980 членов. Если считать, что каждый из них тем, что не пьет, сберегает по 25 руб. в год, сколько в год они сберегают вместе?»²⁰ Или: «Двое одновременно выехали друг другу навстречу из Ржева и Белого (120 верст) и встретились через 8 часов. Один проезжал за час 9 верст. Сколько проезжал за час другой?»²¹, «Колокольня имеет высоту 40 аршин. В нижнем ярусе столько аршин, сколько в верхнем футов. Сколько аршин в том и другом?»²². Точная наука превращалась для детей в живую игру. После года обучения математике ученики Рачинского с легкостью умножали и делили в уме двузначные числа.

Такая увлекательная арифметика вызывает интерес и у сегодняшних учителей и учеников. Задачи и примеры, составившие статью «Арифметические забавы», публиковались в журнале «Народное образование» (1900. № 3). Книга Рачинского «1001 задача для умственного счета» выходила до революции, была переиздана в советское время, переиздается и сегодня.

Рачинский, не заключенный в тиски канцелярской работы, которой обременен современный учитель, волен был рассуждать: «В мире сем все

¹⁹ Народное образование. 1904. Июль–август.

²⁰ 1001 задача для умственного счета в школе С.А. Рачинского. М., 2014. С. 29.

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 83.

связано: успехи сельской школы с поэзией Пушкина и музыкою Глинки, — судьбы русского искусства с жизнью русской сельской школы»²³.

По известным картинам ученика Сергея Александровича замечательного художника Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет в народной школе С.А. Рачинского», «Урок музыки», «Воскресное чтение», «У больного учителя» и многим другим, где изображены татевские ребятишки, можно видеть, с какой любовью и восхищением, как дерзновенно и терпеливо овладевают они знаниями.

На Рачинском лежала огромная ответственность: направляя ребенка на художественную деятельность, он должен был безошибочно угадать степень его таланта и силу характера. Ибо могло получиться так, что молодой человек оторвется от крестьянского труда, а путь художника окажется ему не по силам. Рачинский направил учиться в Школу иконописи при Троице-Сергиевой лавре трех учеников своей школы. Но позже, когда юноши окончили Школу и поступили в Московское училище живописи и ваяния, он писал, что вполне мог бы удвоить число талантливых мальчиков, поставленных им на этот путь. Для развития художественных способностей детей Рачинский настоятельно рекомендовал учителям заводить уроки иконописи при школах. Ибо «ремесло это соприкасается с самыми высокими сферами искусства, открывает перспективы несравненно более широкие, чем геометрическое черчение и рисование орнаментов»²⁴.

Советами и средствами помогал Рачинский всем земским и министерским школам Бельского у. Обучались в них 580 мальчиков и 123 девочки. Среди устроенных Рачинским школ: Березовская, Бобровская, Знаменская, Зехинская, Вязовашская, Хрущевская, Сопотская, Михеевская и Шкилинская, а также училища, помимо Татевского — Глуховское, Травинское, Тарховское, Межененское и Новосельское. В церковно-приходской школе с. Спас-Берега в 6 км от Татева, где жил мой прадед Кузьма Николаевич Ушаков, в 1892 г. учились 7 мальчиков и 4 девочки. Учителем там был псаломщик Руженцов. Имя его, к сожалению, не сохранилось в памяти моих предков.

Рачинский одним из первых выступил за обучение девочек. Учитель добился открытия в Глуховской вол. Бельского у. двух женских школ — Шопотовской и Тарховской. Последняя особенно славилась своими мастерицами вышивки и кружевоплетения. В 1885 г. Рачинский стал попечителем женских училищ Бельского у.

В 17 лет выпускники школ сдавали специальный экзамен Комиссии при средних учебных заведениях и получали звание сельских учителей. Сначала работали помощниками учителя, а затем старшими учителями. В 1890 г. в окрестных школах преподавали уже 40 учителей, подготовленных стараниями Рачинского.

За 30 лет занятий школьным делом татевским учителем было открыто более 26 школ в Бельском у., где большей частью учительствовали его ученики. Вскоре они открыли несколько школ и в других губерниях.

Воспоминание о деятельности С.А. Рачинского не так давно прислала мне директор Бельского краеведческого музея Галина Ивановна Муратова. Написано оно 18 июля 1916 г. Евдокимом Елисеевичем Соколовым — учителем-заведующим Чернопенским двухклассным Министерством народного просвещения училищем Костромского у. Костромской губ.:

«Родился я в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, 26 июля, в бедной крестьянской семье, в небольшой деревушке Смоленской губернии Бельского уезда Шантовской волости, прозываемой “Вараксино-Михеево”. Неустанными трудами известного педагога С.А. Рачинского и в нашем захолустном уголке возникла церковно-приходская школа. Покойный учитель не только плодил школы, но всеми мерами старался расположить к ним население и показать на примерах пользу образования. С этою целью многих крестьянских детей он сам учил и содержал на личные средства, а потом, в зависимости от способностей и призвания каждого, направлял в другие учебные заведения, расчищая дорогу многим талантам-самородкам. Неоднократно он заглядывал в убогие хибарки крестьян, просиживал там целыми часами, уговаривая отцов посылать детей в школу. Под влиянием его бесед мои родители, несмотря на беспросветную бедность, на восьмом году заставили меня посещать церковно-приходскую школу.

Учитель, питомец Рачинского и педагог по призванию, заинтересовал нас учебными предметами и всеми мерами старался приохотить к учению. Немало помогали ему посещения школы Сергеем Александровичем: они были просветом в нашей трудовой жизни.

Три года учения в родной школе прошли незаметно. На следующую осень я числился уче-

²³ Рачинский С.А. Из записок сельского учителя. СПб., 1889. С. 184.

²⁴ Там же. С. 183.

ником Шантовского 2-классного училища, отстоящего от нашей деревеньки в пяти верстах. Ни бедность отца, ни холод, ни ежедневный десятиверстный путь, заносимый в зимнюю бездорожицу огромными сугробами, — ничто не мешало мне и моим товарищам сравнительно аккуратно посещать школу.

Наш обожаемый учитель Рачинский, как попечитель училища, не забыл «милых деток» и здесь. Его посещения неизменно сопровождались подарками и беседами, а в год окончания курса мы два весенних дня провели в дорогом ему Татеве, носясь по саду, парку, роскошным цветникам и оранжереям в обществе чрезмерно любимого «отца детей».

В день акта, С[ергей] А[лександрович] в последний раз приехал в Шантово. Помню, как сейчас помню, маленькую фигурку седенького старичка, одетого с ног до головы в белое одеяние, с ясным светлым взором и сияющим любовью лицом, окруженную «детками» и учительским персоналом. «Покровитель народного образования» взял с наших отцов обещание не препятствовать нашему стремлению учиться. Рекомендовал он по преимуществу Дровнинскую церковно-учительскую школу Смоленской губернии, где один из его любимейших помощников, В.А. Лебедев, исполнял обязанности заведующего и во всем следовал примеру покровителя.

Через три года я уже покидал гостеприимный кров Дровнинской школы с дипломом народного учителя. С какой неохотой мы расставались с незабвенными преподавателями, так много хорошего сделавшими для нас, тем более, что дальнейшая жизнь для нас была полна неизвестности. В прощальной речи В.А. Лебедев, стараясь ободрить нас, напутствовал такими словами: «В жизни много хорошего, верьте правде, ищите ее и, уча других, учитесь сами, старайтесь быть мудры, как змеи, и просты, яко голуби». С такими заветами выходил я на самостоятельную дорогу и с 1-го ноября 1905 г. вступил в отправление обязанностей учителя Феодоровской церковно-приходской школы Рославльского уезда Смоленской губернии»²⁵.

Учитель Рачинский, оставивший в своем литературном наследии потаенные лирические строки, считал, что пробуждение любви к природе, понимание ее и сбережение — лучшие плоды истинного образования. Сергей Александрович глубоко лю-

бил природу, его школа и усадебный дом утопали в цветах, что можно увидеть на рисунках старшего брата Владимира Рачинского. В парке, возделанном их отцом, росли редкие сорта цветов и деревьев. На сегодняшний день сохранились несколько двухсотлетних дубов и липовые аллеи. В природе Рачинский учился и учил детей искать духовное содержание, за ее красотой видеть Создателя.

Народная школа, по мнению Рачинского, создается исключительно силой народного духа, ее направления и формы вырабатываются под давлением требований, предъявляемых к ней со стороны родителей учеников, отражая их духовные запросы. Видя могущество народного влияния на школу, Сергей Александрович твердо верил: «Современная Россия не вся в поругании святыни, в хищениях и глумлениях, во лжи адвокатских речей и журнальных писаний, в тупом разгуле кабака и в откровенном разврате образованных классов. Есть течения иные, сокровенные и глубокие, есть чистые люди, есть добрые дела...»²⁶.

Все упования профессора Рачинского были исключительно на учителей и священников из народа, ибо он, прожив половину жизни в светском обществе, наблюдал разложение большей части современной ему интеллигенции. И возможно, это стремление учить крестьян было главной задачей того времени. Если бы такие учителя работали в каждом уезде Российской империи, если бы каждый помещик заслужил, чтобы к нему крестьяне обращались «милосердный отец», как обращались к Рачинскому, не думаю, что наш народ можно было бы заставить вершить кровавую революцию.

Самое трогательное и весьма важное в разговоре о Золотом веке Рачинского то, что святое дело творилось просто: учитель мог купить скрипку или костюм своему выпускнику, Государыня могла подарить фисгармонику сельскому учителю, вслед за рескриптом от 14 мая 1899 г. Государь назначил татевскому учителю пожизненную пенсию в три тысячи рублей.

У Рачинского были особые взгляды на школьную программу и методы преподавания. Он не придавал значения различным усовершенствованиям методик, а требовал, чтобы учителя сами знали достаточно хорошо то, чему будут обучать, и затем полагал, что чем проще они будут учить, тем лучше, лишь бы учили усердно.

По его мнению, воспитанники учительских семинарий получали весьма скудное, поверхностное полуобразование и попадали, таким образом, в

²⁵ Личный архив автора.

²⁶ Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1902. С. 275.

жизни в неопределенное умственное положение. Больше доверие Рачинский оказывал ученикам духовных семинарий и обученным им самим учителям из крестьян, сохраняющим весь строй крестьянской мысли и нравов. Такой общий взгляд на учительские семинарии не мешал видеть Сергею Александровичу счастливые, по его мнению, исключения. Более того, когда некоторые из его учеников пожелали поступить в Алферовскую учительскую семинарию, Рачинский не препятствовал им, а помогал советом и материальными средствами, так же, как и другим воспитанникам, избравшим иные пути образования.

Важно отметить еще то, что Рачинский сумел объединить вокруг себя тысячи (!) людей, отказавшихся от употребления алкоголя. В 1882 г. учитель сам дал обет трезвости в день своего небесного покровителя — Преподобного Сергия Радонежского и следом за ним подписались несколько десятков прихожан Троицкой церкви. Общества трезвости по типу Татевского стремительно возникали по всей России. По письмам, хранящимся в РНБ, можно проследить географию адресатов, обращавшихся к Рачинскому по вопросам организации подобных обществ, их настроение и душевный подъем²⁷.

Примечательно, что крестьяне татевского прихода, который составлял две тысячи человек, нанимали регента, чтобы разучить «Обедню» Петра Ильича Чайковского и успешно пели ее на радость и удивление учителя Рачинского. Простой народ мог оценить достоинства сочинения великого композитора. Древняя русская культура, со своим кондакарным распевом, иконописной школой и зодчеством, какой она явилась на заре XI в., началась задолго до этого времени и находила свое выражение в фольклоре и музыке, в словесности и художественном искусстве. Русский народ сложился как культурное общество благодаря своему чутью и устремленности к духовному идеалу. Народные дарования питала сама природа, из которой и брали мотивы и настроение наши профессиональные мастера.

Для реализации многочисленных начинаний в Татеве и округе нужны были и средства, и педагоги, и духовенство, разделяющее с педагогом его взгляды. «У нас, хотя болезненно и медленно, прививается церковная школа, — пишет Сергей Александрович в письме В.В. Розанову. — Из синодальных миллионов на долю Бельского уезда досталось 3,200 руб., что и на школы наличные (их

около шестидесяти) слишком мало. Ревнителей этого дела, как Вам известно, кроме меня, не имеется; я же связан по рукам и по ногам своими недугами. Учить окончательно более не могу, и малейшая поездка обостряет эти недуги. Батюшек, взявшихся за школьное дело усердно и разумно, еще слишком мало. До результатов непрерываемо убедительных не доживу, что не мешает мне весь остаток моих сил употребить на то, чтобы их подготовить. В Дунаеве, где имеется прекрасный священник моего поставления, воздвигнута великолепная 2-классная школа с учительским классом, на которую возлагаю немалые надежды. Таковая же воздвигается в селе Болтеве, где священствует о. Петр Ельманович, брат нашего Дмитрия Павловича. Женская школа Софьи Николаевны продолжает процветать»²⁸.

По рассказам Ивановой Александры Аркадьевны — дочери восприемника Рачинского Серякова Аркадия Аверьяновича, мы знаем, что настоятелем Троицкого храма и школьным законоучителем в последние годы жизни Рачинского был отец Петр Григорьевич Марков, матушку величали Натальей Николаевной. Причетником служил Иван Алексеевич Кочеповский, женатый на сестре отца Петра Авдотье Григорьевне. Садовником в усадьбе некоторое время был латыш Мартин, а управляющим имением — поляк Савелий Петрович Карлуцкий. Помощниками учителя были Павел Онуфриевич Шалдокин и художник Тит Никонов, преподавателем геодезии — Нил Аристархович Мистров, преподавателем столярного ремесла — Иван Тарасов, плотником — Андрей Самсонов. Как сложилась жизнь сподвижников и учеников Рачинского? Где теперь их дети и внуки, кого и где они учат?

Создав уникальную Русскую школу, по образцу которой возникли школы в Англии и Японии (!), Рачинский принял активное участие в разработке реформы образования в России под руководством К.П. Победоносцева. Среди советников Константина Петровича наряду с Рачинским была также супруга Победоносцева Екатерина Александровна, сестры А.Ф. и Е.Ф. Тютчевы, баронесса А.Ф. Раден — общественный деятель, фрейлина великой княгини Елены Павловны, состоявшая в дружбе с И.С. Аксаковым, Б.Н. Чичериным, Ю.Ф. Самариным. Дневники С.А. Рачинского 1882–1896 гг. — времени его частого пребывания в Санкт-Петербурге — говорят о его неутомимой деятельности по усовершенствованию реформы образова-

²⁷ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 631. «Рачинский Сергей Александрович». Д. 87: «Письма к С.А. Рачинскому».

²⁸ Русский вестник. 1902. № 10. С. 148.

Могила Аркадия и Зинаиды Серяковых - учителей
Татевской школы, соратников С.А. Рачинского

ния, в частности, о его участии в 1882 г. в работе созданной при Синоде комиссии по возрождению церковно-приходских школ. Вопрос, почему не были приняты наработки Победоносцева и Рачинского по реформированию школы, требует сегодня особого изучения.

Для времени 1870 – 1900 гг. деятельность С.А. Рачинского стала руководством к действию для огромного числа педагогов, а его посыл просвещать народ, утверждая его в вере, имел стратегические задачи в предчувствии революционной волны, которая за минувшие десятилетия вымыла сознание многих наших соотечественников, опустошив их духовно.

Последние годы жизни Рачинский был попечителем церковных школ 4-го благочинного округа Бельского у. Смоленской епархии; с 1899 г. – почетным членом Епархиального училищного совета.

Император Николай II, в чье царствование была создана высокопрофессиональная система среднего и высшего образования, давшая невероятный скачок развития науки и техники, с чьего повеления почти повсеместно было введено обязательно бесплатное образование для крестьян, не мог не отметить труды учителя Рачинского. 14 мая 1899 г. он подал рескрипт: «Сергей Александрович! Многолетняя ваша деятельность на пользу народную обращает на себя особое Мое внимание. Обширное

образование ваше и опытность, приобретенную на государственной службе в Московском университете, посвятили вы, с ранних лет, делу просвещения посреди населения, наиболее в нем нуждающегося. Поселясь безвыездно в отдаленном родном имении, вы явили для всего благородного сословия живой пример деятельности, соответствующей государственному и народному его призванию. Труды ваши по устройству школьного обучения и воспитания крестьянских детей, в нераздельной связи с церковью и приходом, послужили образованию уже нескольких поколений в духе истинного просвещения, отвечающего духовным потребностям народа. Школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковноприходских, стали

питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений.

Близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность. Пребываю к вам благосклонный. НИКОЛАЙ»²⁹.

На этот Рескрипт откликнулись более десятка тогдашних газет и журналов: «Петербургская газета» (1899. № 136. 20 мая), «Гражданин» (1899. № 37) и др. Но еще до выхода Рескрипта о С.А. Рачинском писал редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» князь Э.Э. Ухтомский: «Русь еще не оскудела людьми, занятыми созидательной работой, которые как пчелы строят одну ячейку за другой в громадном улье нашей народной жизни. Эти созидатели изыскивают и поддерживают прочные и здоровые основы народной жизни, которые никому не удастся расшатать до тех пор, пока только будет стоять русское государство. И те люди, которые смиренно работают, веря в свои идеалы, заслуживают большого общественного внимания, т.к. они оставляют заветы будущему и передают свет новым поколениям, при которых тем придется работать. “Созидатели” при жизни всегда не

²⁹ РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 716. Л. 7–8 об.

пользуются ни поклонением, ни шумным успехом, но это — общая участь всех искренних и плодотворных деятелей, заботящихся о чужом, а не о личном благе и поэтому оставивших попечение о собственной рекламе и выгодах.

Одним из самых замечательных современных русских деятелей, знатоков всей глубины русской жизни народной и “учителей века” является по профессии учитель сельский Сергей Александрович Рачинский. Он, к стыду русской интеллигенции, ей мало известен, тогда как многие современные бездарности, журнальные компиляторы и псевдоученые играют роль в обществе, заставляют себя выслушивать и имеют какое-то сильное значение для нашей рабской читающей толпы»³⁰.

Посвятив половину жизни церковной народной школе, Рачинский передал в собственность Училищному Совету при Святейшем Синоде все свои работы по педагогике.

К вопросу о «непросвещенном народе» следует сказать, что церковно-приходских школ в Смоленской губ. к 1902 г. было 916. В них обучалось 34 525 детей: 26 399 мальчиков и 8126 девочек, как значится в «Обзоре Смоленской губернии за 1902 г.».

Свое делание на школьной ниве Рачинский отразил в публицистических заметках, публиковавшихся в журналах «Русский вестник», «Народное образование», газетах «Церковные ведомости», «Русь». Они характеризуют автора как крупного русского педагога-просветителя, принадлежащего к выдающемуся ряду таких народных педагогов, как В.П. Вахтеров, Х.Д. Алчевская, К.Н. Вентцель. Статьи Рачинского «Из записок сельского учителя», «Народное искусство и сельская школа», «Музыкальная заметка», «Письма к духовному юношеству о трезвости» и многие другие работы вошли в книгу «Сельская школа». Она выдержала семь изданий, пережила советский атеизм и сегодня реально применима в школьной практике.

До 1924 г. Татевская школа носила имя своего основателя Сергея Александровича Рачинского, затем его имя, как и заслуги, были забыты на десятилетия. После Великой Отечественной во-

На террасе дома Рачинских. Татев

ины школа получила статус средней общеобразовательной, а в 1998 г. ей было возвращено имя С.А. Рачинского.

Эхо татевской школы

Чем же была эта универсальная школа С.А. Рачинского для своего времени? Прежде всего, она зиждилась на личности педагога и отражала его способности, врожденные дарования, уровень религиозности, кругозор, образование, которые создавали воспитательную среду для его учеников. Из школьного гнезда они вылетали, имея обширный багаж знаний, какой сегодня едва ли можно получить, окончив престижную столичную гимназию. Не говоря уже о том, что такие, как это теперь называется, «образовательные услуги» родителям сегодняшнего школьника обошлись бы недешево. В школе Рачинского с родителей брали только муку для выпечки хлеба. Представляет интерес и то, что Рачинский, оставив свою университетскую кафедру «Физиологии растений», после десятилетия деревенской жизни собрал вокруг себя еще более значимую «кафедру», только теперь уже церковную и литературно-музыкальную, если можно так выразиться, — кафедру целостного развития. Каждое лето в школе Рачинского занимались студенты и семинаристы, по различным общественным, педагогическим и литературным делам приезжали известные деятели культуры того времени.

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 63. 6(18) марта.

Татевская школа никогда не закрывалась, летом здесь занимались певчие и художники, под руководством Сергея Александровича юноши готовились к поступлению в духовные училища. Каждое лето у Рачинского проводил его крестник Сергей Сеодзи – японец, новообращенный в Православие святителем Николаем (Касаткиным) – земляком Сергея Александровича. Рачинский подарил Сеодзи икону преподобного Сергия Радонежского и томик «Троицких листков» в кожаном переплете с надписью золотыми буквами «Дорогому моему крестнику Сергею Сеодзи».

Многие выпускники университетов приезжали в Татев, чтобы поработать под руководством Рачинского. Прошли «школу Рачинского» известные педагоги Н.М. Горбов, В.А. Лебедев, А.Д. Воскресенский, А. Голицын. В школьной художественной мастерской Сергей Александрович сам проводил занятия по живописи, черчению и рисованию. Здесь же давал уроки муж его сестры, художник Э.А. Дмитриев-Мамонов.

Во время посещений Татева со школьным хором занимался Степан Васильевич Смоленский, музыкант, директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории, с 1901 по 1903 гг. руководил Придворной певческой капеллой в Петербурге. В 1901–1902 гг. вел отбор лучших певцов из хора татевской школы для хора Синодального училища.

В Татеве изучала педагогическую практику, а затем и преподавала графиня Евгения Борисовна Ефимовская (1850–1925) – будущая устроительница Леснинского монастыря в Седлецкой губ. на границе России и Австро-Венгрии (ныне Польша). После обучения в Татеве Евгения Борисовна учительствовала в Велико-Будицком монастыре на Полтавщине, затем по совету батюшек Амвросия Оптинского и Иоанна Кронштадтского направилась в Лесну, приняв постриг с именем Екатерина. За тридцать лет игумении Екатерине удалось создать в Лесне обитель, где к 1914 г. монашествовали 500 сестер, воспитывались 700 детей, на праздники стекались до 30 тысяч богомольцев. Узнаваема и здесь школа Рачинского.

В Татеве до последних земных дней Сергея Александровича кипела жизнь: велись переговоры с мастером переплетного дела из г. Белого о том, чтобы он привез свой переплетный инструмент в Татевскую школу и бесплатно обучал детей. Рачинский вел обширную переписку с архиепископом Смоленским и Дорогобужским Никоном,

Константином Победоносцевым, своими учениками И. Петерсоном, Т. Никоновым, Н. Богдановым-Бельским, с учителями не только окрестных школ, но и с устроителями школьного и библиотечного дела по все России.

В 1916 г. вышла книга Александра Ивановича Миловидова «Памяти С.А. Рачинского». Он рассказал о своей встрече с татевским учителем в Троице-Сергиевой лавре, куда приезжал, окончив Тульскую духовную семинарию. Молодой человек стоял перед выбором дальнейшей деятельности: учительство, священство или академия. В Лавре, на скамеечке перед домом отца Варнавы Гефсиманского молодой человек разговорился с господином. Тот сказал ему, «какое важное значение имеет в настоящее время служение в сельской школе, которая должна стоять под покровительством Церкви, т.к. России нужен идейный сельский учитель, любящий народ и его детей»³¹. Этим господином был Сергей Александрович Рачинский.

На протяжении многих лет А.И. Миловидов, став учителем школы в Тульской губ., писал Рачинскому и получал от него советы по устройству школы, по организации Обществ трезвости, библиотек. Позже А.И. Миловидов стал основателем Виленского Братского издательского комитета, ежегодно выпускавшего в свет свыше сотни тысяч экземпляров брошюр и листовок для народа. Виленский Братский комитет по устройству религиозно-нравственных чтений в 1880–1890 гг. вел занятия в 623 аудиториях, число посетителей составляло 916 160 человек разных возрастов, вероисповеданий и народностей. «В 1903 г. мною основаны в Вильне две бесплатные народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, которые имели до мая 1915 г. свыше 36 600 абонентов», – писал Миловидов. – Я, говоря о своей деятельности, отношу ее к первоисточнику – С.А. Рачинскому, давшему начало и дальнейшее направление этой деятельности. И если бы мы все, обязанные ему нравственным влиянием, безбоязненно высказались, что нами сделано и как мы выполнили свои заветы, то этим достойно выразили бы свою благодарность и принесли новые свежие венки на могилу великого учителя земли Русской»³².

Как тут не вспомнить о небесном покровителе Сергея Александровича – преподобном Сергии Радонежском, называемом игуменом земли Русской? Ученики преподобного разошлись по Руси и стали устроителями новых православных обителей – ду-

³¹ Миловидов А.И. Памяти С.А. Рачинского. Пг., 1916. С. 4.

³² Там же. С. 15.

ховных светильников, центров просвещения и крепостей во времена вражеских нашествий.

Во имя преподобного Сергия С.А. Рачинским было основано Общество трезвости, имевшее все-русский охват. Ученики Сергея Рачинского, духовно окормлявшегося в Троице-Сергиевой лавре, так же разошлись по всему Русскому миру, открывая новые школы, библиотеки, Общества трезвости, воспитывая нравы и служа народному просвещению, а значит, благополучию государства.

Мысли Рачинского не расходились с его делами. Библейскую мудрость — не хлебом единым жив будет человек — подтвердит учитель всей своею жизнью, и эти слова Спасителя попросит он любимого ученика А.А. Серякова написать на своем надгробии...

Скончался Сергей Александрович 15 мая 1902 г., в день своего рождения, на руках Аркадия Серякова, которому выпало продолжать дело жизни учителя.

У могилы С.А. Рачинского. Начало XX века

По кончине Рачинского попечителем основанных им школ стала его младшая сестра Варвара. Школьным делом вплоть до разрушительных лет революции занимались и дети Константина Александровича Рачинского — первого ректора Сельскохозяйственного института, ныне Тимирязевской академии.

В 1912 г. его сыну Александру — последнему попечителю о Татевской школе — было выдано

Свидетельство Смоленской епархии «при благословительной печати» «за постоянное весьма сочувственное и отзывчивое отношение к нуждам школы и щедрые жертвы в ее пользу»³³. В июне 1917 г. Александр Константинович открыл в с. Рубанке Конатопского у. Черниговской губ. ремесленное училище. Для этого он подарил селу здание винокурного завода, которое ему досталось по наследству от материнского имения.

Не пришло ли время и сегодня наше образование сделать предметом попечения тех благотворителей и меценатов, которые думают о будущем, а главное — поставить образование на более надежные рельсы, взяв за основу то, что значилось в Положении о начальных народных училищах Российской империи: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначально полезные знания».

«В своем имении Воробьево Калужской губернии лейб-хирург Николая II знаменитый медик-уролог, профессор С.П. Федоров, мой двоюродный дед, построил в Суходреве школу (функционирует до сих пор, а попечителем ее со дня открытия был мой дед А.Н. Коншин), открыл лечебный пункт и аптеку, — рассказывает в частной беседе А.Д. Коншин-Рачинский. — В летнее время на каникулах с Федоровым приезжали его ученики, аспиранты, которые также занимались лечебной практикой в округе. А сам он любил ездить по деревням на велосипеде и лечить крестьян. В с. Ахлебинино Калужской губернии в имении Коншиных Ириной Яковлевной, женой брата моего деда, были организованы лечебница и лазарет, она часто сама ходила по деревням округи и лечила крестьян. Помимо этого, поселившись в начале 1890-х гг. в имении, Ирина Яковлевна, объединив 600 крестьянок-вышивальщиц из 57 приокских деревень, создала промысловую артель, тем самым обеспечила им дополнительный заработок. Это типичное социальное предпринимательство! Также И.Я. Коншина создала приют, несколько школ, восстановила храм и после гибели мужа построила часовню. При школе были ферма, огород, станы для ковроткачества, на которых работали мальчики, столярные мастерские. Дети сами приучались трудиться и зарабатывать деньги, распределять их на свои школьные нужды, чувствовать себя хозяевами на своей земле. Кроме того, И.Я. Коншина организовывала благотворительные концерты, ставила оперы, обучала пению и ставила голоса многим нашим московским знаменитостям»³⁴.

³³ Из документа, хранящегося в татевском Музее им. Н.П. Богданова-Бельского.

³⁴ Запись частной беседы. Личный архив автора.

В с. Сергиевка Вязлинской вол. Кирсановского у. Тамбовской губ. в 1871 г. также открылось народное училище, учредительницей и попечительницей которого стала двоюродная сестра С.А. Рачинского – Софья Сергеевна Чичерина (урожд. Боратынская). Одним из тогдашней сотни учеников был выходец из семьи бывших крепостных крестьян Боратынских, будущий архиепископ, подвижник, миссионер, один из самых значительных духовных писателей XX в. Вениамин (Федченков) (1880–1961). Он окончил духовное училище, Тамбовскую семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию. Был ректором Тверской духовной семинарии и Таврической – в Симферополе, участвовал в работе Поместного Собора Русской Церкви. Весной 1920 г. владыка Вениамин принял должность управляющего военным и морским духовенством. После капитуляции Врангеля покинул Россию; жил в Константинополе, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Сербии, Франции, был в числе немногих зарубежных иерархов, кто подписал Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г., сохранив каноническое общение с Московской Патриархией. С 1933 г. управлял Алеутской и Североамериканской кафедрой. Во время Великой Отечественной войны митрополит Вениамин стал вдохновителем патриотического движения русской эмиграции. В 1947 г. ему разрешили вернуться на Родину, где он управлял Рижской и Латвийской кафедрой, затем – Ростовской, Новочеркасской и в последние годы – Саратовской.

Первым, кто занялся восстановлением с. Татева – этой жемчужины усадебного ожерелья России, была дочь учителя Аркадия Серякова – Александра Аркадьевна Иванова – тоже учитель татевской школы. При ее рдении в начале 1990-х восстановили купола и кресты Троицкой церкви, отлили колокола. Трудом Александры Аркадьевны был создан Музей им. Н.Б. Богданова-Бельского и собраны биографические сведения о С.А. Рачинском. В 1920-е годы, когда крах Русского мира переживала ее семья, именно церковь не дала им погибнуть. Родители Александры Аркадьевны были выгнаны из школы за сотрудничество с «мракобесом» Рачинским. Когда служители революции изымали скудное имущество сельского учителя, велели снять икону из красного угла. Но Зинаида Александровна Серякова – супруга Аркадия Аверьяновича, сказала, что вешала икону ее почившая матушка, и только она может ее снять. Так и махнули рукой на бабью «глупость». Церковь закрыли, но народ все равно шел в Пасхальный день на кладбище – по-

клониться родным могилам. Жители всего села тайно приносили на крыльцо Серяковых продукты, памятуя слова Спасителя о том, что нищего питаете «во имя Мое». Да и жива была в их сердцах благодарность Серяковым за то, что Аркадий Аверьянович учил их грамоте, а Зинаида Александровна, помимо преподавания, пела на клиросе. Она пела молитвы утренней и вечерней службы всю свою долгую жизнь – тихо пела, хлопота по дому, воспитывая детей, когда уже умер в 1929 г. ее муж, а потом пришла в дом война, угнали в немецкий плен ее юных дочерей. Старший брат Алик, пройдя войну, разыскал в Германии сестер. Дочерям Зинаиды Александровны суждено было стать учителями, и их дети продолжили эту славную династию. Одна из внучек Серяковых – учитель музыки в московской школе Елена Герольдовна и сейчас вспоминает бабушкино молитвенное пение и то, как учила она внучек разному рукоделью.

Ныне каждый воскресный день к татевскому Троицкому храму тянутся из разных концов села Нина Сергеевна Шапцова и Галина Сергеевна Гуренкова. Нина Сергеевна – на костылях. Они целое десятилетие удерживают в своих старческих крепких руках порядок и молитвенную жизнь в старинном храме. Священник приезжает служить сюда дважды в месяц, а в остальные праздничные и воскресные дни эти женщины убирают храм цветами, зажигают перед иконами лампы, читают акафисты, в будни – моют полы, штопают старые хоругви, летом ухаживают за клумбами, и все время собирают по копейке пожертвования с редких захожан храма – на ремонт, дрова, облачение священнику. И молитва их слышна Богу. Не потому, что в храме умело сделаны голосники и не потому, что эхо в селе – сказочное. Тут какая-то иная причина. Туманы так густо покрывают здешние клюквенные болота, будто не туман это, а пологие ризы Пресвятой Богородицы.

Можно бесконечно спорить о том, был ли наш народ богоносцем и нужно ли нам идеализировать Российскую империю. Но с фактами спорить – труд напрасный. Нашими предками нам дан залог созидательного труда, опыт просветительской работы и чувство бесконечной любви к Отечеству.

Известный писатель Василий Ян, побывавший в Татеве, писал под псевдонимом В. Садко: «Я глядел в задумчивые глаза этих людей, поднявшихся, вышедших из народной массы, но не порвавших ни одной из нитей, связывающих их с коренной народной силой, землей-матушкой, и мне было отрадн и тепло возле них. Казались невероятными и раздутыми все толки о вырождении великорусской

народности: эти люди не собьются с дороги, не пропадут, с ними не оскудеет земля»³⁵. Интересно заметить, что во всех книжных и журнальных изданиях о С.А. Рачинском, выходящих в советское время, фраза «казались невероятными и раздутыми все толки о вырождении великорусской народности» неизменно исключалась из текста В. Яна.

Память о Рачинском в селе Татеево и в России

В наши дни в разных концах России независимо друг от друга возникают школы, духовные центры, клубы трезвости имени педагога-просветителя С.А. Рачинского. При Петропавловской и Камчатской епархии работает духовный центр по лечению заикания по методике Рачинского, создан Учебно-методический центр духовно-нравственного образования им. С.А. Рачинского и в Калининградской епархии, в московском театре Русской драмы под руководством режиссера Михаила Щепенко более десяти лет работает духовный

Отрадно, что есть сегодня в России школы, устроители которых знают и ценят опыт Рачинского, а главное — успешно его применяют, умножают, адаптируют к нашему дню. Пример тому Ивановская на Лехте школа в Ярославской обл., школа в Свято-Алексиевской пустыни в Ярославской обл., Русская школа в Твери, несколько школ в Самаре и Тольятти. В Санкт-Петербургской Школе Народного искусства императрицы Александры Федоровны также во многом руководствуются подходами великого педагога, а также много делают для сохранения его памяти³⁶. Сергей Александрович Рачинский понимал, какая мощь таится в народе, и как легко можно этой силе дать отрицательный вектор, поэтому принимал оперативные меры для того, чтобы дать детям в первую очередь христианское воспитание, и затем основательные знания: церковнославянский язык, знания математики, русской грамоты, мировой

литературы, навыки иконописи и церковного пения. И важно еще, что Рачинский, как впрочем и десятки других помещиков, основавших школы, давал детям первоначальную профессию: мальчикам — столярное дело, пчеловодство, девочкам — ковроткачество, цветоводство... Актуальность «школы Рачинского» — как целостного понятия — в том, что ценность церковного искусства осталась прежней, подход татевского учителя к изучению церковнославянского и русского языков, математики оправдал себя полтора века назад, ведь

Общество трезвости деревни Демидово.
Фото из краеведческого музея села Татеева

центр и клуб трезвости им. С.А. Рачинского, на кафедрах столичных университетов защищаются десятки диссертаций на темы, касающиеся жизни и деятельности татевского учителя.

лучших советских врачей, ученых, космонавтов готовили зачастую учителя царских гимназий. С приобретением начальных профессий у нас сегодня тоже большая проблема. А эту деятельность

³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 6 (18) марта.

³⁶ Чеснокова А.Н. Школа Народного искусства. СПб., 1998; Пономарева Н.И. Идея сердца: Сб. статей. СПб., 2012; Духовные традиции в современной школе: Материалы Всероссийской конф. СПб., 1997; Светское образование и православное воспитание: Материалы Всероссийской конф. СПб., 1999; Школа в истоках православного расцвета России: Материалы Всероссийской конф. СПб., 2000; Связь времен: Материалы Всероссийской конф. СПб., 2001; Новая дорога к старой школе: Материалы Всероссийской научно-практической конф. «Актуальные проблемы православного образования и воспитания». СПб., 2008.

У могилы С.А. Рачинского. 2012 год.
Литию служит протоиерей Владимир Евстигнеев.
Справа от него - владыка Ржевский и Торопецкий
Адриан (Ульянов), слева - протоиерей Артемий Рублев

можно организовать на базе школы.

Сельская школа, о которой так радел Рачинский, сегодня призвана еще и сохранить село, деревню. Как говорят протоиерей Виктор Салтыков и матушка Наталья Бухарова, сохранившие от закрытия сельскую школу в с. Костяево Ивановской обл.: «Деревню не надо спасать, в ней надо жить». Каждая сельская школа — это не только очаг спасения села, но и колыбель будущего процветания страны, уже потому, что единственный на определенное поколение поэт наверняка придет из деревни и скажет обо всем народе, как говорили о нем Пушкин и Лермонтов, воспитанные с детства в сельских усадьбах, Твардовский и Рубцов.

В настоящее время нами — группой энтузиастов — создано Общество по сохранению наследия Рачинских, задачей которого является сохранение памяти о Рачинских, их родственниках и земляках — наших предках. Оно принимает участие в организации и освещении в прессе Татевских педагогических чтений и Фестивалей клубов трезвости, проходящих на родине Рачинского в день его рождения и кончины (15 мая по н.ст.).

В 2013 г. в нижегородском издательстве «Род-

ное пепелище» издан составленный мною сборник статей и писем учителя Рачинского. Ныне в издательстве «Института русской цивилизации» готовится 2-е дополненное издание этого сборника, куда войдет книга С.А. Рачинского «Сельская школа». На кафедре физиологии растений МГУ в 2015 г. создан Музей Рачинского и открыта мемориальная доска.

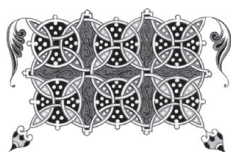
Летом 2015 г. в школе им. С.А. Рачинского в Татеве проходила выставка рисунков Владимира Александровича Рачинского. Летом 2016 г. проходит выставка «Учитель века и его эпоха», собранная из фотографий, документов, писем Рачинских-Боратынских и их окружения. Также в школе им. С.А. Рачинского

ныне представлена выставка фотографий Сергея Михайловича Прокудина-Горского, на которых отразилась Россия конца XIX — начала XX в. и выставка фотографий нашего современника, известного кинооператора, друга Василия Шукшина, Анатолия Заболоцкого, запечатлевшего современную нам Россию.

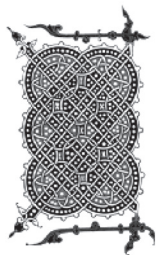
В Троицком храме Татеве несколько лет подряд проходили практику семинаристы Николо-Угрешской семинарии, регулярно приезжают паломники, туристы, художники, любители усадебной культуры, бывшие ученики знаменитой школы.

Проблемой в настоящее время остается бесхозность усадьбы Рачинских и парка, насаженного хозяевами имения полтора столетия назад. В 2000-е годы парк отошел к Лесхозу, и мы «по закону» не имеем возможности даже убирать упавшие деревья и очищать парк от подлеска. Заботит нас также бесконтрольная вырубка леса возле самого парка.

Эта усадьба на границе Тверской и Смоленской областей вполне могла бы стать одним из мест, неотменимо дорогих сердцу русского человека, подобно пушкинскому Михайловскому, блоковскому Шахматову или тючевскому Мураново.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

О. А. Федосенко

ПОХОРОНЫ БАТЮШКИ

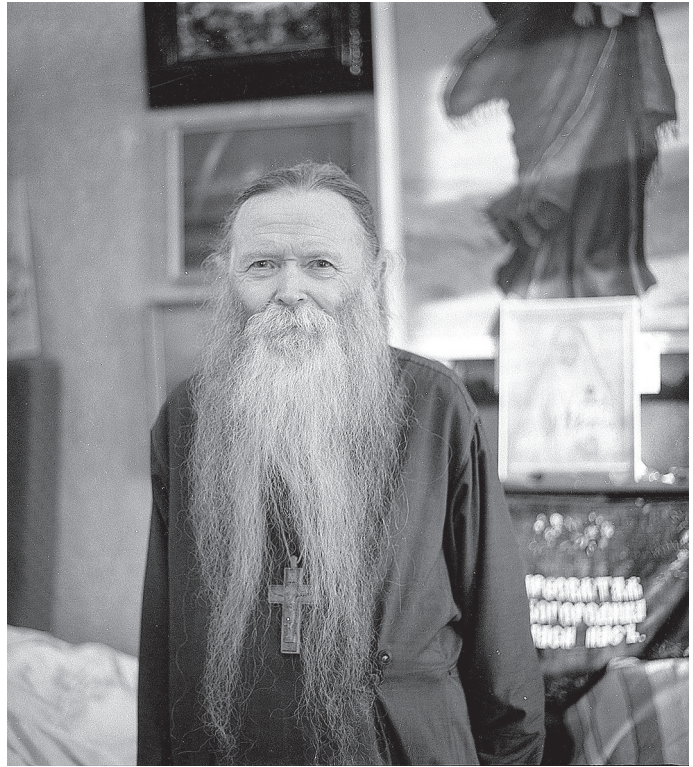
В редакцию передан не совсем обычный документальный материал воспоминаний о похоронах московского священника и старца, подвижника веры, пострадавшего в годы гонений протоиерея Михаила Труханова, теперь уже широко известного благодаря опубликованным мемуарам и многочисленным богословским трудам. Воспоминания написаны духовной дочерью протоиерея Михаила Ольгой Анатольевной Федосенко. В мельчайших подробностях она передает происходящее в те несколько дней, которые были связаны с похоронами о. Михаила, пишет о похоронах именно старца и духовного отца, который и после кончины продолжал оставаться духовным опекуном одного из своих многочисленных духовных чад. Воспоминания позволяют увидеть тот подлинный внутренний мир взаимоотношений в духовной семье, который чрезвычайно трудно порой передать обычными словами, описывающими поступки и события в их обычном, повседневном течении. Соизмеряя трагические события расставания с духовным отцом (а это и глубокая человеческая скорбь, и особые чувства, которые автор воспоминаний испытывает в эти дни, и необыкновенная духовная сосредоточенность на главном — любви к усопшему) с той простой человеческой повседневностью (похоронные хлопоты и прощание), которая в пересказе автора становится осмысленно-выпуклой, отмеченной промыслительной ясностью, мы — читатели — и призваны увидеть то чудо, которым является для духовных детей их духовный отец. Перед нами раскрывается традиционный взгляд на это явление, и тем он интереснее и притягательнее. Это обстоятельство и заинтересовало нас при отборе публикации переданного нам текста.

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения протоиерея Михаила, крупного православного богослова, оставившего нам большое число замечательных трудов, которые сейчас активно издаются и имеют большой спрос, в том числе у современных священников-миссионеров, несущих послушание окормления заключенных. Члены редколлегии нашего журнала также хранят благодарную молитвенную память об этом замечательном человеке, когда-то благословившим издание нашего журнала и поддерживавшим его своими молитвами.

От редакции

Вечером 16 марта 2006 г. мне позвонили, просили сугубо молиться за батюшку, состояние здоровья резко ухудшилось, и его повезли в больницу. Я заметалась, никак не могла понять, к кому из святых обратиться за помощью. Неожиданно из меня буквально полилась тихая молитва: «Господи, да будет Святая воля Твоя. Я покоряюсь Твоей воле, но если можно, оставь нам здесь нашего батюшку, Ты Сам знаешь, как он нам нужен, сколько его духовных чад осиротеют», и я сразу успокоилась. На душе было удивительно покойно, хотелось молиться, а слов не было, было просто доверие Богу, состояние, которого я никогда раньше не испытывала. Через какое-то время мне вновь позвонили и сказали, что батюшка упокоился. Я говорила, что не могу в это поверить, но внутри меня не было ни отчаяния, ни протеста. Так решил Господь дать Свой покой нашему многострадальному батюшке, и Ему видней. Сколько раз отец Михаил говорил нам, что настоящее счастье — это быть со Христом и во всем **всегда** доверять Ему, но возможность исполнения первой заповеди надо вымаливать именно своей жизнью. А мы слушали и продолжали жить по своей воле, надеясь на батюшкины молитвы, чтобы у нас и наших родных все было хорошо и при этом, чтобы спаслись наши души без нашего труда, за его праведные молитвы. А сколько он болел и страдал, вымаливая каждого из нас, мы об этом не задумывались. Не ценили мы нашего батюшку, не внимали его словам с благоговением, не выполняли его наказов, а только скорбели, что о. Михаил уехал из Москвы, забывая о том, что он ничего и никогда не делал без воли Божией. Сколько раз он говорил, что нельзя к нему прилепляться, вообще ни к кому из людей, только ко Христу. Мы утвердительно кивали головой, но выполнить это было выше наших сил, нас всех тянуло к о. Михаилу, как к магниту, и он уехал, может быть, еще и для того, чтобы постепенно приучить нас обходиться без него, начать, наконец, работать над собой, надеяться не на него, а на Христа. Ведь отец Михаил и в Белоруссии продолжал молиться за нас, что нам еще нужно?

Мне захотелось узнать, каких святых прославляет сегодня Церковь, и я открыла календарь. Оказалось, 16 марта — день памяти мученика Михаила, погибшего в 1938 г. Дивны дела Твои, Господи! Как наш батюшка почитал новомучеников! Его отец протоиерей Василий замучен на

Колыме именно в 1938 г. А сегодня 40-й день упокоения архимандрита Иоанна (Крестьянкина), которого наш батюшка очень почитал. Они молились друг за друга, Иоанн (Крестьянкин) даже прислал однажды отцу Михаилу крест. У Бога нет случайностей.

Утром то необыкновенное чувство моего покоя ушло, и я поняла, что это Господь утешил меня по молитвам батюшки, зная мое малодушие. Весь день молилась об упокоении души дорогого батюшки и читала Евангелие, и мне никто и ничто не мешало: ни работа, ни окружающие, ни давка в транспорте, ни помыслы, я понимала, что именно читаю, и от этого было светло на душе. Мне сообщили, что батюшку привозят завтра из Белоруссии, будут хоронить и отпевать на Ваганьковском кладбище. Как же возрадовалось мое сердце, я увижу батюшку и смогу сказать последнее «прости». Слава Тебе, Господи!

Как только узнала, что батюшку привезли в Москву, помчалась на Ваганьковское кладбище. Батюшка лежал в правом приделе храма Воскресения Словущего в небольшом гробу в белом облачении с Евангелием на груди, в руках держал крест, лицо было закрыто. Какой-то священник из его духовных чад, стоя перед гробом, читал Евангелие глубоким проникновенным голосом. С благоговением подошла к батюшке. Ручка у батюшки была мягкая и теплая, я припала к ней. Было ре-

альное ощущение, что я прикладываюсь к живому батюшке после его благословения. Сразу стало легко, внутреннее напряжение спало. Вокруг гроба стояло 4 подсвечника и баки с цветами. Служители храма не успевали подносить ведра для цветов. Началась всенощная. Вновь пришедших пропускали к батюшке, и они так же, как и я, отходили успокоенные и умиротворенные.

Несколько раз прикладывалась я к батюшкиной ручке и чувствовала тонкий, но в то же время сильный аромат, он чем-то напоминал цветочный запах, только был гораздо мягче и нежнее. Позже Валентина Андреевна¹ рассказала, что когда батюшку привезли на Ваганьково и открыли крышку гроба в храме, из гроба пошло сильное благоухание. Часа через два, когда запах рассеялся по храму и уже не ощущался так явно, пришло начальство и отругало ее, зачем так сильно надушили батюшку, неужели нам недостаточно заморозки. Откуда им было знать, что никакой заморозки вообще не было, тем более каких-то протирок тела одеколонами, дезодорантами и прочим. Им и в голову не могло прийти, что можно привезти покойника из Белоруссии в Москву без заморозки. А цветы, которых было вокруг гроба просто море, почему-то совсем не пахли. Несмотря на свою яркую красоту, они производили впечатление не живых, а искусственных цветов. Помню, меня поразила эта мысль: тут все наоборот, мертвые цветы и живой батюшка, только неподвижный.

После службы привезли матушку. Сердце разрывалось, глядя на нее, как она, худенькая, маленькая, вся сгорбленная, встав на цыпочки, прикладывается к батюшкиной ручке и все время повторяет: «Сокровище мое! Радость моя!». Матушка никого не видела и не узнавала. После тяжелой болезни она была очень слаба, самостоятельно не могла стоять, ее поддерживали под руки. Чуть посидев на стуле, она вставала, снова и снова тянулась к батюшкиной ручке. Ее протяжный голос отчетливо звучал на весь храм: «Сокровище мое!». Невозможно было удержать слезы. Многие подходили к ней, пытались как-то утешить, она всем говорила одно и то же: «Кто это? Простите меня, я ничего не понимаю, плохо вижу». Я тоже подошла к матушке. Верочка спросила: «Ты ручку у сокровища целовала? Еще поцелуй». И сжав мою руку, стала говорить: «Меня заставляют есть, а я не могу есть без батюшки. Мне надо быть рядом, около него. Здесь мне хорошо, а дома плохо. А мне говорят, что я еще больная и слабая, мне надо лежать дома. Я

хочу всю ночь быть около моего сокровища. Я выдержу, не забирайте меня отсюда! Я рядом с ним сильная, а не слабая. Почему они этого не понимают?» У меня слезы катились градом. Я даже забыла, когда последний раз плакала. На похоронах своей младшей сестры у меня ни одной слезинки не было, как окаменела. А тут стояла около матушки на коленях перед гробом батюшки и слезы лились рекой. Как только представилась первая возможность, я рассказала Валентине Андреевне о своем разговоре с матушкой, и хотя в ту ночь Верочку увезли домой, но рано утром уже привезли, и потом до самого погребения она все время была рядом с батюшкой.

Мне хотелось читать ночью около батюшки Псалтирь, но желающих было очень много, и я смирилась. Поздно вечером позвонила Валентина Андреевна и сказала, что я буду распорядителем поминальной трапезы и вопрос только в том, смогу ли я отпроситься с работы на понедельник. Это было полной неожиданностью и для меня и, как потом оказалось, для всех батюшкиных чад, я же никого не знаю на Ваганьково, у меня нет ни опыта в этом деле, ни организаторских способностей, я не справлюсь. Но Валентина Андреевна все мои сомнения тут же отмела: «Это не мое решение. Ты должна именно так послужить батюшке». Утром после Причастия я подошла к служащему священнику и взяла благословение на это послушание, попросила помолиться за меня, очень переживаю, как выполнить такое трудное дело, а он мне сказал: «Не надо, успокойся. Ангелы придут и все сделают, сама потом будешь удивляться». Священник говорил это так уверенно, очень серьезно, без тени улыбки, и я сразу успокоилась.

Валентина Андреевна отвела меня в маленькую комнату, которую нам выделили для организации похорон, представила меня всем как организатора поминальной трапезы. Мы согласовали с ней меню, в крестильном храме решили кормить батюшек, а в трапезной, которая находится в подвале храма, накрыть столы для самых близких чад и кормить их в две смены, для всех остальных организовать чай с пирогами и блинами около могилы. У о. Михаила много духовных чад, и хотя сумели дозвониться еще не до всех, но уже дважды объявили по «Радонежу» о дне похорон, поэтому мы предполагали, что придет не менее 200 человек.

Многие духовные чада предлагали Валентине Андреевне свою помощь, она всех записывала, и поскольку здесь в храме варить было негде, она поручала готовить еду дома. Я пыталась систе-

¹ Валентина Андреевна Звонкова, помощница и издатель книг прот. Михаила.

матизировать этот список и сразу записать телефоны этих людей, чтобы самой иметь полное представление о готовящейся еде. Но сделать это было крайне сложно, Валентину Андреевну постоянно отвлекали, приходили с разными вопросами, спрашивали одновременно, перебивая друг друга, каждый требовал немедленного ответа, одни уходили, другие приходили. Особенно тяжело было, когда приходили бабушки. Их усаживали на имеющиеся в комнате два стула, я вставала, отдавала им свой стул, поила их чаем, а они много и нудно рассказывали Валентине Андреевне свои переживания и «вещие» сны. Я ничего не могла с этим сделать. Объяснять, что

которые пришли просто пообщаться, узнать о последних днях батюшки, и выпроводить их из нашей маленькой комнаты было непросто даже Валентине Андреевне. Я была в полной растерянности, время шло, моя работа стояла на месте потому, что я не могла с ней толком поговорить, чтобы обсудить хотя бы неотложные дела.

Пошла к батюшке. Народу было много, приезжали на автобусах приходами со своим клиросом и служили панихиды. Было много монашествующих из разных монастырей, сестер милосердия. Священники стояли в очередь, чтобы отслужить панихиду у батюшки. Сколько у нашего батюшки духовных чад! Валентина Андреевна сказала, что

у нас совсем мало времени и очень много дел, я устала, это было бесполезно. Моих увещаний хватало ровно на 30 секунд, в течение которых вновь пришедшие запыхавшиеся люди сообщали Валентине Андреевне о новой проблеме, и она часто с ними уходила. Приходили новые бабушки, я бегала искать другие стулья, снова поила чаем. И тогда они начинали рассказывать уже мне в 125-й раз свои истории. А телефон городской разрывался, все хотели слышать только Валентину Андреевну. Дверь не закрывалась от входящих и выходящих людей, но в основном это были люди,

ей звонили из Нижнего Новгорода, Самары, других городов и сказали, что выедут сразу после воскресной Литургии и обязательно приедут на отпевание, будут ехать на машинах всю ночь. А люди все прибывали и прибывали. К батюшке подойти уже не было никакой возможности, но хотя бы недалеко побыть около него для меня было большим утешением! Увидела матушку, она постепенно оживала, попросила горячего чая, я принесла ей. Рядом на скамейке стояла всякая постная еда для нее. Когда я подошла к ней, она меня сразу узнала: «Оля высокая». Силы ее прибывали рядом с

батюшкой, поздно вечером она даже приходила к нам в трапезную и хорошо покушала. Ее оставили на следующую ночь при бабушке. Я тихо порадовалась за нее.

Вернулась в нашу каморку. Бабушки меня больше уже не раздражали, очень даже поучительные истории оказались, ведь говорили они в первую очередь о батюшке, как он одну исцелил, другой помог, у третьей решились жилищные проблемы. Некоторые бабушки знали о. Михаила 40 лет. Наконец-то я смогла поговорить с Валентиной Андреевной о делах и выяснить, кто и что готовит дома, сразу сказала, что этого количества еды очень мало, отец А. поддержал меня. Стали обзванивать других людей, просить приготовить нужную еду. Не обошлось без искушений. Я выписала на одном листе неотложные дела, на другом телефоны людей, готовящих дома еду. Оставила свои листочки на столе в комнате, прихожу, а бумажек моих нет. Никто их не брал, бабушки не выходили из комнаты. Переживать было некогда, общими усилиями смогли восстановить телефоны некоторых людей. Главное было не паниковать и не терять голову. Однажды срочно нужен был Александр, хорошо помню, как заносила его номер в свой телефон. Нет этого номера в моем мобильнике. Даже не успела помолиться, просто вздохнула, Александр идет мне навстречу. Только теперь понимаю, что Господь утешал тогда каждую минуту, видя, какие искушения и нападки валяются на нас.

Александр взял на себя заказ и доставку 700 пирогов и привоз кипятка в больших (15 л) термо-сах. Стали приходить люди потрудиться для отца Михаила. Некоторые женщины меня поражали своим спокойствием, в них не было суеты, работали они вроде бы неспешно, но все дела делались у них быстро, качественно и без надрыва, это были буквально «палочки-выручалочки», в них чувствовалась батюшкина школа смирения. Я поручала им самую трудную работу, и они всегда справлялись, никогда не дергали ни меня, ни Валентину Андреевну, сами решали возникающие проблемы, понимая, что я человек новый в этом приходе и ничего не знаю. А Валентину Андреевну они просто жалели, видя, как ее разрывают на части, а ведь она не спала уже двое суток и везла батюшку из Белоруссии. Но об этом тогда мало кто думал, некогда было жалеть ни других, ни себя.

Отец А. занимался основной закупкой продуктов. Накануне они согласовали список, но он очень переживал, хватит ли этих продуктов, чтобы накормить всех. Я согласилась с ним и предложила увеличить это количество как минимум втрое. Когда кто-то из батюшкиных чад нанял нам в помощь профессионального менеджера одного

из элитных ресторанов, мы успокоились, особенно отец А. Менеджер Ксения оказалась молодой девушкой, очень энергичной и деловой, звонила мне много раз, выясняя и учитывая каждую мелочь, она прекрасно справилась со своей задачей. Валентине Андреевне позвонили сестры с Лазаревского кладбища, сказали, что испекут и привезут 700 пирогов для батюшки. На Валаамском подворье мы заказали 200 пирогов, из Лавры должны были привезти пироги и блины. Всего нам должны были привезти, если все получится идеально, около 2000 пирогов и блинов. Если честно, я не рассчитывала, что привезут все эти пироги и блины. Но в итоге, не считая блинов и булочек с маком, у нас оказалось 2400 самых разных пирогов с капустой, яблоками, курагой, изюмом, повидлом, рисом. А блины нам приносили потом по 50 и 100 штук некоторые духовные чада самостоятельно, без наших просьб.

Мобильный телефон у Валентины Андреевны вырубился, городской работал через раз, чуть слышно, а потом совсем отключился. Лазаревские сестры свой контактный телефон не оставили, пришлось отправлять туда людей и искать звонивших сестер. Весь поздний вечер мой мобильный телефон служил единственной контактной связью. У меня оставалось на нем всего 70 рублей, у нас просто не было времени искать, где можно положить деньги на телефон, поэтому мы звонили с моего мобильного и просили нам перезвонить. Что удивительно, когда я пришла на работу во вторник, оказалось, что у меня на счете осталось еще 20 рублей.

Я все время звонила многим чадам и выясняла реальные возможности их помощи, степень готовности еды для нашей трапезы. Обследовала всю имеющуюся посуду в обеих трапезных, оказалось, что нам ее не хватит, стала снова звонить и просить привезти все, что можно. Отец А. с Ксенией привезли продукты на трех больших машинах, надо было срочно организовать разгрузку продуктов. Необходимо было сделать уборку в трапезной, побежала в храм за подмогой. Людей пришло много, всем нашлась работа кроме уборки: мыли посуду, овощи, чистили картошку, промывали компот, готовили столы, носили скамейки. В крестильном храме накрыли столы, куда можно разместить 32 человека, а нужно посадить 50. Бегаю, ищу дополнительные столы, узнала, что есть столы в воскресной школе, но нет ключей. Договариваюсь в Андреевском храме, чтобы забрать оттуда 2 стола, долго ищу мужчин, потому что сама не могу их даже сдвинуть. Оказывается, внутри они забиты церковной утварью. Освобождаю столы, мужчин куда-то позвали на минуту, больше я их не видела.

Перетаскиваю столы сама вместе с алтарником в крестильный храм через улицу. Едва донесли эти тяжеленные столы, а меня ругают, что такие столы здесь не подойдут. Как хорошо, когда нет времени на словопрения и обиды.

Бегаю между двумя трапезными по улице без верхней одежды, где-то оставила свое пальто, но холода не чувствую. Валентину Андреевну не могут найти, теперь все дергают меня. В подвале Андреевского храма работа кипит, все хорошо работают. Долго искала мужчин поднять 60-литровый бак с компотом на плиту. Через некоторое время плита задымилась, пошла страшная вонь. Что же делать? В крестильном храме нет плиты, только маленькая переносная плиточка, на которой варится морс. Есть еще плита в Воскресенском храме в подвале, побежала туда договариваться. Переносим такую тяжесть по улице из подвала Андреевского храма в Воскресенский храм. Нести далеко, да еще полный бак. Вылить сейчас воду из бака и снова залить уже в подвале Воскресенского храма нельзя, потому что компот поварился и дал навар. Мы только немного отлили от верха, чтобы удобно было нести. Большая сложность была спуститься в подвал с этим баком. Я еще никогда не видела таких крутых и узких ступеней. Пока я медленно спускалась туда налегке, стукнулась головой не один раз. Не представляю, как можно было опустить туда этот огромный бак и не пролить ни капли! Установили бак на плиту и включили сразу все 4 конфорки. Все были, что называется, в мыле, не только мужчины, но и я.

Когда поднялась из подвала наверх, в Воскресенский храм, увидела посреди храма дорогой гроб какой-то женщины. Как? Ведь договаривались же, чтобы до батюшкиного погребения не ставили в этом храме больше гробов, есть же еще Андреевский храм. Вижу запыхавшуюся Лидию и бледную Валентину Андреевну, пытающихся как-то воспрепятствовать этому. Господи, за что нашему батюшке и в жизни одни мучения и после смерти нет ему покоя? Подошел алтарник: «Скорей бы погребение, как все устали от искушений», и я не нашлась, что ему ответить, у меня у самой было малодушие. Но ведь Господь знает обо всем, что происходит, все видит и не оставит нас!

Через некоторое время этот богатый гроб засмердел. Эти холеные дамочки в шикарных шубах кого-то вызвали сделать новую заморозку и согласились перенести свою покойницу в левый придел храма. Там он стоял до отпевания нашего батюшки. Забегая вперед, скажу, что как только батюшку вынесли из храма, а гроб с телом женщины поставили в центр храма, оно снова засмердело, несмотря на элитную заморозку. Родствен-

ники срочно вызвали новую бригаду и заморозку повторили, но ее хватило только на несколько минут и тело засмердело еще больше. Запах был такой сильный, что никто не мог находиться около гроба. Родные просили открыть все окна в храме и побыстрее отпеть свою покойницу. Вот Господь все и расставил по своим местам! Вразумятся ли власть предержащие?

Был уже поздний вечер, народу стало поменьше, можно было пройти к гробу батюшки и приложиться к ручке. Благоухание усилилось. Как же мне не хотелось уходить от батюшки! Счастливые люди, вы можете быть около батюшки, слушать Евангелие, участвовать в панихидах. А мне по моим грехам надо бегать, выпучив глаза. Сколько бесполезной суеты у меня сегодня, прошел весь день, а ничего еще толком не сделано. Батюшка, ты много молился за меня и твои святые молитвы Господь сразу слышал, а теперь ты еще ближе к Богу, помолись за меня посильней, ведь из-за моей бестолковости столько людей останется голодными.

Попросила сестер в храме присмотреть за компотом, который варился в подвале. Впоследствии оказалось, что плита эта работает плохо, компот закипал 5 часов. Мои попытки найти крышку ничем не закончились. В крестильном храме столы накрыли, я успокоилась, что хотя бы одна трапезная у нас полностью готова, пора накрывать вторую. Из трапезной Андреевского храма исчезли скамейки, кто-то из мужчин их унес. Никто из женщин им не мешал, все были уверены, что со мной все согласовано. Побежала наверх выяснять, никто ничего не знал. Надо было искать другие. Вспомнила, что в воскресной школе видела скамейки. Никак не могу найти, у кого ключи, нервничаю, уже поздно, надо срочно накрывать столы. Остановилась, я же в храме, все святые смотрят на меня и ждут, когда я буду молить их о помощи, а я ношусь, как одержимая. Какая уж у меня может быть молитва в такой суете? Жалобно поклянчила о помощи, приложилась ко всем иконам и через 5 минут ключи нашлись. Но в воскресной школе скамеек не было, кто, когда и куда их унес, уже не имело смысла выяснять. Стала искать скамейки в храме, нашла на клиросе, но ведь ничего нельзя брать из храма без благословения. Господи, что делать, где и кого я найду в столь поздний час? Навстречу мне идет служитель храма. Слава Богу! Искать мужчин некогда, сама перетаскиваю длинные скамейки из храма в подвал, тяжести не чувствую.

Женщины помыли овощи и фрукты, подготовили посуду, картошки начистили целый 80-литровый бак и две большие кастрюли по 35 л. Нам привезли несколько ведер винегрета и свеклы с

черносливом и орехами, кто-то принес только что испеченные пироги, трехлитровые банки своих огурцов, разных солений, грибов, причем многих людей у меня не было в списке. Как они все хотели послужить батюшке! Я была всему рада, принимала с благодарностью. Клавдия с сыном привезли из Одинцова 400 испеченных блинов, пятилитровую кастрюлю кутьи, банки с грибами и солеными огурцами. Не представляю, как можно было дотащить на себе такую тяжесть и как сумели столько напечь блинов! Клава рассказала, что пекла 200 блинов целый день, а когда я позвонила и попросила испечь еще 100, она, помолвившись, за полтора часа испекла еще 200, да таких вкусных, таких у нее еще никогда не было. Пекла на нескольких сковородах, и у нее было реальное ощущение, что не она печет, а кто-то, она только держится за половник, так все ловко получалось, что сама поражалась. Потом стала считать и удивляется, только что было 2 блина, стало 5. Посадила сына считать, раскладывая по десяткам и заворачивать стопки в фольгу, а он недоумевает: «Совсем плохо у меня с арифметикой, только что посчитал, а откуда-то лишняя стопка блинов появилась». Легко с ней, Клава простая и добрая. Ирина с мужем привезли 30 л борща, 200 котлет из чечевицы, новые ведра, кастрюли, всякую вместительную посуду. Как это можно было приготовить за полдня, не представляю. И даже о нас они позаботились, Иринка приготовила вкусный постный плов и салат из морской капусты, чтобы мы подкрепились. Батюшка, родной, какие у тебя чада! Слава Богу, что я с ними познакомилась! И ведь только благодаря своему послушанию, а я, глупая, все ропщу. Прости меня, Господи.

Валентина Андреевна привела людей покусать, они только что приехали издалека. Мы кормили их и поили чаем. Много приходило людей, одни уходили, приходили другие. У меня пошел внутренний ропот: и так времени совсем нет, а тут еще нам проблемы, корми, посуду мой, завтра надо всех людей кормить, а не сегодня. И тут же мне рассказали про отца В. и приехавших с ним людей. Я видела их у гроба, и ничего не зная, сразу обратила на них внимание, они отличались от всех присутствующих какой-то необыкновенной собранностью, сплоченностью, цельностью и глубиной веры, они стояли молча, но не скорбели, как многие вокруг, а молились, и эту молитву нельзя было спрятать. У меня тогда мелькнула мысль: в каком монастыре учат так молиться? Оказывается, это бывшие заключенные, которых наш батюшка вместе с отцом В. вымолили. Дивны дела Твои, Господи! Какие встречи Ты мне устроил, прости мою бестолковость и ропот.

Стали всю посуду мыть заново. Пришла Валентина Андреевна и велела налить чай в термосы и собрать еду в сумки, чтобы покормить людей, они приехали целыми автобусами. Я не чувствовала усталости, настроение было хорошее, я считала, что основное уже было сделано. Мужчины перенесли 80-литровый бак с картошкой из подвала Андреевского храма в подвал Воскресенского, где варился компот. Нести было очень тяжело, к тому же идти далеко, несколько раз мы отдыхали. А как спускали этот полный до краев бак в подвал по этой жуткой лестнице, вообще невозможно описать.

Надо было накрывать столы во второй трапезной, и мне опять нужны были помощники, а женщин найти не могу, все приехали побыть около батюшки, а не заниматься хозяйственными делами. Я стала накрывать столы сама и настроилась работать всю ночь одна, раз недостойна быть около батюшки. Но Господь милостив, прислал мне монахиню М., она мне очень много помогала и тогда, и на следующий день. Я стала расставлять посуду, а монахиня раскладывала соленья по салатникам. Пришла «Оля маленькая», как ласково называла ее наша матушка Верочка, очередная «палочка-выручалочка», и сразу же включилась в работу, раскладывала кутью по тарелкам и украшала крестом из изюма. Как же огорчилась Олечка, когда Валентина Андреевна поручила ей какое-то другое важное дело, и она вынуждена была уйти. Но вскоре пришли еще сестры, стали резать овощи и фрукты, красиво раскладывать их на блюдах. Работа закипела. За несколько часов трапезная преобразилась. Столы без преувеличения были сервированы прекрасно, с большим вкусом, даже изяществом, все соленья, овощи, фрукты очень красиво украшены. Я смотрела и тихо радовалась. Слава Богу, вторая трапезная готова. Надо бы мне сделать маленький перерыв, сесть и спокойно, четко продумать и записать главные дела на завтра, чтобы потом в суете ничего не забыть.

В половине первого ночи пришла Валентина Андреевна, по ее очень бледному собранному выражению лица мне стало ясно, случилось что-то серьезное. Она заставила нас сесть и сообщила, что возникли проблемы и нам не благословляют делать трапезу в крестильном храме, поэтому отсюда всю еду со столов мы сейчас быстро убираем, а всё, что накрыто в крестильном храме, переносим сюда. Священники будут кушать здесь, остальные на улице. Это была катастрофа. Я сидела не просто ошеломленная, а буквально раздавленная, в висках застучало, я не могла сдвинуться с места от сильной головной боли и слабости во всем теле. Валентина Андреевна, взглянув на меня, резко и

властно сказала: «Ну, что раскисла? Ты батюшкина или нет? Пора привыкнуть держать удар. Дело надо делать, а не нюни распускать!» От силы ее слов, полных твердости и решимости сражаться до конца, я мгновенно пришла в себя. Слава Тебе, Господи, есть по-настоящему верующие люди, готовые служить батюшке в любых ситуациях. Я быстро стала приходить в себя. Валентина Андреевна велела женщинам всё убирать со столов, а меня отвела наверх, в храм и, глядя меня по спине, ласково утешала, что теперь никто не взыщет за трапезу, зная, в какой трудной ситуации мы очутились, чтобы я успокоилась — это теперь главное, на мне очень большая ответственность. Мне стало стыдно за себя, какое из меня батюшкино чадо? Надо работать, а не переживать.

Побежала в подвал. Женщины суматошно бегали по трапезной, пытаюсь составить все тарелки на один стол. Я была спокойна, мысль работала четко и ясно. Остановила всю их работу и объяснила, что сейчас сюда будут носить из крестильного храма в большом количестве тарелки с едой. Наша задача за 10 минут полностью очистить эти столы от тарелок, поэтому берем пакеты и ссыпаем в них все фрукты с тарелок, также овощи в другие пакеты, капусту в кастрюли, отдельно соленья, салатники с кутьей ставим на холодильник, винегрет высыпаем в ведро. Я не просто говорила, а одновременно освобождала место на кухне, находила пакеты, ведра, кастрюли, показывая, что куда и кому сыпать. Суеты не было, все работали четко и собранно.

Позвонил отец А., он уже все знал, спросил тревожно, как я и как обстановка в трапезной. Я спокойно и уверенно ответила, что у нас все нормально, работаем без паники. Как же он обрадовался, что дух батюшкин жив! Нашла ему Валентину Андреевну, передала свой телефон и побежала опять в подвал. Только успели освободить один стол, понесли еду из крестильного храма, людей было много, практически шли вереницей. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы одновременно освобождать от еды наши столы и принимать священническую еду, следить за тем, чтобы ничего не перепутать. С Божией помощью все удалось, перенесли еду из крестильного храма довольно быстро. В течение нескольких минут наша трапезная превратилась в склад, это было жалкое зрелище. Даже не верилось, что еще полчаса назад обе трапезные были прекрасно сервированы. Теперь на голых столах стояли вперемежку разные тарелки, на скамейках были навалены пакеты, с не пойми какой едой. Как мы не разбили ни одной тарелки и не перевернули ни один пакет с едой в этой суматохе, поразительно. А во что превратилась наша

кухня! На всех столах, на окне, на полу, на любом свободном местечке стояли груды тарелок и пакетов с едой. Как во всем этом можно разобраться, я не представляла.

Женщины заявили, что они все сделали и уходят на ночь читать Псалтирь у гроба батюшки. При всей своей эмоциональности я даже не возмутилась от такого заявления, спокойно и решительно сказала, что читать ночью будут только священники, а они здесь, чтобы послужить батюшке, а не мне. Работа не закончена, посмотрите вокруг на весь этот развал, хотя бы на кухне, может ли один человек справиться за ночь с этой работой? Дело было даже не в словах, а в той решимости достучаться до их сердец, и с Божией помощью мне это удалось. Я попросила полностью освободить столы на кухне, чтобы завтра здесь было удобно работать и не было путаницы, какие продукты идут на священнический стол, а какие на общий. Нашла в коридоре неизвестно откуда взявшиеся коробки, мы укладывали туда наши блюда с соленьями, пакеты с овощами. Я быстро мыла освободившиеся тарелки, вытирала и записывала чистую посуду обратно в шкафы. Потом оказалось, что я поставила все так, как было изначально в трапезной, но ведь я даже не знала, где и что стояло, не я их оттуда брала. Стала разбираться с пакетами и тарелками, стоящими на полу, чтобы никто на них не наступил и не упал. В итоге общими усилиями мы привели кухню в порядок. Пол и столы были полностью освобождены от еды, продукты на общий стол были сосредоточены в одном месте. Только тогда я отпустила женщин.

Вместе с монахиней М. мы стали накрывать столы для священнической трапезы. Работы было много, мы освобождали от еды один стол, покрывали его красивой скатертью, расставляли тарелки и собирали еду, которая стояла всюду, на скамейках, подоконниках, на пианино, на всех стульях. Я видела, что монахиня падает от усталости, возраст давал о себе знать, но что я могла сделать? Помню, что сама стала все время спотыкаться, ноги налились свинцом, я сняла сапоги и бегала босиком. Наверное, мы бы так всю ночь работали, но Господь прислал нам двух женщин с маленькими детьми, их благословили здесь в подвале спать. Был уже пятый час ночи, надо было дать детям поспать и самим хоть немного отдохнуть. Разместились на стульях и на лавках, детям под голову нашли телогрейки в коридоре и выключили свет. Все тут же уснули, а я боролась со сном, пытаюсь сосредоточиться и хоть как-то продумать завтрашний день, пока не поняла, что это бесполезно, недаром в народе говорят, что утро вечера мудренее. Только стала засыпать, пришла мысль: мы же даже не помолились, ни одной молитвы не прочли,

никто! Наваждение какое-то. Очень расстроилась, даже сон пропал, решила сама хоть чуть-чуть помолиться, не могу сосредоточиться и вспомнить ни одной молитвы, какая-то пустота в голове. Что делать, где найти свою сумку с молитвословом в этой темноте? И вдруг не в голове, а откуда-то из глубины сердца тихая, ласковая такая мысль: да уgomонись ты, наконец, и спи спокойно, есть кому за вас помолиться. Сразу стало спокойно и уютно, и я тотчас заснула сладким, как в детстве, сном.

Проснулась около 7 утра, я хорошо выпалась, хотя вторую ночь спала очень мало. Пошла в Воскресенский храм к батюшке. У гроба батюшки служили панихиду. Матушка, полулежа, сидела на скамейке у гроба уставшая, но умиротворенная. Вокруг гроба было не так много людей, они провели с батюшкой всю ночь. Во всем их облике, несмотря на физическую усталость, был какой-то удивительный единый покой, смотреть на них было умиротворяюще. В воздухе стояло благоухание, оно сильно отличалось от запаха кадильного ладана. Мне даже показалось, что благоухание шло уже не только от гроба, но даже и от всех стоящих вокруг него людей. Приложилась к ручке батюшки, она по-прежнему была мягкой. Как ни грустно и тяжело мне было уходить от батюшки, усилием воли заставила себя идти на свое послушание.

Спустилась в подвал этого храма. Кто-то долил воды в компот до самого верха бака. Ну, кто такой умный, почему лезут не в свое дело? Как теперь нести этот полный бак? Ладно, какой теперь смысл искать виноватых, надо решать возникшую проблему, найти половник с большой кастрюлей и отлить часть компота. Но сначала мне нужны были мужчины, чтобы снять компот с плиты и поставить вариться картошку. Откуда-то появилась крышка на баке с картошкой. Слава Богу, теперь картошка должна быстро свариться. Мужчин в храме нашла быстро, сняли с плиты компот, поставили варить картошку, и я побежала в Андреевский храм искать свободную кастрюлю.

Храм был закрыт. Кто и когда его закрыл? Я же только 20 минут назад из него вышла. Вернулась в Воскресенский храм, нашла алтарника, но ключей у него не оказалось, кто-то их забрал. Бегали с ним, выясняли, кто мог взять ключи, сказали, что ключи отдали женщине для уборки, она сейчас там, в храме. Снова побежала обратно, храм был закрыт. Господи, что же делать? Я стала нервничать, бегала от закрытой двери Андреевского храма к закрытой двери крестильного храма и не могла успокоиться. Кто-то подошел ко мне и сказал, что в конторе спрашивают, сколько нам нужно железных столов. Сразу вспомнила, что мне надо будет делать общую трапезу на улице, я совсем об

этом забыла. Сильно заглодало, пошел снег. Как можно в этих условиях вообще что-то организовать на улице? Что же мне делать? Господи, помоги, Ты же видишь, я совсем никакая!

Снова побрела в Воскресенский храм, больше по привычке, чтобы только что-то делать, я еле сдерживалась, чтобы не расплакаться от растерянности и бессилия. Вижу Валентину Андреевну, несколько человек хватают ее за руки, что-то говорят ей, а она никому не отвечает ни слова, руководит перенесением гроба батюшки в центр храма. Прибежал радостный алтарник с ключами, а я никак не могу выйти из ступора. Валентина Андреевна подошла ко мне и сказала, чтобы я не рассчитывала сегодня на нее, все дела по трапезе я должна решать самостоятельно, без нее. Пошла к Андреевскому храму, громко рыдая, даже не вытирая слез, как я могу одна, без Валентины Андреевны справиться с этим непосильным для меня послушанием?

И вдруг на меня бросается собака, бешено лая. Откуда она взялась, да такая огромная, и как оказалась передо мной так неожиданно? Ее не было ни справа, ни слева, ни впереди. Я хоть и плакала, но видела все происходящее вокруг, как идущие навстречу люди смотрели на меня с сочувствием, кто-то даже перекрестил меня. И тут совершенно неожиданно откуда-то изнутри меня поднялась такая мощная волна, от силы которой я даже вздрогнула, мгновенно собралась и крикнула: «Прочь от меня!» Собака поджала хвост, заскулила и стремительно убежала. Больше я эту собаку не видела. Страх никакого не было, я стояла и спокойно размышляла: что это было, и была ли вообще эта собака, может, у меня уже галлюцинации от нервного перенапряжения? Ко мне подошла взволнованная женщина и сказала, что она чуть не умерла от страха, видя, как эта громадина бросилась на меня, этот лай до сих пор у нее в ушах стоит. Все мое оцепенение прошло, голова прояснилась. Слава Тебе, Господи, я пришла в себя. Нашла время унывать. Прости меня, Господи, Ты все видишь, что со мной творится, помоги, не оставь меня ради батюшки!

Только спустилась в подвал, привезли пироги из сестричества, занялась сама разгрузкой, некогда было искать людей. Ищу список оставшихся дел, он бесследно исчез. Ладно, не впервой, Господь Сам все управит. Отыскала половник и свободную кастрюлю и побежала в Воскресенский храм отливать компот. Нашла мужчин, перенесли компот в Андреевский храм. Вспомнила, что мало соли, нет подсолнечного масла, пакетов больших и маленьких, кого-то отправила в магазин. Нужны были люди, снова побежала искать их в Воскресенский храм, но к кому бы я ни обращалась с просьбой помочь, все отказывались. Одни после бессонной

ночи у батюшки были без сил, другие только что пришли к батюшке и хотели побыть около него. Припала к иконам. Несмотря на слабость во всем теле, на душе было спокойно. Подошла к одной монашествующей, попросила помочь, она с радостью согласилась послужить батюшке, которого знает 15 лет. Прибежала Ирина: «Олечка, что делать?», подошла смиренная Леночка и монахиня М., приехала Клава с какой-то женщиной, еще пришли люди. Господи, как Ты милосерд, как мне благодарить Тебя?

Стала организовывать работу. Привезли еще пироги, картошку с грибами, какие-то продукты, посуду, которую я просила. Они же не знали, что ситуация изменилась и эти красивые салатники мне уже не нужны. Надо было принимать продукты, быстро все сортировать. Всем желающим помочь давала задания. Теперь мне удивительно, как четко и быстро я тогда соображала, не просто загрузила всех работой, а именно той, которая была просто необходима. Попросила Ирину следить за картошкой, которая варилась в подвале храма, где должно быть отпевание батюшки. Принесли воды в огромный самовар, включили все чайники, стали заваривать чай. Кто-то выкладывал вновь принесенные закуски в салатники, кто-то резал зелень для заправки картошки. Поставили греть борщ, но плитка работала плохо. Господи, что делать? Через 5 минут Иришка где-то отыскала еще одну маленькую плитку, да такую хорошую. Пробегая мимо нашей комнаты, услышала, как разрывался телефон, с кем-то разговаривала, что-то решала, быстро составила новый список неотложных дел и снова бегала между храмами по улице без пальто, не чувствуя ни холода, ни снега. Прибежала Ира сказать, что с картошкой плохо, за это время вода даже не нагрелась. Без картошки нам нельзя, в Великий пост как без нее? Решили слить воду, верхнюю часть бака освободить хотя бы на четверть от картошки и перенести сюда, в трапезную, а бак с оставшейся картошкой залить кипятком. Ирина схватила свободный чайник и убежала, я, глядя ей вслед, подумала: как она это сможет сделать, в баке 80 литров, но ни секунды не сомневалась, Господь поможет ей.

Надо было заняться общей трапезой практически с нуля. В первую очередь нужны столы. Я не отследила, кто приходил из конторы насчет столов, не записала ни телефон, ни фамилию, а железные столы мне сейчас были бы очень кстати по такому снегу, я бы их установила уже сейчас. Где мне теперь искать этих людей? Нет времени на поиски. Уйти не могу, я нужна сейчас здесь, в отсутствии Валентины Андреевны все обращаются ко мне. Ну, допустим, я нашла эти столы, а как

их тащить, они неподъемные. Где мне сейчас найти мужчин, все измотаны до предела, еще нужны тележки, чтобы перевозить столы, потому что на руках от колумбария их просто не донести, очень далеко. Значит, железные столы нам не нужны, буду искать столы здесь, их нужно подготовить уже сейчас. Только подумала, чем бы мне покрыть столы, скатертей мало, навстречу бежит Лидия, дала мне новые белые простыни и двойной полиэтилен, чтобы защитить столы от снега.

В крестильном храме в углу стояло всего 3 стола. Куда делись столы из этого храма, которые я сама лично сюда переносила? В воскресной школе вчера поздно вечером столов не было, я это хорошо помню, а руки сами открывали дверь. Столы стояли там, как ни в чем не бывало. Кто-то перенес их сюда, да какая мне разница, кто, когда и зачем. Слава Богу, столы нашла! Дала задание монахине М. промыть полиэтилен и разрезать его вдоль точно по ширине стола. Плиточка оказалась замечательной, ведро супа хорошо грелось. Надо было чем-то мешать борщ, чтобы не подгорел, попробуй найти теперь половник в этой неразберихе. А найти надо, чем они будут разливать первое?

Кто-то попросил меня позвонить по городскому телефону, мы пошли в нашу каморку, но она оказалась закрытой. Как это? Кто мог ее закрыть, дверь все время была нараспашку и зафиксирована? Кто последний был здесь? Никто ничего не знал. Сотрудники храма сказали, что ключи только у одного Славы, которого днем с огнем не найдешь. Мне был срочно нужен список дел, который я сегодня составила, пока отвечала на телефонные звонки. Где мне искать этого Славу, которого я ни разу не видела? Нет времени на это бесполезное занятие. Помогите мне, Господи найти его! И побежала вниз, в трапезную. В подвале кипела работа. Проверила, как все делается, осталась всем довольна.

Так, хватит суеты, самое главное сейчас продумать, как и что поставить на общую трапезу, потому что всё, что вчера с такой любовью было разложено на блюдах, не годилось для улицы. Мне нужна сейчас не красота, а удобство. Пойдет толпа людей, все сгрудятся вокруг этих больших тарелок и, в конце концов, останутся голодными. Значит, надо сделать все так, как будет удобно промерзшим и уставшим людям, организовать «шведский» стол. Пришли мои вчерашние «палочки-выручалочки», мы решили крупно нарезать отдельно овощи и фрукты, чтобы всем сразу все было видно и понятно, тогда каждый сможет взять себе то, что хочет. Откуда-то вдруг нашлись большие тазики, кастрюли, и эти замечательные труженицы приступили к работе, все у них выходило ловко и быстро.

Поднялась к монахине М., она как раз все закончила. Кто-то окликнул Славу, оказалось, что это тот самый, он открыл дверь. Слава Тебе, Господи! Моего списка дел нигде не было, так мне и надо, бестолковой, сколько можно наступать на одни и те же грабли? Снова бегу в подвал, стала разбираться с кучей пакетов, в которые мы ночью скинули всю нашу красоту. Вообще-то разобрать все это было просто невозможно. Только я подумала: сколько человек мне поставить на разборку этих пакетов, кто-то пришел и сказал, что началось отпевание. Всех моих женщин как ветром сдуло. Я и не пыталась их удержать. Спасибо, что помогли, в конце концов, они приехали на отпевание и на похороны батюшки, а не для того, чтобы торчать со мной на кухне. Пришедший из храма человек сказал, что в храме полным-полно народа. Я тут же подумала, что все они придут к нам кушать. Ладно, придут и придут, будем кормить до тех пор, пока хватит еды. Теперь моя задача подготовить все для общей трапезы на улице. Оказалось, что мои «палочки-выручалочки» не ушли, работают. Слава Богу!

Вошла на кухню и обомлела. Столы на кухне опять все заставили, на полу нет свободного места от множества пакетов, утром приходило много людей, знавших батюшку, и приносили продукты. Надо было разбираться с этими вновь принесенными незапланированными продуктами, сортировать их. Принесли много домашних солений, что мне с ними делать? Для батюшек стол готов, там даже ставить некуда, а на общую трапезу все равно мало. Все эти банки пригодятся Валентине Андреевне и матушке, к ним все время будут приходить люди, их надо будет чем-то кормить. Стала относить все эти банки наверх, в каморку. Туда же ночью я перенесла довольно много продуктов, привезенных Ксенией, которые нам уже не пригодятся в новых условиях проведения поминальной трапезы. Практически все перенесла одна, кроме двух мешков картошки по 50 кг. О своем больном позвоночнике даже не вспомнила, я его просто не чувствовала. Валентина Андреевна потом удивлялась, откуда столько продуктов у них появилось? Я даже не помнила, как и когда организовала перевозку этих продуктов к ним домой. Оказывается, я, не зная никого, безошибочно подходила только к тем, кто был в это время на машине, и все сразу соглашались помочь.

Обнаружила еще много пакетов с фруктами, ведро со свежими помидорами, их надо было резать. У моих помощниц закончились все емкости, но мне легко удалось найти большие блюда и подносы. Как их можно было найти в незнакомом месте? Я иногда дома нужную вещь не могу найти после

своей уборки. Я сортировала и раскладывала на кухне продукты по разные стороны, а потом относил их своим помощницам или наверх в каморку. Через некоторое время пакеты исчезли, я даже не сразу поняла, что разборка закончена. Подошла к своим «палочкам-выручалочкам» и ахнула от изумления, как у них все было красиво порезано, уложено и упаковано в ящики и картонные коробки. Все было сделано настолько разумно и гениально просто, что у меня просто не было слов. Оставалось только перенести все на улицу и поставить на столы. Слава Тебе, Господи, что послал мне таких чудных женщин. Они попросили разрешения идти в храм на отпевание. Удивительно послушание этих женщин!

Поблагодарила их и стала упаковывать все одноразовые тарелки, сахар, заварку, стаканчики (просила помощниц отделить каждый стаканчик и проложить салфетками, чтобы на морозе удобно было быстро вытащить их из пакетов). А где же вилки для картошки, я кого-то посылала за ними и их точно купили, но куда они их положили? Вообще-то найти их сейчас было задачей невыполнимой, но Ангел-хранитель просто вел меня в разные места и останавливал. И именно там, в совершенно невероятном месте, где бы никогда не догадалась посмотреть, я находила то ложки, то вилки. Но про Ангела я тогда не думала, я вообще ни о чем не думала, просто выполняла свое послушание. Я делала одно дело, потом мгновенно переключалась на другое и помнила о третьем. В голове все было четко и ясно, несмотря на мою беготню и суету. Такое со мной впервые, мне совсем не свойственно иметь хорошую реакцию и ясность в голове, да еще так долго. Да, это Ангел-хранитель помогал мне, все делал за меня, неразумную. Кто-то из священнослужителей сказал мне в тот день, чтобы я не падала духом от всех козней бесовских, за мной стоят Ангелы и разгоняют их. У меня тогда не было времени уточнить, это образное выражение или им что-то было видно духовными очами.

Нашла сковородки, чтобы греть картошку с грибами для батюшек, почему-то раньше мы их никак не могли найти. Картошка закипела, наша подсолнечное масло, все должно быть под рукой, когда сварится картошка. А что делать с компотом? Варили мы его всю ночь для общей трапезы, и он прошел бы на «ура» здесь, в трапезной, а на таком холоде кто его будет пить? Куда теперь девать 60 литров компота? Ксения привезла просто отборнейшие сухофрукты, и компот получился очень вкусным. Но если столько людей в храме, у меня просто не хватит кипятка на всех, и пока будут закипать новые порции воды в

чайниках и самоваре, компот будет востребован. В конце концов, по такому холоду кипятком быстро станет чуть теплым и бак с горячим компотом не успеет быстро замерзнуть. Нашла компот наверху, фрукты плавали на поверхности бака. Где мне найти половник, чтобы разливать компот? Надо выловить все фрукты из компота, а то людям, разливающим его, будут одни мучения. Кому бы мне поручить это дело? Только подумала, идет Вера помогать мне, она сама нашла где-то кастрюли и половник, разложила фрукты из компота по красивым салатникам и поставила их на столы. Все потом хвалили эти сухофрукты, такие они оказались вкусные.

Прибежала запыхавшаяся, бледная от волнения сотрудница храма, староста срочно требует встречи со мной, уже идет отпевание, скоро начнутся поминки, а к ней так и не пришел распорядитель трапезы, все делается за ее спиной, и она этого так не оставит. Я была абсолютно спокойна, сама на себя удивлялась. В храм уже было невозможно войти, с большим трудом мы протискивались за ящик в кабинет старосты. Ко мне кинулась Ирина сказать, что, несмотря на все ее усилия, картошка до сих пор не закипела. «Как что делать? А ты молилась, ты помощи у батюшки просила?» Ира на моих глазах успокаивалась. У меня не было даже минуточки, чтобы помолиться, я слышала шаги, это спускалась ко мне староста. Страх не было. Боже, будь со мною, как всегда был с нашим батюшкой!

Передо мной стояла высокая, довольно красивая женщина, ее портил только холодный взгляд. Я представилась и сказала, что, идя сюда к ней, поняла, какую совершила ошибку. По всем законам здравого смысла распорядитель поминальной трапезы после получения благословения должен найти старосту, чтобы сообща решать все возникающие проблемы. Только теперь это дошло до меня, так было бы не только правильно, но и разумно, это бы сняло очень много проблем, которые все время возникали у меня из-за того, что я здесь человек новый и никого не знаю. Я объяснила, что никогда не была распорядителем на поминках, тем более такого масштаба. Для меня самой такое назначение было очень неожиданным. Батюшка — мой духовный наставник, я его очень люблю и должна ему послужить всем, чем могу. И хотя у меня нет ни опыта, ни организаторских способностей, я стараюсь изо всех своих слабых сил, чтобы выполнить это послушание хорошо. Да, я не соблюла субординацию, и в этом моя вина, но это произошло исключительно по моей неопытности и растерянности. Прошу великодушно меня простить.

Что-то дрогнуло в ее лице, чувствовалась, что она чем-то удивлена. Напряжение резко спало. Староста шумно выдохнула и сказала, что дело не в субординации, просто ей надо писать отчет в Патриархию, а она не знает, что ей писать, потому что не в курсе дел и вызвала меня только для того, чтобы познакомиться и помочь всем, что в ее силах. Сообщила, что была в трапезной, видела накрытые столы, а почему до сих пор нет столов на улице, когда же я буду все делать? Я спокойно ответила, что все столы готовы, застелены скатертями и простынями и покрыты полиэтиленом от непогоды, я их выставлю на улицу сразу после выноса батюшки из храма только потому, что мне жалко эти деревянные столы, ведь идет такой снег. Она не смогла скрыть своего удивления, что я пожалела чужое имущество и недоумевала, как можно за такой короткий срок накрыть все столы, сколько же у меня людей? Поинтересовалась, чем мы будем кормить людей, где и как, спрашивала очень конкретно и детально, чувствовалась, что она хорошо осведомлена. Я отвечала все, как есть, без утайки. Спросила, как я решаю проблемы с продуктами, готовкой и помощниками. Я ответила, что таких проблем у меня вообще нет. Люди приходят сами и предлагают свою помощь, мое дело только организовать работу. Готовить здесь негде, поэтому батюшкины чада всю еду готовят дома ведрами и привозят сюда сами на машинах. Нашлись спонсоры, которые наняли мне в помощь профессионального менеджера ресторана, она закупила все продукты отличного качества и привезла их на трех машинах. Варим мы здесь только картошку, Вы слышите ее запах, а также сварили компот и морс, вскипятили большой самовар, все чайники, еще привезут в термосах литров 100 кипятка, подогреем борщ для священников и картошку с грибами. Духовные чада испекли вкуснейшие постные блины, сколько, даже не считала, хватит всем, приносили кто 200 штук, кто 100, кто 50. Пирогов у нас 2400 штук, куты тоже достаточно, привезли много разных салатов, винегрет, всевозможные соленья. Затем она спросила, сколько у нас вина, у нее есть очень хороший кагор, и она готова нам его пожертвовать. Я спокойно ответила, что никакого вина у нас не будет, по уставу сегодня не положено, батюшка был постник и вообще не пил спиртное. Она удивилась: «Даже у священников не будет вина?» Я ответила утвердительно.

Она слушала меня очень внимательно, потом спросила, что я думаю по поводу трапезы на улице. И я честно сказала, что сначала была очень расстроена, но потом поняла, что это произошло по воле Божией, потому что в трапезной мы мо-

жем посадить только 30 человек, реально можно организовать только две смены, мало кто захочет стоять долго на таком холоде в очереди и ждать, пока их покормят. Поэтому мы смогли бы накормить не более 130 человек в двух трапезных за две смены, а остальные ушли голодными и этим мы бы очень огорчили батюшку, ведь он кормил всех проходящих к нему и никого не отпускал голодным. А теперь мы выполним батюшкин наказ и накормим всех! Я говорила спокойно и просто, она была немного растеряна. Затем староста спросила про деньги, хватает ли мне их? Я ответила, что не в курсе денежных проблем, через меня не прошло ни одной копейки, они мне не нужны, все устроилось по молитвам батюшки. «Вы видите, сколько у него духовных чад, сколько людей пришло проститься с ним. И ведь все эти люди знали его не понаслышке, всех батюшка вымаливал. Когда батюшка знакомился с новым человеком, он записывал не только его имя, но и имена родных: маму, папу, братьев, сестер, мужа (жену), детей, внуков и за каждого из них ежедневно молился. Он вымаливал весь род! И сейчас многие из этих людей хотят послужить батюшке, в первую очередь своим трудом. Поэтому те, кто готовил еду (а привозили нам ведрами), и слышать не хотят о компенсации своих затрат, принесли кто что мог: грибы, винегрет, салаты, трехлитровые банки своих солений. Поэтому зачем мне деньги? У меня другое послушание — организовать прием продуктов и распределить работу».

В этой женщине произошел какой-то перелом, в первую очередь изменились глаза. Сначала я никак не могла понять, что именно, а потом дошло: ушел этот холодный взгляд. И вдруг она совсем другим голосом стала говорить, что на таком отпевании, как сейчас, она никогда не была: «Это Пасха!» Отпевание нашего батюшки потрясло и поразило ее до глубины души. Она по-хорошему завидует нам, духовным чадам, что мы знали батюшку, и уверена, что он праведник и будет у Престола Божия молиться за всех нас. Ей очень жаль, что она не была знакома с о. Михаилом, но ей хочется сделать что-то хорошее для него, чтобы он вздохнул и о ней там, на Небесах. Я утешила ее, ведь с батюшкой можно познакомиться через его книги. Староста обняла и расцеловала меня, спросила, нужна ли мне какая-нибудь помощь, она готова бросить все дела и помогать или прислать людей. Я сказала, что ничего не надо, пусть каждый занимается своим делом и что здесь в храмах Ваганьковского кладбища работают просто замечательные люди, они от всей души мне помогают. Она согласилась со мной, что здесь хороший коллектив. На этом мы и расстались. Вышла я от

нее в храм чуть живая, но душа моя ликовала, Господь за смирение нашего батюшки растопил лед в глазах этой женщины, и она увидела и услышала Пасху среди Великого поста. Чудо из чудес. Что может быть важнее преображения души? И не мое дело, как глубоко это произошло в ее сердце и насколько она сумеет сохранить это состояние. Слава Тебе, Господи, за все!

Подбежала радостная Иринка сообщить, что картошка не просто закипела, а уже сварилась. Я ничему уже не удивлялась. Побрела в Андреевский храм, надо было заниматься делами. Стала переносить ящики и коробки с пирогами и все, что нужно для общей трапезы, ближе к выходу, чтобы можно было быстро накрыть столы на улице. Кто-то сказал мне, что все ушли прощаться с батюшкой. Как прощаться? А я? Как же мне не увидеть батюшку в последний раз? Я бежала бегом, боясь опоздать.

В храм невозможно было войти, очень много людей стояло на ступеньках и вокруг храма. Я просила прощения и протискивалась между людьми, пытаюсь войти в храм, но мне удалось подняться только на первую ступеньку, так плотно стояли люди, буквально стеной. Я разрыдалась от отчаяния. Господи, я самая грешная среди всех этих людей, поэтому Ты не допустил меня ни на панихиды, ни на отпевание, позволь мне хотя бы проститься с моим дорогим батюшкой, ведь на захоронении я тоже не смогу быть. Господи, я же не могу стоять в очереди, Ты же знаешь! Я сказала старосте, что у меня все готово, а у самой даже столы не накрыты на улице. Господи, пожалуйста, пропусти меня, грешную, к батюшке, я так хочу с ним проститься! Это был крик души. Удивительно то, что никто не мог слышать в этой толчее моих слов, я шептала их чуть слышно, а люди расступались передо мной, и я свободно проходила вперед. Вижу перед собой гроб батюшки, людей пропускают с двух сторон, у всех красивые, какие-то необыкновенно торжественные лица. Я не чувствую скорби, только благоговение и желание прикоснуться к батюшке. Это не прощание для меня, нет, это что-то больше и глубже, но этого мне сейчас не дано понять. В голове нет ни одной мысли и ни одной просьбы, я просто благодарна батюшке за всё!

Слава Тебе, Господи, как Ты со мной нянькаешься! Из храма вылетела как на крыльях, я не чувствовала свое тело, мне было легко и покойно. Я вдруг поняла, что пока не выполняю это послушание, Господь не оставит меня Своей Милостью ради батюшки. В трапезной меня напряженно ждала Валентина Андреевна, она уже знала, что староста вызвала меня. Я кратко передала суть разговора. Валентина Андреевна крепко жала

мою руку и сказала, что я даже не представляю, какую выиграла битву, и тут же ушла. Надо же, она даже не спросила меня про общую трапезу, хотя видела, что на улице нет еще столов, настолько она мне доверяла.

Стали приходить женщины, желающие помочь, я отдавала какие-то распоряжения, никто не стоял без дела. Мне срочно нужны были мужчины. Только подумала об этом, Ирина с молодыми людьми принесли бак с картошкой, я тут же увела ребят помочь со столами. Вынесли на улицу все столы из воскресной школы, Андреевского и крестильного храмов, как хорошо, что я не успела отдать ключи, где бы я теперь их искала. Место для столов, которое я так тщательно распланировала на улице, было занято какими-то машинами. Ладно, значит, это не наше место. Мы расставили три ряда столов вдоль Андреевского храма, под разными углами. Вмешался работник кладбища, ему все это не понравилось. Я с ним не спорила, внимательно его слушала, а сама делала по-своему. Не помню, что именно ему говорила, только мы быстро подружись, и он стал помогать расставлять столы так, как мне было нужно. Поблагодарила ребят и отпустила их к батюшке на захоронение.

Мне нужна была монахиня М., и она тут же появляется. Мы вдвоем пытаемся накрыть столы скатертями и белыми простынями, у нас ничего не получается из-за сильного ветра и дождя. Неожиданно повалил очень густой снег, да такими огромными хлопьями, что за 5 минут на столах образовались сугробы. Я не сообразила, что это небесный покров нашему батюшке. Тогда я этот снег воспринимала, как очередное искушение, но не роптала, не возмущалась, наверное, потому, что просто не было на это ни секунды времени. Ну что за умница эта монахиня! Мы понимали друг друга без слов. Вдвоем с двух сторон быстро сбрасывали на землю снег со стола с помощью бумажных полотенец, покрывали стол скатертями и простынями, а сверху полиэтиленом. Несмотря на согласованность наших действий и полное взаимопонимание, сильный ветер срывал наши покровы. Я стала бегать в подвал и приносить пакеты, разные коробки, чтобы ими можно было хоть как-то зафиксировать на столе полиэтилен. А монахиня в это время буквально лежала на столе, раскинув руки, пытаясь удержать наши покровы. Это была борьба с непогодой, и мы боролись изо всех сил. Когда мы покрыли последний стол, ветер тотчас стих, но снег еще больше усилился.

Приехал Александр с пирогами и кипятком, предложил открыть и поднять заднюю дверь своей большой машины, тем самым сделать хоть какой-то навес от снега. Я попросила его действо-

вать, а сама побежала носить из подвала все, что мы приготовили для общей трапезы. Я не успею одна, мне срочно нужны люди. Господи, пожалуйста, управи, людей больше нет, все у батюшки! Только вздохнула, а меня уже ищут 4 девушки, их прислала Валентина Андреевна мне в помощь. Слава Богу! Все вместе переносим всю еду из подвала. Расставляю еду не по эстетическому принципу, а рационально: капусту к капусте, соленья на один стол, овощи на другой, фрукты на третий. Так мы быстро заполнили весь длинный ряд столов, который был предназначен для «шведской» трапезы. Принесла пищевую пленку и нож, девушки запаковали пленкой все емкости с едой от снега. Девчонки ооченели. Я даю им четкие указания, что делать каждой из них, когда пойдет народ, и отправляю их погреться в храм. А сама бегу в подвал в трапезную, выливаю в пустой бак процеженную заварку, 2 пачки сахара, несколько чайников кипятка, быстро перемешиваю, снова ставлю чайники. Какой-то предусмотрительный человек принес ведро воды, она мне сейчас так нужна для чайников, ведь в трапезной нет водопровода. Оказывается, сама распорядилась какое-то время назад, ничего не помню. Женщины в трапезной подогрели борщ для священников на двух конфорках и занялись постепенным разогревом картошки с грибами.

Стали по одному подходить в трапезную священнослужители. Бегу наверх, девочки мои стоят в притворе храма, не пошли чай пить и погреться, боятся пропустить народ с кладбища, хотят батюшке послужить. Какие славные девчушки. У Александра все готово, уверен, что 700 пирогов, которые он привез, не просто хватит, а половина останется. Спорить не стала, во всяком случае, мне ясно одно: сейчас пока не надо нести пироги из подвала. Меня кто-то хватает за руку, в трапезной не хватает тарелок и вилок, что делать? Нахожу тарелки и вилки, молча отдаю, снова бегу наверх и вижу толпу людей, которую ведет Валентина Андреевна. Сначала растерялась, у меня же еще не все готово. Выручили мои девчушки, которые стойкой выпорхнули из храма и стали быстро и ловко распаковывать все емкости с едой, убирать снег со столов, приглашать к столам, показывать, где что. Какие умнички!

Срочно нужна горячая картошка, все замерзли, овощи без горячего не пойдут. Как мне принести бак картошки? Никак не могу найти мужчин, одни еще не вернулись с захоронения, другим хочется попить чаю, а я лезу с просьбами. В моей организационной работе произошел сбой, причем в самый неподходящий момент. Когда я говорила старосте, что у меня все продумано, я не врала.

Я действительно старалась заранее договориться со многими людьми, чтобы они мне помогали на самой трапезе, при раздаче еды. Некоторых присылала в воскресенье Валентина Андреевна, когда те предлагали свою помощь, некоторые подходили ко мне в храме сами. Каждой женщине я давала тогда четкое задание: кто будет чай наливать, кто стаканчики вынимать из пакета, кто пироги раздавать, кто блины, а кто картошку, кому ложки и салфетки подавать и т.д. Всех просила прийти ко мне хотя бы за 10 минут до общей толпы. Ко мне не пришел **никто**. Помню, мелькнуло раздражение, что из-за неорганизованности нескольких человек на самом последнем этапе идет насмарку вся наша огромная работа.

Господи, Ты все видишь, у меня, бестолковой, ничего не получается, помоги мне ради батюшки! Тут же мужчины соглашаются помочь, мы с трудом протискиваемся сквозь толпу людей и приносим большую кастрюлю горячей картошки. Некого мне было поставить сюда, и я сама стала раздавать людям картошку. Как она вкусно пахла, с деревенским ароматным постным маслом, с зеленью и чесночком! Вокруг было полным-полно народа, толпа около Александра за чаем, другая около монахини М. за пирогами, толпа уже много меньше рассредоточилась около «шведских» столов и небольшая очередь около меня с картошкой. Снег прекратился так же неожиданно, как и начался. Тут же подбегает Оля: «Я буду тебе помогать!» и мы вдвоем очень быстро стали раскладывать картошку, я половником, она большой ложкой. Картошка шла на «ура», горячая, аппетитная. Я удивлялась, почему все подходили к нам уже с тарелками, ведь я же положила их только на наши столы, чтобы раздавать горячее. Откуда они взяли тарелки? Уже потом монахиня М. мне рассказала, что я принесла много одноразовых тарелок к ним на чайные столы, Александр даже ворчал на меня, зачем. А люди, попив чаю с пирогами и блинами, брали тарелки, вилки и шли к «шведским» столам, а потом за картошечкой. Я не задумывалась тогда, что и почему именно так делаю.

Оля прогнала меня от себя: «У тебя что, других дел нет, как картошку раздавать? Ты организатор всей трапезы, иди и занимайся своим делом». Она была права, но как же мне не хотелось уходить. Как это здорово кормить людей на этой трапезе, душа поет и ликует, я даже не могла себе раньше этого представить. Я чуть-чуть отдохнула от своего бремени, а меня уже ищут, в трапезной кончились глубокие тарелки, столько народу пришло, куда борщ наливать? Александр зашивался с чаем, и хотя он работал быстро и четко, очередь к нему двигалась медленно. Ему срочно нужна по-

мощь. Вижу уже знакомые за эти дни лица, прошу помощи, но меня никто не слышит, то есть мне соглашаются помочь, а сами как стояли и пили чай, так и продолжают это делать. Пытаюсь еще раз достучаться, снова прошу, мне отвечают, что нельзя требовать от людей невозможного, все устали, хотя просто поговорить, пусть каждый сам за собой поухаживает. Вы себя оправдали, а мне-то, неумехе, которая даже не умеет с людьми разговаривать, как перед батюшкой оправдаться? Господи, помоги всех накормить, Сам организуй всех этих людей, я не могу до них достучаться!

Вижу, что надо срочно нести чай и кипяток из подвала. Схватила буквально за руку кого-то из мужчин, увела с собой в подвал за баком с чаем. По пути кого-то попросила сейчас же налить все чайники и снова их поставить и еще принести воды. Мы успели вовремя, кипяток у Александра закончился. А народ все прибывал. Решилась еще раз попросить кого-то из женщин помочь разливать чай. Одна из них с радостью согласилась, и эта Света была до самого конца, пока мы не накормили всех людей. Слава Тебе, Господи! Так, этого бака чая хватит минут на 15, не больше. Нужен компот. Этим же мужчин снова повела с собой в каморку, где стоял бак с компотом. Пробраться туда было непросто, надо было идти по узкому коридорчику, забитому людьми. Как у меня в руках оказался половник, уже не помню. Поблагодарила мужчин и снова побежала в подвал за кипятком. В трапезной было не повернуться от людей, женщины не без труда, но справлялись с работой. Кто-то у меня что-то спрашивал, всем отвечала и, видимо впопад, раз отходили успокоенными, суеты во мне не было, хотя я носилась, как метеор. Это была я и одновременно не я.

Налила из самовара ведро кипятка и понесла его наверх на улицу. На лестнице было много людей, некоторые священнослужители, покушав, стояли в коридорчике перед лестницей и беседовали. То, что они мне мешали, я тогда не понимала, просто боялась их обжечь. Несла полное ведро впереди себя и громко кричала: «Разойдитесь, я с кипятком». Как это выглядело со стороны, я не задумывалась, кто-то был недоволен такой бесцеремонностью и не скрывал этого, кто-то просто молча прижимался к стенке, пропуская меня, кто-то ободрял, кто-то крестил и молился вслед: «Помоги ей, Господи!» Кипяток оказался очень кстати, весь бак чая уже выпили, пошел на «ура» компот. Вылила в пустой бак свой кипяток, бросила туда много пакетиков заварки и снова побежала за кипятком в подвал. Срочно нужна заварка, Леночка ее даже отцедила, заварки было много, ищу на кухне, на столах, не могу

найти, прошу работающих здесь женщин помочь мне, безрезультатно. Потом мы все удивлялись, как мы не видели трехлитровый кувшин с заваркой, который стоял тут же, у нас на виду.

Сколько раз я бегала с кипятком туда и сюда, не помню. Кто-то громко зовет меня, я ничего не слышу, меня дергают за рукав, оказывается, пришла староста, зовет меня. А я сливаю последний кипяток из самовара, держу ведро на весу, отдаю при этом какие-то распоряжения и не могу подойти. Мне было не до этикета. Староста сама подошла ко мне, спросила, как я справляюсь. Я только пожалала плечами: что говорить, сами все видите, вся в суете. Пригласила ее к столу, но она отказалась, сказала, что уже потрапезничала на улице, ей все понравилось, на редкость вкусная еда, все хорошо организовано. Она никогда еще не видела столько народу на похоронах. Предложила свою помощь, это было просто смешно.

Бегу вверх с кипятком. Чай в баке заканчивается. Чуть живой Александр убирал в машину пустые термосы. Кто-то хватается за руку, жалуются на монахиню М., которая раздавала всем по два пирожка, поэтому им не хватило. Понятно, пироги кончились, сейчас будут новые, ждите. Монахиня М. аж просияла от радости. Искать людей мне некогда, бегу в подвал, хватаю сразу несколько коробок с пирогами и бегом вверх. Кто-то потом недоумевал, как я могла бегать по крутой лестнице в длинном до пят пальто и ни разу не споткнуться. Да, коробок было столько, что они были выше моего лица, я ничего не видела перед собой. Как донесла, не знаю, тяжести не чувствовала, помню только, что бежала бегом, так легче. Несколько мужчин, усовестившись, глядя на меня, стали помогать носить коробки с пирогами.

Так, пирогов им пока хватит. Что у нас с картошкой? Оля выскребала со дна последнюю картошечку и виновато оправдывалась, что больше нет. Есть, ждите, сейчас принесу. Схватила на кухне кастрюлю и быстро понесла вверх. Оля была просто в шоке, как я одна донесла эту огромную кастрюлю. Ко мне подошли несколько человек, попросили разрешения взять еще один пирожок. Я удивилась: «Вам что, не дали, когда Вы попросили?» Нет, им дали по два пирога, потом они еще попросили по одному, но пироги такие вкусные, им еще хочется, а попросить стыдно. Я дала им по 4 пирога и велела давать пирогов столько, сколько попросят, никому не отказывать, пирогов много, я сейчас еще принесу. Как же обрадовалась монахиня М., оказывается, ее буквально заклевала какая-то проходящая мимо дамочка, всем бесплатно раздают такие вкусные пироги, а ей дали только один. Несмотря на усталость, монахиня выгляде-

ла счастливой. Да, я понимаю ее, сколько удивительных впечатлений получаешь, раздавая еду на этой необыкновенной трапезе. Если бы люди это понимали, никто бы не отказывался помогать.

И только теперь я увидела не толпу, которую надо накормить, а умиротворенных людей, которые с аппетитом кушали, кто у столов, кто поодаль. Да, народу было много, очень много. И как же хорошо, что мы все трапезничаем на свежем воздухе, здесь, конечно, не посидишь, как в трапезной, но зато ты можешь встать, куда хочешь, подойти и поговорить со многими, ты можешь пойти и сам взять со столов все, что там лежит, и то, что тебе хочется. Снег прекратился, ветер стих, у храма, где стояли поминальные столы, было совсем не холодно, особенно после чая и горячей картошки. Было тихо и спокойно и как-то необыкновенно хорошо на душе. Люди стояли небольшими группами и негромко разговаривали между собой. Все были довольны и умиротворены. Странно, мы потеряли батюшку, мы его похоронили, а никто не скорбит, все улыбаются и выглядят счастливыми, прямо светятся.

Обошла все столы, убрала освободившиеся тарелки. Еды на «шведских» столах было еще много. Так захотелось самой поесть, когда я вообще последний раз ела, никак не могу вспомнить. Взяла чистую тарелку, протягиваю Оле, чтобы положила картошки. Она спрашивает: «Это кому?», никак не могла поверить, что это мне, юмора мы с ней тогда не оценили, смеялись позже. До чего вкусная картошечка, да еще с соленым огурчиком. Теперь понимаю, почему все так благодарят за трапезу, еда действительно была необыкновенно вкусной, хотя постная и самая простая.

Подошел отец А., попросил собрать пакет с едой, Валентина Андреевна идет ко мне с такой же просьбой, кто-то срочно уезжает, не может покушать, надо быстро собрать несколько сумок. Побежала вниз искать пакеты и собирать еду. Только освободилась от пакетов, вижу, что закончилась картошка, бегу вверх. Первая партия священников покушала, заканчивает вторая, пришли дьяконы в третий заход. Есть свободные места для вновь пришедших, еды на столах много, женщины за этим следят. Картошки с зеленью больше нет, пошла в ход картошка с грибами. Хватаю ведро картошки с грибами, бегу на улицу. Около Оли уже толпа, она нервничает, увидела меня, просияла от радости. Пюре с белыми грибами оказалось необыкновенно вкусным. Потом Ирина еще несколько раз приносила нам картошку с грибами, пока она не кончилась. Не помню, сколько раз я еще бегала из подвала вверх с кипятком и коробками с пирогами. Картошка вся закончилась, Оля

ее так и не попробовала, но зато накормила всех желающих и радовалась несказанно. Рассказала, как один юноша подходил к ней 5 раз, смущался от этого и не мог ничего с собой поделаться, он никогда в жизни не ел такой вкусной картошки. Глаза у Олюшки сияли от счастья. Слава Тебе, Господи, что Ты поставил на это послушание именно эту Свою рабу.

Через некоторое время народ куда-то исчез, у «шведских столов» стояло всего несколько десятков человек, в основном пожилого возраста, около чайных столов уже никого не было. Неужели всех накормили? Не верится. Сколько же людей у нас было? Кто-то зовет меня, оказалось, это монахиня М., ее увозят на машине. Господи, спаси ее и сохрани, как она мне помогала все это время, только Ты знаешь! Потом несколько дней корила себя, что не узнала, поела ли она, не собрала ей ничего в дорогу, даже адрес и ее телефон не успела записать. Думала, потом у Валентины Андреевны возьму ее координаты, позвоню, поблагодарю, но оказалось, что никто эту монахиню не знает и все видели ее здесь в первый раз.

Подхожу к оставшимся людям, они горячо благодарят нас за трапезу, никогда в жизни не ели такой вкусной еды, на ней благодать Божия, им так хочется домой принести хоть кусочек своим родным. Стали раздать оставшуюся еду всем желающим, и все с радостью разбирали ее. За что нас-то благодарить? Наша только суeta, часто бестолковая, это Господь сделал эту еду такой благодатной за смирение Своего угодника, чтобы нас, грешных, утешить. Лидия с мужчинами быстро и ловко стали освобождать столы, отнесли их на свое место, собрали весь мусор. Все полны сил, а я еле двигаюсь. Я была, как сдувшийся воздушный шарик, а ведь совсем недавно летала. Да, мое послушание закончено, поэтому и сил нет. Силы давал мне Господь только на послушание! Странное это было состояние, несмотря на полное отсутствие сил, у меня нет опустошенности и тупого равнодушия, когда тебе ни до кого и ни до чего, как бывает от чрезмерной усталости, а есть четкое осознание, что я выполнила всё от меня зависящее и отдала себя до конца.

В трапезной священников уже не было. За столами сидели в основном духовные чада батюшки, большей частью те, кто помогал на трапезе, и тихо беседовали. Кто-то спросил, сколько же людей мы накормили, и все повернулись ко мне за ответом. Мы прикинули, что в трапезной накормили больше 100 человек. Но как посчитать, сколько людей было на улице, на общей трапезе, кто же их считал? Я предложила посчитать по количеству одноразовых стаканов, за эту цифру

я была уверена. Спросила у присутствующих, видел ли кто-нибудь оставшиеся стаканчики, но им в трапезную никто не приносил пустую посуду. Оля вспомнила, как монахиня М. подходила к ней спросить, нет ли здесь стаканов, у нее они заканчиваются. Значит, все стаканы ушли. Меня сразу стали спрашивать, сколько их было? Я вынесла на улицу 700 стаканов, они были пересчитаны и разъединены каждый один от другого. Значит, мы накормили как минимум 800 человек! Эта цифра всех нас поразила, особенно меня, я никак не могла в это поверить. Но один мужчина сказал, что это вполне реальная цифра, даже заниженная, потому что храм был забит битком, все его приделы. При нем кто-то считал людей при выносе гроба из храма и, досчитав до 500, сбился, а прошла тогда меньшая часть. И все эти люди пришли на трапезу. Некоторые из присутствующих говорили, что людей было гораздо больше, чем стаканов, потому что они сами, увидев большую очередь за чаем, не стали там стоять, а пошли сразу к столам с овощами и картошкой. А когда поели, то взяли пироги, ушли по своим делам, так и не сумев выпить ни чая, ни компота. И так многие делали. Предложили мне считать количество людей по тарелкам, но это было невозможно, я не могла отследить, сколько их было всего, разные люди их покупали и приносили. Я была уверена только за стаканы. А скольким людям мы давали с собой еду буквально сумками, потому что они уже уезжали и не успевали покушать и выпить чай, их посчитать вообще невозможно. Значит, все правильно, мы накормили не менее 800 человек. Я была так удивлена, что никак не могла прийти в себя.

Пришла Лидия и, схватив меня в охапку, стала хвалить, как это у меня так ловко получилось накормить такую ораву, даже их строгая староста была поражена, что все было так хорошо организовано. А я, слушая ее, едва сдерживала слезы, я позавидовала им, что они все были на отпевании и захоронении, а меня за мои грехи Господь не допустил туда, я не достойна этого, мое место среди кастрюль на кухне, а не в святом храме на отпевании праведника. Я даже не знаю теперь, где батюшка захоронен, где его могилка, и, не выдержав, я расплакалась. Лида сказала, что надо было все бросить и идти в храм на отпевание, Господь бы Сам все управил. Но я не могла так поступить, наверное, мне не хватает полного упования на Бога. Знаю только, что если бы сейчас все снова повторилось, я бы поступила точно так же. Другое дело, что я не смогла все организовать так, чтобы высвободить время на самое важное дело — отпевание батюшки, это правильно, но Господь знает, как я этого хотела и как старалась. Конечно, у более сильного, прак-

тичного, спокойного и духовно опытного человека все бы получилось именно так, несмотря ни на какие искушения, но такого человека в тот момент у Валентины Андреевны не оказалось.

Кто-то, желая меня утешить, решил тут же показать мне могилку батюшки, и все сразу тоже засобирались к батюшке. Не знаю, о чем мы говорили по дороге, но хорошо помню, какие все были счастливые, прямо как в пасхальные дни. Могилка батюшки была недалеко, слева от колумбария, 33-й участок, это было место захоронения матушкиных родных. Могилу о. Михаила было видно сразу, она выступала метровым покровом над землей из самых разных цветов, такого количества цветов я еще никогда не видела. Таблички с именем батюшки еще не было, стоял только крест. Мы молча сгрудились вокруг могилки и ограды. Валентина Андреевна попросила отца А. начать литию, и он громко запел «Многая лета», все дружно подхватили. Мы даже не поняли, почему Валентина Андреевна нас так резко и сердито оборвала. Воцарилось общее молчание, мы никак не могли понять, в чем дело, смотрели на нее и недоумевали: что, не по нотам поем? Валентина Андреевна внимательно посмотрела на нас и тихо, с укором, сказала: «Какие многая лета? Батюшка умер» и запела: «Упокой, Господи, душу раба Твоего, новопреставленного протоиерея Михаила!» Все зарыдали, кто беззвучно, кто еле слыш-

но, кто с надрывом, все безутешно плакали, кроме Валентины Андреевны. Она стояла «в струнку», сжав кулаки, и одна пела литию. Господи, Ты один знаешь, каково ей было все эти дни, помоги ей! Я потом еще долго продолжала по привычке поминать батюшку о здравии в своих молитвах, ум мой никак не хотел вместить, что надо молиться об упокоении батюшки.

Как удивительно иногда все устраивает Господь. Поставить распорядителем поминальной трапезы старца Михаила немощную во всех отношениях женщину казалось (и не только мне) делом совершенно безнадежным и провальным, но если все делаешь по благословению в согласии с волей Божией, уже не важно, кто и какой ты, тогда твоими руками все делают Ангелы, главное им не мешать. А я, глупая, столько раз унывала вместо радости и благоговения, перед Ангельскими силами! Прости мне, Господи, мою немощь! Батюшка, прости меня за все ошибки, за мое малодушие и помолись за меня, окаянную! Благодарю Тебя, Господи, что я познакомилась с таким удивительным молитвенником, как отец Михаил, который буквально вырвал меня из некрещеного рода, и по его святым молитвам я уверовала. Какая же это Милость Божия ко мне, недостойной, мне всю оставшуюся жизнь надо благодарить Бога за этот бесценный дар. Слава Богу за все!

